

КРУТОЙ СЮЖЕТ '95

Annotation

- [КРУТОЙ СЮЖЕТ](#)
 -
 - [Геннадий Паркин](#)
 - [Вступление](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
-

КРУТОЙ СЮЖЕТ

1995, № 4

Юрий Гаврюченков

СОКРОВИЩА МАССАНДРЫ

Геннадий Паркин

МОШЕННИКИ И НЕГОДЯИ

КРУТОЙ СЮЖЕТ

Литературное приложение к журналу
«Кэмпо»

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Юрий Гаврюченков
СОКРОВИЩА МАССАНДРЫ

Геннадий Паркин
МОШЕННИКИ И НЕГОДЯИ

Минск
Met
1995

I «Крутой сюжет» № 4

Юрий Гаврюченков

СОКРОВИЩА МАССАНДРЫ

Был солнечный летний день, когда Макс вернулся домой, открыл вентиль газовой плиты и сунул голову в духовку. Скорбный путь неудачника начался после окончания медицинского училища, когда его забрали в армию, где он, несмотря на все старания, попал не в санчасть, а в боевую роту. После армии полоса неудач стала непрерывной: дико и страшно погибли в автокатастрофе родители; сестра, разменяв квартиру, продала свою жилплощадь и уехала с мужем в Москву, где, похоже, вообще забыла о младшем брате. Макс тщетно устраивался на работу, но все попытки найти подходящее дело терпели фиаско. Наконец, Макс принял окончательное решение — умереть.

Все равно он никому не нужен...

Переполнившись жалостью к своей многострадальной особе, Макс зарыдал. Затем подавился газом и его вырвало.

Нет, это плохая смерть.

Он выключил газ и открыл окно. Проклятье, даже нормально умереть не получается!

Через час, окончательно прия в себя, Макс решил пообедать. В хлебнице оставалось еще пол-батона, было жалко, что он может пропасть зря. Постелив газету, Макс нарезал булку и стал медленно пережевывать, мельком проглядывая многочисленные объявления.

«Продаются щенки карликового пуделя».

«Срочный ремонт радиоаппаратуры».

«Самые низкие цены в Санкт-Петербурге!»

«Требуется сиделка для ухода за больным».

«Продаю доски, шифер, кафельную плитку».

СТОП!

Макс встрепенулся, провел пальцем по колонке объявлений. «Требуется сиделка для ухода за больным». В конце концов, он мог сойти за фельдшера или медбрата.

Жизнь оборачивалась новой, привлекательной стороной. Макс придинул телефон и набрал номер.

— Здравствуйте, — сказал он, когда в трубке раздалось «Алле». — Вы давали объявление по уходу за больным?

* * *

— Здравствуйте, — сказала Майя. — Я вам звонила.

— Здравствуйте, — холодно и осторожно поздоровался молодой человек лет 25, окидывая ее оценивающим взглядом. — Проходите. Раздевайтесь вот тут.

Майя скинула плащ, туфельки и робко проследовала по Коридору, сопровождаемая своим странным спутником. Парень шел бесшумно, постреливая по сторонам глазками, ноздри у него раздувались хищно, как у вампира.

В комнате, уставленной старинной мебелью, восседала дородная матronа лет 50. Ее огромное тело занимало большую часть дивана, мягкого, старинного, украшенного завитушками из красного дерева.

— Здравствуйте, — снова робко произнесла Майя.

— Здравствуйте, милочка, — холодно, но ехидно поздоровалась женщина. — Значит, будешь работать у нас. Владик, поприсутствуй.

Парень беззвучно опустился в кресло.

— Объясняю условия работы, — сказала дама. — Вы будете находиться здесь двенадцать часов подряд. В ваши обязанности входит сидеть рядом с папой. Когда он начинает говорить, вы должны включать магнитофон, а также записывать в блокнот каждое его слово. В остальном — обычновенный уход. Кормить, менять простыни будем мы сами. Вы умеете делать массаж?

— Да, конечно, — сказала Майя, — классический, точечный, у меня даже диплом массажиста есть.

— Оставь его себе, милочка, — оборвала женщина. — Умеешь — хорошо. Будешь делать массаж один раз, вечером.

Платить будем пятьдесят долларов в месяц.

— Я согласна, — поспешила сказать Майя.

— Хорошо, — женщина поднялась. — Теперь пойдем посмотрим папу.

Они прошли в гостиную и оказались в небольшом полутемном кабинете. Когда открыли дверь, в нос ударил запах спретого воздуха, мочи и пота. Сидевший у изголовья человек отложил книгу и встал.

— Все в порядке, Надежда Викторовна, — сказал он. — Ничего не говорил, пульс нормальный, дыхание ровное.

— Хорошо, — ответила матronа, подозрительно оглядываясь. — Вы тут не курили?

— Ну что вы, — человек бледно улыбнулся. — Я ведь не курю.

— Ну ладно, ладно, — удовлетворенно сказала женщина. — Вот эта девочка будет вас подменять на ночь. Ознакомьте ее со всем.

Надежда Викторовна вышла и закрыла за собой дверь.

— Здравствуйте, — сказал человек. — Меня зовут Максим. Можете просто Макс.

— А меня Майя. Давайте уж сразу на «ты», — глаза успели привыкнуть к полумраку и Майя разглядела своего собеседника. Она ошиблась, приписав ему сначала лет 30. Это был обычновенный парень, лет двадцати с небольшим, разве что лицо у него уставшее. В такой атмосфере это неудивительно.

* * *

Майя быстро привыкла к своей новой работе. Дело было в следующем. Отец — тот самый летаргический старик, около которого она проводила время с 20 до 8 часов, работал раньше главным инженером воинской части где-то в Крыму. Семья жила с ним там, а в Ленинграде была фиктивно

прописана теща, которая немедленно съехала, когда у отца случился инсульт и его перевезли в Питер.

Кроме жены — дородной матроны — в квартире проживали его дети: сын Владислав и дочь Жанна. Владик работал бухгалтером в коммерческой фирме и был явным пааноиком. Жанна училась в институте Герцена, готовясь стать преподавателем литературы и русского языка.

Благодаря отвратительному характеру Надежды Викторовны, в доме царила атмосфера подавленности и необъяснимого страха. Частично ее поддерживал Владик, подслушивая у дверей и совершенно внезапно возникая в темных углах в любое время суток. Командорские замашки мамаши вместе со странными манерами братца заставляли Жанну подолгу задерживаться в институте и у подруг, что жестоко преследовалось Надеждой Викторовной, делая жизнь совсем невыносимой. С приходом Майи появилась отдушина. Стало возможным не выходя из дома общаться с нормальным человеком, чем Жанна немедленно воспользовалась, проводя много времени у постели любимого отца. Среди бесконечных историй о счастливой жизни в Крыму, Жанна часто повторяла одну легенду, которая, как поняла Майя, играет в жизни семьи далеко не последнюю роль.

В 1941 году, перед оккупацией Крыма, из Массандры успели вывезти знаменитую коллекцию старинных вин, среди которых был уникальный «Херес-де-ла-Фронтера» разлива 1775 года. Бесценное собрание спрятали где-то вблизи монастыря св. Стефана. Там стояла воинская часть, в которой служил отец. Война вещь непредсказуемая. Ни один из тех, кто прятал коллекцию, не остался в живых, исчезли также все документы, связанные с ней.

Почти пять лет жизни отец посвятил сборам историй о драгоценном кладе вин, объединенном, по словам рассказчиков, с оружием из Ялтинского музея и с золотыми слитками из банка. Собирая крупицы информации, тщательно ее анализируя и отбрасывая ненужное, отец словно мозаику создавал подлинную картину событий более чем сорокалетней давности. Вершиной его трудов стала карта, на которой он отметил предполагаемое место хранилища, но организовать поиски не успел — случился инсульт. Его, потерявшего всякие

признаки разумной жизни, перевезли в Ленинград. Изредка к нему возвращалось сознание. Однако то, что успевал сказать этот полуягненок, не содержало никакой полезной информации. Карту он успел спрятать, на всякий случай, подальше от всех. Тем не менее, семья не теряла надежду.

Кроме Жанны, дежурства немного скрашивали разговоры с Максимом. Он оказался неплохим парнем и давал понять, что не прочь наладить более близкие контакты. Однако при данном режиме работы сделать это было непросто.

Обычно, при смене каждый из них задерживался на часок, чтобы поболтать. Это не одобрялось Надеждой Викторовной, но вслух она ничего не говорила.

В тот день она сменила Макса в положенные 20.00, но он, как всегда, задержался. На сей раз разговор зашел о море.

— А знаешь, я ни разу не была в Крыму, — призналась Майя. — Жанну слушаешь, так там прямо рай.

— Я на море ездил два раза, — сказал Макс. — На Азовское. Там у завода есть свой санаторий и маме давали путевки.

В это время дверь бесшумно открылась у них за спиной. Майя почувствовала движение воздуха, обернулась. В метре от постели стоял Владик.

— Чем вы тут занимаетесь? Как отец, нормально? — язык у него явно опережал мысль. Владик присел, опасливо косясь на Максима, взял волосатое запястье отца и сделал вид, будто меряет пульс.

— С отцом все в порядке, — сказала Майя, более благородный Макс промолчал.

— Ну и хорошо, — с видимым облегчением произнес Владислав, отпуская руку. Он встал и беззвучно удалился.

— Я пойду, — сказал Макс. — До свидания.

— До завтра, — ласково ответила Майя. — А то бы посидел еще немного?

— Извини, у меня дела, — вспомнив о чем-то произнес Макс.

Он быстро вышел, захлопнув дверь.

Резкий звук, нарушивший могильный покой кабинета, словно разбудил старика. Он задвигался на своем ложе и открыл глаза, затуманенные бесконечным сном.

Это было так неожиданно, что Майя замерла, испуганно глядя на желтое высохшее лицо. На мгновение их взгляды встретились.

— Жанна, — произнес старик. — Жанна.

Надо включить запись, — подумала Майя и дотянулась до красной кнопки.

— Жанна, — повторил старик, — не уходи. Здесь душно. Открой окно в сад.

— Сейчас открою, — сказала Майя и ее вдруг озарило. — Папа, скажи, где твоя карта?

— В одежном шкафу, за стенкой. Открой окно, душно... — старик что-то забормотал и через минуту затих.

Вот это да, — подумала Майя. — Интересно, как там все записалось?

Она отмотала пленку и включила прослушивание.

Сзади скрипнула дверь.

— Майя, я тут сумку свою оставил, — начал было Макс. — А он что, заговорил?

— Да так... — Майя смутилась. Сцена с «отцом» показалась ей вдруг отвратительной.

— Давай послушаем, — сказал Макс, подходя поближе.

— Да он ничего такого...

Прокрутив два раза запись, Макс хитро сощурил глаза.

— Ну-ка, — сказал он, — рассказывай, что это за карта?

* * *

Когда солнце стало припекать, Майя стряхнула бумажку, которой прикрывала свой обгоревший нос, и морщась пошла

по хрустящей гальке к лазурному краю моря. Сегодня она слишком поздно пришла на пляж, все места у воды были уже заняты.

Она отошла подальше, туда, где подводная скала круто обрывалась в море, набрала воздуха и нырнула. В голубой прозрачной воде мутными шарами плавали мелкие медузы. Они не обжигали, Майя одну даже попробовала на вкус. Медуза была водянистая, как комковатый кисель, соленая от морской воды.

Когда кончился кислород и жутко захотелось дышать, Майя вынырнула, легла на спину.

Ох, хорошо, — думала она, жадно глотая воздух. — Еще немного позагораю и пойду собирать мидий. И еще надо хлеба к ужину купить.

Майя и Макс жили в Щебетовке уже вторую неделю. В тот вечер, выслушав ее сбивчивый рассказ, Макс хладнокровно стер запись и предложил вместе поехать на юг. Майя долго не раздумывала — от работы сиделки ее уже тошнило. Еще месяц-другой и она сама бы ушла. Макс предложил дождаться выплаты денег, а затем уйти по-английски, не прощаясь. У Макса была палатка, в которой они теперь обитали. Сам Макс каждое утро уходил через горы в воинскую часть — нужно было отыскать дом, где прежде жила эта семейка. Возможно, там сохранился шкаф и карта тоже сохранилась. По крайней мере, Макс очень на это надеялся.

Почувствовав, что снова становится жарко и по телу бегут струйки пота, Майя встала, достала из сумки пакет и пошла добывать ужин.

Место, где жили мидии, находилось метрах в пятнадцати от берега. Это был огромный плоский кусок скалы, лежавший под водой на глубине щиколотки. Мидии покрывали его плотным слоем, не оставляя ни сантиметра открытой поверхности. Осторожно ступая, чтобы не порезаться об острые края ракушек, Майя дошла до середины, села и на ощупь принялась срывать моллюсков, выбирая покрупнее.

Несколько мощных мужчин проплыли мимо на шлюпке, играя накачанными в спортзале бицепсами. Майя помахала им

рукой, но ответа не получила.

Недавно приехали, — решила она, взглянув на их красную, слегка тронутую загаром кожу.

* * *

Макс пробрался сквозь кусты, выбрал более-менее горизонтальный камень и остановился, задыхаясь после подъема по крутым склонам. Его рубашка вся пропиталась потом и липла к телу. Он на мгновение задержал дыхание, замер, прислушиваясь. Тишина. Но звуки в горах обманчивы. «Рексы»! Его заметили «рексы», когда он выбрался из военного городка и пошел по новой дороге, рассчитывая сократить путь. Он слишком размечтался, вообразив себя Рэмбо, и потерял осторожность. А, может, задумался о последнем разговоре со стариком. Старик наконец сказал дело. Потребовалось три дня на его обработку, прежде чем он указал дом прежнего главного инженера. Но все равно: думать надо потом, вечером, в палатке; в режимной зоне следует оставаться предельно внимательным, а он, потеряв всякий страх, выскочил на дорогу прямо перед сменой с разводящим. Может быть, все и обошлось, если бы от неожиданности он не бросился бежать. У «рексов» голова работает просто: если бежит — надо ловить! На то они и «караульные собаки».

Вроде тихо. Значит, ушел. Значит, оторвался. Отлично! Теперь пускай ищут, хрен найдут. Надо же, в горах первый раз, а освоился быстро. Правда, ноги все посбивал в новых шнурованных сапогах, но это пустяки. Это мелочь. Главное — дом. Теперь он его знает. Если стариk не соврал, если он, дурак старый, не ошибся, завтра карта будет в руках. Если только, не дай Бог, хозяева не выбросили старый платяной шкаф!

Ужин был как обычно: печенные мидии и серый хлеб. Правда, Майя достала где-то фруктов, а Макс колбасу у деда прихватил. В общем, поели. Потом долго сидели у костра, отдыхали после еды, ждали, когда опустится ночь.

— Помнишь деда из спортзала, я тебе рассказывал? — спросил Макс.

— Помню, помню, — ответила Майя, разгребая хрустящие ракушки. — Самый старый дед...

— Ага, так вот он сегодня наконец раскололся. Долго я его обхаживал. Показал мне дом — мы как раз мимо проходили.

Они залезли в палатку.

— А ты когда-нибудь думал, что будет, если мы все это найдем? — успела спросить Майя.

— Я-то...

— А говорил, что устал.

— Ну уж не настолько, чтобы совсем никуда не годиться.

— Я тебя люблю, Макс.

— Я тебя тоже, малышка.

* * *

Южный берег Крыма — одно из самых солнечных мест на территории бывшего Советского Союза. Макс ощутил это на своей шкуре, пролежав пять часов под кустом, дающим слабую тень, и опорожнив до дна литровую фляжку. В отношении комфорта место было не самым удачным, но отсюда хорошо просматривался нужный дом и участок двора, не заслоняемый кронами деревьев. Макс дожидался момента, когда хозяева отлучатся, чтобы без помех поискать шкаф главного инженера. Он уже знал, что в доме живет одинокая пара, которая почему-то не хочет ниходить в гости, ни ездить на море освежаться. Заступая на свой пост, Макс настроился на долгое ожидание, возможно, многодневное, но быстро понял, что переоценил свои силы. Вспоминались аутодафе, казнь на солнцепеке и пустыня Сахара. Он снова взял флягу, отвинтил колпачок и выцедил на язык несколько капель горячей воды. Этим не напьешься, — подумал Макс и передвинулся глубже в тень. — Сейчас бы под душ...

И тут он забыл про душ и про то, что хочется пить. Хозяйка — полная украинка с плоским смуглым лицом — закончила развешивать белье, сняла фартук и вышла через калитку на

улицу. Ее муж уехал на «Яве» еще утром, по-видимому, надолго.

Время, — Макс посмотрел на часы, — 15.30. Универсам открывается в 15.00. Овощной и хозяйственный — в 14.00. Без сумки, значит не в магазин. Но и не к соседке. Ладно, вперед!

Он осторожно встал, стряхнул пыль, вышел на дорогу. Никого. Половина четвертого. День. Жара. Машина не слышно. Давай, действуй.

Не спеша открыв калитку, он поднялся на крыльце. Дверь, как и ожидалось, была не заперта. Значит, ненадолго, — решил Макс, — тем более нельзя время тянуть. Надо пошевеливаться.

Он миновал веранду и остановился перед двумя совершенно одинаковыми дверьми. Какая куда? — подумал он, открывая ту, что была перед ним. — Ага, кладовая и лестница на чердак. Не то, — он распахнул другую и вошел в комнату.

В жилой части дома оказались две комнаты и кухня. Макса постигло жестокое разочарование: мебель везде новая, сборная, из ДСП. В такую не то, что карту — спичку не спрячешь. На всякий случай он пошарил во всех шкафах, но никакой двойной стенки, естественно, не обнаружил.

М-м, как неприятно, — подумал Макс, но тут черные мысли вышиб звук шагов, уверенных хозяйственных шагов. Заскрипел пол на веранде.

Е-мое! — Макс затравленно обернулся, но единственный путь к спасению вел под кровать. Кровать была старая и большая. Возможно, она досталась в наследство от прежних хозяев.

— Вот сюда давайте, — сказал мужской голос.

Послышалось тяжелое шарканье сапог и хриплое натруженное дыхание.

— Э, угол, смотри! — крикнул кто-то и сразу послышался тяжелый удар, от которого задребежали стекла.

Что-то массивное поставили на пол. Раздались вздохи облегчения, потом кто-то большой и тяжелый радостно сказал:

«Все!»

— Ну, спасибо, ребята, — сказал хозяин. — Это вам.

Голоса удалились, Макс осторожно выглянулся из-под кровати.

Посреди комнаты, в толстой деревянной окантовке стоял холодильник. Ковровая дорожка была помята и кое-где остались следы пыльных солдатских сапог.

Надо перебазироваться, — подумал Макс, заглядывая в окно. Мужчина уже закрывал калитку, намереваясь вернуться в дом. В распоряжении Макса оставалось от силы пятнадцать секунд.

Страясь не хлопать дверями, он быстро поднялся на чердак. Внизу уже кто-то ходил, так что пришлось замереть, опустившись на загаженное ласточками бревно.

На чердаке оказалось душно, но зато не жарило солнце. Макс немного осмелел, перекинул ноги на другую сторону бревна и принялся изучать внутренности чердака.

Чердак был забит всяким хламом. Как и положено в образцовой украинской семье, сюда тащилось все, отслужившее свою службу: старые корзины, детский велосипед, какие-то доски, стулья, комод и ветхий платяной шкаф с разбитым стеклом.

Сначала Макс разглядывал это барахло без всякого интереса, больше прислушиваясь к звукам внизу. Тем более, что пришла жена хозяина и принялась восторгаться по поводу нового холодильника. Но постепенно мозг включился в более эффективный режим. Короче, Макс снова увидел шкаф.

Почему бы и нет? — подумал он, разминая в пальцах шарик засохшего гуano. — Подойти да проверить. Только не сейчас. Ладно, тут жить можно, дождусь ночи.

Однако судьба распорядилась по-своему. Закончив распаковывать приобретение, хозяин завернул в картон палки и (не пропадать же добру!) потащил его НА ЧЕРДАК!

Когда внизу стукнула дверь, Макс полностью замер и перестал дышать. Мало ли что может понадобиться в кладовой, инструмент положить или еще что. Но тут

заскрипела лестница и в отверстие просунулся картонный ком, а затем и голова мужика. Секунду они молча смотрели друг на друга, затем мужчина сглотнул и поднялся еще на одну ступеньку.

— Ты что тут делаешь? — спросил он.

Ну что ему можно было ответить?

* * *

Несмотря на одуряющий, дневной зной, по ночам было очень прохладно.

Макс включил подсветку, посмотрел на часы. Час ночи. Рановато, но дьявольский холод доконает его раньше, чем пройдут еще два часа. Как жаль, что нельзя ждать дальше, однако сама мысль об этих двух часах была невыносимой. Макс медленно спустился с горы и подошел к забору. Вдалеке послышался шум машины.

Подождем, — решил Макс. Время пока работала на него. Ждать, впрочем, пришлось недолго. Карабульный ГАЗ-66 пронесся мимо, обдав ветром. В кузове курили солдаты. — Тигр рождает ветер, дракон рождает бурю, а ГАЗон рождает вихрь, — подумал Макс. Потом перелез через забор и подошел к машине.

Было немного страшно. Он прислушался, запустил пальцы под крышку багажника, скжал зубы. Боль пронзила челюсть. Макс подвигал ею и она с хрустом стала на место. Он бы с удовольствием помассировал ушиб, чтобы потянуть время, но дело рано или поздно пришлось бы делать. Макс взял себя в руки и отжал крышку.

Канистра с бензином находилась на своем месте. Макс осторожно облил веранду и небольшую пристройку, похожую на курятник, сделал дорожку к забору и чиркнул спичкой. Курятник и веранда занялись разом. Макс перебежал дорогу, юркнул в спасительные кусты.

Сначала, минуты две, было тихо. Затем в окнах зажегся свет, хлопнула дверь, послышались испуганные крики. Из

соседних домов стали выбегать люди. Зазвенели ведра, кто-то с треском выломал калитку — начали тушить пожар.

Ничто не собирает вокруг себя так много людей как огонь. Макс незаметно присоединился к толпе и, разглядев полуодетую знакомую пару, прибежавшую посмотреть на пожар, быстрым шагом направился к их дому. В спешке хозяева даже не закрыли дверь. Макс торопливо поднялся на чердак, добрался до шкафа, запустил руки в его затхлую пустоту.

Действительно какие-то доски. Нащупав щель, он просунул пальцы, потянул на себя. Что-то захрустело, доска больно ударила по руке и упала на пол. В задней стенке шкафчика образовалась дыра. Макс посветил фонариком и увидел верхнюю половину полиэтиленового пакета, в который было что-то завернуто. Сунув пакет в карман, он слетел по лестнице вниз, вышел из дома и почти бегом двинулся к месту пожара. Там уже собралась порядочная толпа. Курятник потушили, но веранда еще горела, видимо огонь забрался под крышу. Метались какие-то люди с ведрами, а на дороге разворачивался красный пожарный ЗИЛ.

Макс отошел в лес и скоро вышел на тропу, ведущую в гору.

* * *

Появляясь в Щебетовке становилось все опаснее. Сегодня Майю чуть не поймали в магазине, зато на ужин были рыбные консервы и баклажанная икра. По дороге Майя прихватила лопату, легкомысленно оставленную кем-то вне своего двора. Предполагалось, что лопата должна существенно помочь в отыскании клада. В том, что Макс благополучно отыщет карту, Майя не сомневалась.

Он пришел к рассвету, когда воздух за ночь успел остыть, а солнце еще не взошло, чтобы превратить горы в палящий ад. Майя проснулась от холода и увидела на парусиновой стенке палатки отблески огня. Зябко поеживаясь, она выползла наружу и увидела Макса. Он сидел у костра,

сосредоточенно разглядывая ноги. Тяжелые прошнурованные сапоги лежали рядом.

— О-ах, привет, — сказала она, зевнув и прикрыв рот ладошкой. — Есть хочешь?

— Давай, — хмуро ответил Макс, разглядывая натертые пальцы. В темноте он сбился с дороги и вышел, порядочно поблуждая.

Майя достала еду, поставила греться у огня. Начинало светать.

— Ну как? — спросила она, подразумевая результаты вылазки.

Макс сосредоточенно ел, делая вид, будто ничего не слышит. Наконец, он оставил банку, полез в карман и достал длинное измятое перо.

— Это тебе, — сказал он, укрепляя его в волосах у Майи. — Фазанье.

Фазанов, которые раньше в урочище не водились, завез прежний командир части. Благодаря чуткой заботе генерала, выделившего прапорщика специально для подкормки птиц отходами солдатской столовой, фазаны размножились в огромных количествах и сильно потеснили коренных обитателей животного мира ущелья. Эту историю поведал Максу все тот же старец — смотритель спортзала. Он представлял собой живое хранилище местных легенд, за три дня знакомства Макс услышал от него столько разных историй, что мог бы самостоятельно выступать в роли специалиста по местному эпосу.

Майя поняла его неожиданный подарок как знак того, что ничем лучшим он порадовать ее сегодня не может. Она видела его окровавленные ноги, разбитое лицо и догадывалась, что этот день был для ее друга не самым лучшим в жизни.

Макс допил мутноватую бурду, так и не врубившись, чай это или кофе, потом сунул руку в другой карман и достал пакет. Майя безучастно наблюдала за его манипуляциями, но когда в руках Макса зашуршила разрисованная бумага, она встала и переместилась поближе к нему.

— А вот это карта, — победно ухмыляясь сказал Макс.

Майя издала победный вопль и чмокнула его в щеку.

Карта представляла собой кусок ватмана величиной полметра на метр. В нижнем левом углу была старательно, хотя и неумело нарисована восьмиконечная звезда, обозначающая стороны света. Под ней виднелись карандашные наброски стандартного топографического указателя в виде стрелы «север-юг». Основным ориентиром являлась воинская часть, расположенная в узком вытянутом ущелье. Место клада находилось не так уж далеко.

* * *

День выдался жаркий, ничем не лучше предыдущих. Макс и Майя основательно взмокли под тяжестью своих объемистых «Ермаков». Дрожал накаленный воздух, в сухой траве звенели цикады.

Майя, чьи кеды на тонкой подошве нисколько не защищали от острых камней, совсем выбилась из сил. Макс сбавил темп и свернулся в тень узловатого горного дуба.

— Привал, — сказал он...

До полудня Майя крепилась, но сейчас сдала. Вообще-то, она мало подходила для горных переходов, но вид красного взмыленного Макса, которому со сбитыми ногами приходилось не легче, заставил ее сжать зубы и просунуть руки в лямки рюкзака.

Спуск в лощину с тяжелой ношей за спиной оказался раза в три сложнее подъема, зато на дне их ждала награда: чистый, прозрачный ручей, пробивший свой путь сквозь скальные тверди, низвергался с высоты двух метров в ровное круглое озерцо. От него исходила атмосфера свежести и прохлады. Майе не потребовалось много времени, чтобы раздеться. Она прыгнула под струи водопада и завизжала — вода была обжигающе холодной.

Они находились недалеко от «зоны» — огражденного колючей проволокой участка лощины, который иногда

патрулировала пара автоматчиков. Однако Макс не боялся, что их услышат — шум падающей воды заглушал любой крик. Он тоже разделся и медленно вошел в воду, преодолевая дикое желание заорать. — Неужели вода может быть такая холодная? — мелькнула мысль, когда он встал рядом с Майей.

Сегодняшний день был определенно потерян. Пока они обсохнут, их разморит так, что любая мысль о дальнейшей ходьбе по горам покажется кошмаром. Потом им захочется есть, значит, придется собирать сухие кизиловые сучья, не дающие дыма. Пока они разведут костер — кизил плохо горит, разогреют консервы, поедят и отдохнут после обеда, наступит вечер.

Майя, вдоволь наплававшись, выжимала волосы, сидя на большом камне и томно изогнувшись. Она воображала, что походит на русалку. Однако Макс, мрачно выжимая трусы, думал о другом. Его мысли были обращены к кизиловым сучьям и к тому, что они будут есть завтра. Макс сунул мокрые ноги в сапоги, зашнуровал и устремился наверх в поисках дров.

К счастью, дальше проблем не было. Кизила оказалось более чем достаточно, Макс обсох, к нему вернулось хорошее настроение. Придерживая охапку веток, он осторожно спустился к рюкзакам, выбрал место поровнее. Майя куда-то исчезла, вероятно отправилась изображать амазонку. Макс разложил костер, прикинув, что было бы неплохо запастись еще топлива.

— Макс, — донеслось сверху, — Макс.

— Ну чего? — Макс поднял голову и уронил банку в костер. На другом берегу ручья, поставив ногу на камень, стояла Майя. Стояла и целилась с двух рук прямо ему в голову из небольшого черного пистолета.

— Макс, — повторила она, — молись.

У Макса отвисла челюсть и, вероятно, сильно изменилось лицо. Это было так забавно, что Майя рассмеялась, затем показала ему язык, перешла ручей, протянула пистолет рукояткой вперед.

— На, держи, — сказала она. — И не бойся.

Макс взял пистолет непослушными пальцами, некоторое время молча смотрел то на него, то на Майю.

— Откуда? — спросил он, качнув пистолетом.

— Пошли, покажу, — сказала Майя. — Тут недалеко. Я случайно нашла. Отодвинула камень, а под ним чего только нет...

Под камнем, заботливо упакованные в полиэтилен и смазанные тавотом, лежали автоматные патроны калибра 5,45 мм. Их было около сотни или чуть больше. Хозяин спрятал их в этой глухи, надеясь, что в расщелину, замотанную ржавой колючей проволокой и припертой двумя столбами, никто не полезет. Однако он не учел эксцентричных любителей экзотики вроде Майи и Макса.

Костер догорал бездымным пламенем. Макс сбросил угли в ручей, спрятал банки, хотя был уверен, что сюда они больше не вернутся. Незачем оставлять следы. К незначительным издержкам (вроде сгоревшего дома) связанных с поисками карты, это не относилось.

Спустя сорок минут они вновь поднимались вверх по тропе, выбирайсь из тенистой лощины. Солнце уже шло на убыль, но первые полкилометра все-равно дались тяжко. Наконец, они отошли от воинской части на порядочное расстояние, можно было ночевать.

— Завтра встанем пораньше и возьмемся за поиски, — сказал Макс, изучая при свете костра топографические знаки на карте. — По моим расчетам, цель должна быть уже очень близко.

— Другое дело — как ее найти, — хладнокровно сказала Майя. — А что у тебя с рукой?

Странное покраснение, на которое Макс обратил внимание еще утром, покрылось мелкими пузырьками. Некоторые уже успели лопнуть и их содержимое засохло липкой корочкой на поврежденной руке. Похоже было на химический ожог.

— Не болит? — спросила Майя.

— Пока нет, — ответил Макс. — Тут есть такая травка, высокая, с голубыми цветочками, она растет на открытых местах. Прикосновение вызывает ожог. Она выделяет какие-то масла или эфиры. Если к ней поднести спичку — растение загорится.

— Это тебе дед рассказал?

— Ага. Видимо, я где-то до нее дотронулся.

— Давай я тебе перевяжу.

— Да ладно, так пройдет.

Перед сном Макс достал пистолет, внимательно осмотрел его. Это был ПМ, причем относительно новый и снаряженный обоймой. Вторая обойма лежала в мешке с патронами. Как он попал сюда? В высшей степени непонятно. Пистолет и патроны они прихватили с собой. Оружие сейчас дорого стоит, этой находкой Макс рассчитывал с лихвой окупить все затраты на экспедицию, если ее исход окажется неудачным. Впрочем, он особенно и не верил в успех. Другое дело — отдохнуть на море с девчонкой. Но на это нужны были деньги, а денег нет. Чтобы как-то подсластить пилью, приходилось таскаться по горам с какой-то сомнительной картой.

Иногда на Макса накатывали волны депрессии.

* * *

— Если верить карте, оно должно быть где-то под нами, — сказала Майя, опираясь на лопату с укороченной ручкой, которую Макс обрезал своим ножом.

— М-да, м-да, — пробормотал ее спутник, крепко потирая подбородок.

Он и сам прекрасно понимал, что если верить карте, то стоит прямо над заветным кладом драгоценных вин. Однако ткнуть пальцем в землю и сказать: «Копаем здесь!» не мог. Сквозь толщу скал можно пробиться только с помощью хорошего заряда взрывчатки. Поэтому он надеялся, что существует вход в пещеру.

— Давай еще раз осмотрим все расщелины и приметные места, — сказал Макс, неубедительно показывая на карту.

— Мы находимся на правильном месте. Вот там видно море, так? Вот там гора и вон там. Так что нужно получше искать здесь. Жаль, что этот крест очень большой.

Майя вздохнула, вытерла со лба пот.

* * *

Сергей Хазин был старшиной учебной роты. Могучее телосложение и жестокий характер помогли ему уже на третий месяц службы получить лычку ефрейтора и стать командиром отделения. Хазин вырос в бедной семье интеллигентов — детей спецпереселенцев — в Казахстане. Законы микрорайонов были жестоки, но он и сам был жесток — природная сила и унаследованная сообразительность сделали его вожаком в стае уличных волчат. Он был прирожденный лидер, не удивительно, что в армии он развернулся в полную силу.

Служба подходила к концу, пора было копить деньги на дембель. Должность старшины роты оказалась весьма прибыльной, ибо давала доступ к вещевому имуществу. Кроме этого, два раза в месяц рота проводила стрельбы, в пункте боепитания заведовал он же.

Вершиной бизнеса обещало стать последнее дело. Пистолет Макарова, столь опрометчиво оставленный вместе с портупеей дежурным по части на подоконнике в туалете штаба, быстро перешел в карман старшего сержанта Хазина, вовремя забредшего в этот укромный уголок. Свою находку Сергей спрятал в тайнике за техзоной. Там же лежали 105 патронов для АК-74, оставалось известить покупателей.

И вот день настал.

* * *

Пока все шло нормально. Десантники переночевали в кузове «Урала», закинувшего их в столь отдаленные места, а утром, позавтракав, продолжили свой путь к месту сбора пешком, потому что дальше дорога кончалась. В группе было шесть человек: командир взвода — лейтенант, его заместитель — «дед», два «черпака» и два «шнура». Одетые в камуфляж и короткие сапожки, с АКСами на шее, выглядели они весьма зловеще. Даже когда ушли далеко в горы и порядком вымотались.

Лейтенант Антон Климов, выпускник Рязанского десантного училища, прибыл в часть недавно. К счастью, заместителем во взводе, который ему дали, оказался тоже москвич, причем живший на Ленинском проспекте, то есть совсем рядом. Они близко сошлись и «зема» Кочнов — замкомвзвод — подолгу просиживал в тесной комнатке офицерского общежития, распивая местное вино с другом Антоном. За это Кочнов брал на себя полное командование взводом. До армии он три года практиковал «сават» — французский бокс, так что проблем с личным составом не возникало. Лейтенанту оставалось только давать указания и молиться, чтобы с этим человеком ничего не случилось.

В их задачу входило обойти стороной воинскую часть, дислоцированную в ущелье, выйти на связь в положенное время, затем встретиться с основной группой, чтобы совместно продолжить выполнение учебного задания. Лейтенант находился в этих местах впервые и очень хотел увидеть загадочных «моряков», о которых он слышал столько небылиц. Он решил, что небольшой крюк сильно их не задержит, если потом они прибавят шагу, а по склону спустятся бегом. И шесть человек быстро зашагали по тропинке, которая должна была привести их в рукотворный ад.

* * *

Не найдя содержимого тайника, Сергей все равно отправился на стрелку. Он не хотел, чтобы бандиты приехали за ним в часть.

Выслушав его объяснения, Стас закатал провинившемуся в табло, а Зомби сказал, что ему все равно, откуда Хазин достанет до завтра новые патроны и пистолет. Но Зомби есть Зомби — это было понятно всем. Они разошлись, Сергей — в часть, а обломавшиеся бандиты — к машине. Им срочно требовалось оружие. После вчерашней разборки арсенал нуждался в пополнении, а как это сделать, не контактируя с местными, команда москвичей не знала.

Пора было спускаться к дороге, где ждал «Гранд Чероки», когда Марат углядел что-то на склоне и двинулся туда, на ходу нащупывая ТТ.

* * *

— Вот оно, это место! — торжественно сказал Макс, освещая фонариком длинные ряды корзин и ящиков, заполненных бутылками всевозможных форм и расцветок.

Майя не верила своим глазам. Неужели все это ей не снится? Найти и откопать узкий ход оказалось гораздо проще, чем можно было представить. Требовались лишь настойчивость и вера, что ищешь там, где надо.

— Берем самые старые, — сказал Макс. Они заранее разработали план: взять несколько бутылок, представляющих интерес, найти достойных покупателей, а после приехать на машине и по частям вывезти остальное.

Неожиданно он почувствовал посторонних и Майя тоже почувствовала.

— Кто здесь? — крикнула она, засовывая руку в карман шортов.

— Свои, — произнес голос, явно принадлежащий мужчине.

У Макса замерло сердце. Он представил себе партизана, захороненного при завале прохода, оставленного тут навеки охранять сокровище эпохи социализма: истлевшего, в грязном ватнике, с автоматом ППШ в руках. Он нашел их в этой пещере

с одним входом и оставит теперь вместе с собой, чтобы ждать новых пришельцев. Вечно. Всегда.

Все это мгновенно пронеслось у него в голове. Он повернул фонарь, в луче света образовалось большое толстое существо с блестящими глазами.

— А-аи! — взвизнула Майя, отпрыгнула назад, выхватила из кармана правую руку. В руке был пистолет. Левой она сдвинула предохранитель и надавила на спуск.

В пещере выстрел прозвучал оглушительно. Существо мгновенно исчезло, но Майя навела ствол в темноту и снова спустила курок.

— Патроны побереги! — крикнул Макс. Вдалеке за поворотом слышались торопливые шаги и стук катящихся камней.

— Давай наружу, быстро! — крикнул он. Майя замешкалась, ему пришлось вернуться, схватить ее за руку и повести. Когда они остановились у выхода, снаружи послышались странные звуки. Судя по всему, там шла стрельба.

* * *

Климов и Кочнов, шедшие налегке, далеко оторвались от остальной четверки, которая уныло несла груз и мечтала о хорошо намыленной веревке для своих командиров.

— Гляди, что это? — сказал вдруг лейтенант, резко останавливаясь. Кочнов поднял голову.

Ближний склон был метрах в трехстах от них. Он представлял собой выжженное каменистое поле, поднимавшееся под углом 20 градусов к горизонту, поросшее кое-где можжевельником и редкой травой. По нему бежали странные люди в «гражданке», а предметы в их руках никак не напоминали зонтики от солнца.

— Экстремисты! — прямо-таки расцвел Кочнов. — Давайте их возьмем, товарищ лант?

Захват вооруженных экстремистов обещал замкомвзводу показательную партию, а остальным отпуск по поощрению. Лейтенанту тоже хотелось отличиться. Десантники быстро поснимали груз, оставив автоматы и подсумки, в которых лежало по два магазина с холостыми патронами. Рассыпавшись цепью, они побежали вверх по склону.

— Стоять, стреляю!

— Бросай оружие!

— Лечь на землю, всем лечь!

— Не двигаться!

Каждый заорал что мог, точнее, что пришло в голову.

Десантники выглядели грозно, однако четверку москвичей это не напугало. Пока остальные оглядывались, полагая, что их пришли брать как минимум ротой, Зомби выхватил револьвер и открыл прицельный огонь. Он был парень простой, поэтому обычно не задумывался о последствиях. По жизни он умел только драться, трахаться и стрелять. Зато делал все это хорошо.

Первая его пуля попала Кочнову в грудь. Стрелял он из «Магнума», так что сержанта отшвырнуло на порядочное расстояние. В ответ послышались хлопки автоматных очередей, заставивших Стаса метнуться за ближайший камень. В команде он был бригадиром и мозгов в голове хватило, чтобы лечь, не испытывая понапрасну судьбу. Зомби же повернулся, словно механическая игрушка, и влепил тупоносую пулю в голову одного из стрелявших. У парня разнесло затылок, он выронил АКС и упал навзничь, открывая директрису огня для бежавшего сзади «шнура». «Шнур» не очень-то в ней нуждался, его автомат, снаряженный холостыми патронами, мог издавать только громкое тарахтенье — не более. Парень был радиотелефонистом, облегченно вздохнувший, когда наконец удалось скинуть пудовую радиостанцию. Теперь он считал, что она очень бы пригодилась. По крайней мере, больше «Калашникова», выплевывающего огонь и пустые гильзы. Он быстро развернулся и побежал к тому месту, где они оставили свои вещмешки.

* * *

— Пока нам лучше посидеть здесь, — сказал Макс, отходя от входа. — Там снаружи какая-то заварушка.

— О'кей, — сказала Майя, раскрывая рюкзак, — будем надеяться, что это не война. Кстати, ты хочешь есть? Этот мужик так меня напугал, а у меня от страха всегда аппетит разыгрывается.

* * *

С момента выпуска курса и перевода в часть лейтенант Климов считал себя законченным рейнджером, чем-то вроде американского «зеленого берета», только более крутого, потому что закончил Рязанское училище. До сих пор ему не удавалось применить свои навыки, но теперь такой случай представился, к тому же, выбирать не приходилось. Мгновенно прикинув: без оружия — пустой «Макаров» не в счет, на открытом месте, да на линии огня, лейтенант выбрал самое оптимальное решение — развернулся на сто восемьдесят градусов, перекатился через голову и, сделав несколько прыжков, влетел в густые кусты. Началась охота за охотниками.

* * *

— И много их там?

— Все уставлено.

Стас закурил сигарету. Даже сейчас он сделал это с понтом, не спеша, словно ковбой из рекламного клипа. Стас курил только «Мальборо», не признавая других марок.

— Мне говорили, — Стас мужественно выпустил дым. Он подражал ковбою по многолетней привычке, — тут была пещера, в которую передвойной запрятали старые вина и золото, которое не успели вывезти.

— И царское оружие из ялтинского музея, — добавил Кентас.

— Бутылка старого вина стоит на аукционе Сотби пять тысяч фунтов, — заметил Стас, пропустив мимо ушей его вставку.

— Надо машину брать, — сказал Марат. — Остановим какой-нибудь КАМАЗ, тут до трассы недалеко.

— Ну так чего, берем? — спросил Зомби.

— Сейчас возиться нельзя, — сказал Кентас. — Мы нашумели, а вдруг еще солдаты набегут или ОМОН приедет?

— Ладно, — решил Стас. — Вход есть чем засыпать. Будет незаметно. Этих археологов тоже не мешало бы похоронить, пока базлать не начали. Марат, заделаешь. Кентас — автоматы, Зомби, мешки посмотри.

Получив задание, бандиты разбрелись. Стаса немного беспокоил один вопрос: сколько было вояк? Пять или шесть? Трупов имелось пять. Четверых они застрелили, а пятому Зомби собственноручно сломал шею, когда тот пытался запустить радиостанцию в работу. С пяти «Калашниковых» можно было слегка подняться, бутылки же маячили весьма сырой темой. Она требовала выхода на старших. Аукцион Сотби — это не его порядок работы, слишком крупный масштаб. Впрочем, он, Стас, пока еще бригадир, так что и его задача на сегодняшний день — обеспечить полную конфиденциальность. Сколько же было военных?

* * *

Стараясь ступать бесшумно, Климов медленно крался по узкой тропинке, вьющейся в зарослях кизила. Он отчетливо видел четверых экстремистов, собиравших оружие, и безумно хотел убить их.

Громыхнул взрыв — это засыпали вход в пещеру. Лейтенант давно засек двоих, которые под шумок выскочили оттуда и уже успели вооружиться автоматом покойного замкомвзвода. Его не интересовало, что они делали в пещере,

но объемистые рюкзаки наводили на мысль о туристах. Лейтенант изменил направление движения. Один из экстремистов — рослый громила, первым открывший огонь, направился к вещмешкам. Остальные были заняты трупами.

Антон опустился на корточки и стараясь не шуметь, зашел бандиту за спину. Тот уже развязал мешок, высыпал его содержимое на землю.

Лейтенант в голенище шнурованного сапога таскал самодельный нож, который эффектно смотрелся, хотя предназначался для открывания банок с кашей и тушенкой. Этим ножом он быстро и точно перерезал сонную артерию боевика. Так их учили инструктор, набравшийся опыта в Афгане. Уроки пошли на пользу.

* * *

Их было пятеро: трое татар — Мударис, Гусман и Шараф и двое цыган — Роман и Георгий. Они все жили в Старом Крыму и столь дальний путь проделали не для того, чтобы прогуляться по горам. Их интересовало оружие.

Вообще-то, их интересовало все, что можно было украсть, купить или выменять в воинской части: радиостанции, оптика, тельняшки. Но за оружие больше платили, поэтому оно привлекало большего всего остального.

Автоматы, как определил служивший в армии Гусман, были снабжены специальными насадками для стрельбы холостыми, поэтому трое русских, что их несли, не представляли большой опасности. Они уже подошли близко, можно было начинать.

— Стойте, эй, — сказал Роман, выходя из-за камня.

Никто из москвичей не успел достать оружие, потому что пятерка местных очень быстро наставила на них обрезы. Конечно, где-то в тылу оставался Зомби со своим «Магнумом», но он был далеко, а пока следовало договориться.

— Э, ты кто такой? — резко начал Марат, решивший сыграть на авторитете, но его перебил Стас, сообразивший,

что преимущество сейчас не на их стороне.

— Давайте разойдемся...

— Оружие давай, а потом иди, — оборвал Шараф, надувая щеки.

Только не дергаться, ведь выстрелят, суки, — подумал Кентас и у него в животе стало нехорошо.

— Вы откуда вообще? — спросил Роман.

А что если бросить автомат ему в морду и прыгнуть вправо? — подумал Стас, прикидывая расстояние до двух больших камней метрах в полутора от него.

И тут в наступившей тишине четко прозвучал звук взводимого затвора.

Далеко, — подумал Роман.

Зомби, — подумал Стас в прыжке.

Еще один, — подумал Георгий, нажимая на оба курка одновременно.

Кентас наложил в штаны.

Мочить гадов, — решил Шараф и выстрелил в русского.

* * *

— Ага, проход завалили, — сказал Макс. Он попытался затолкнуть в рожок тридцать первый патрон, но это у него не получилось.

— Ты лучше думай, как нам отсюда выбраться, — сказала Майя.

— Хорошо, что автомат есть, — заметил Макс, присоединяя магазин. — На крайний случай, можно будет их напугать.

— Только бы пронесло, — прошептала Майя и вдруг прижалась к земле. — Тихо, сюда идут!

Макс, который хотел дослать патрон в ствол, откатился к рюкзакам и замер, не решаясь пошевельнуться.

Убьют ведь, — подумал он. — Кто-нибудь приглядится повнимательнее и увидит. Черт, надо что-то делать, — утвердившись в этой мысли, он бессознательно передернул затвор.

* * *

Когда началась разборка, Климов сообразил, что это не экстремисты. Здесь не Кавказ. Это бандиты, что, правда, мало чем лучше. После того, как кто-то, скорее всего, турист, сыграл затвором, началось невообразимое: все стали стрелять друг в друга и даже лейтенанту, находившемуся в стороне, пришлось пригнуться, потому что обрезы разбрасывали дробь во всех направлениях. Бандиты разбежались и попрятались. Лейтенант хищно улыбнулся, достал нож и отправился на охоту за теми и другими.

* * *

— Куда нам? — крикнула Майя.

— Не знаю, — автомат без ствольной насадки кидало, это мешало прицелиться. — Лежи пока.

Макс скатился в небольшую ложбинку, дикими глазами осмотрелся вокруг.

— Макс! — взвизгнула Майя, затем прозвучали три выстрела.

Кто-то тяжело падал, с треском ломая кизил.

— А-а-а! — дико заорал Макс, веером посыпая с бедра длинную очередь. С кустов посыпались веточки.

Так или иначе, но отсюда пора было уходить.

— Рюкзаки одеваем, быстро, — скомандовал Макс.

Майя проворно влезла в лямки и даже помогла своему другу, который упорно не хотел выпускать «Калашников». Они побежали по тропе, ведущей к трассе. В лесу было тихо, только под ногами шуршили листья.

— Давай, Майя, давай, — прохрипел Макс, прибавляя темп. — Скоро спуск...

Он не договорил. Мощный удар в лицо, без того натерпевшееся за последние дни, бросил его на землю. Макс упал навзничь, выронив автомат и на миг потеряв сознание. Майя по инерции налетела на него, тоже упала рядом.

Все, — подумала она, увидев адидасовские штаны, и закрыла глаза.

Грохнул выстрел.

Макс, которого обдало кровью, увидел в груди нападавшего огромное выходное отверстие с торчащими по краям клочьями ткани. Труп завалился, за ним показался высокий мужчина в грязном камуфляже.

— Воздушно-десантные войска, — сказал он, засовывая за ремень огромный револьвер. — Дай-ка мне это, — он схватил автомат и исчез в лесу.

Макс с трудом перевернулся на бок, скинул рюкзак, помог Майе встать. В голове еще шумело, тем не менее стоило убираться отсюда и поскорее. Они побежали.

Высоко в небе пророкотал вертолет.

— Это менты, — сказал Макс, — давай увеличим скорость.

Майя уже выдохлась, она шла на автопилоте.

— Хватайся за мой рюкзак, — проорал Макс. — Давай, давай!

Вертолет зашел на второй круг.

Они бежали и бежали, выкладываясь, как не выкладывались ни разу в жизни. И лишь когда внизу показалась дорога, Макс перешел на шаг и тяжело упал на колени.

* * *

В щели между камнями набилось порядочно земли и там проросла густая трава. Антон Климов боком втиснулся туда, вытащил магазин, надавил на верхний патрон указательным пальцем. Полрожка еще оставалось. Патроны были боевыми, пачкались тавотом. Интересно, где этот турист их достал? Климов присоединил магазин, поднял голову, прислушался. Бандиты затихли, вертолет вспугнул всех. Того, что в нем находился кинооператор, снимавший материал для документального фильма о природе Крыма, не знал никто.

Москвичи и местные попрятались друг от друга, ожидая чего-то нехорошего. Марат был тяжело ранен — сначала он получил порцию дроби почти в упор, затем его подстрелили из пистолета. Раны сильно кровоточили. Стас, имевший кое-какой опыт, понял, что дотащить до машины «брата» не удастся. Скорее, их обоих пристрелят по дороге. Сообразив это, он прикинул маршрут отхода и стал реализовывать свой план, оставив потерявшего сознание Марата доходить в одиночестве.

Гусман и Роман медленно продвигались по лесу, стараясь не шуметь, но слой высохших листьев под ногами все равно выдавал их легким шуршанием. Было очень страшно, потому что кроме приезжих, с которыми они стыкнулись, оказались еще какие-то парень с бабой, палившие на любой шорох из АКС и ПМ, и одичавший вояка, убивший Мудриса подлым выстрелом в спину. У Романа был обрез, но патронов оставалось всего лишь два, так что приходилось вести себя предельно осторожно, дабы не пропустить приближение противника. То, что противников может быть несколько, цыган и татарин допускали вполне. В недобрый час занесло их в эти края, да и не разобраться, кто против кого. В этой разборке вполне вероятно, что те и другие являлись экстремистами, сражающимися по политическим мотивам. Эту догадку наглядно подтверждали пять трупов десантников, заставивших Романа и Гусмана углубиться обратно в лес. Они тихо прошли рядом с зарослями терновника, не заметив скрытого там лейтенанта воздушно-десантных войск, «зеленого берета» и рейнджера Антона Климова.

* * *

Кентас лежал у края тропы, крепко сжимая в руке короткую кизиловую палку. К нему приближался цыган. Тот самый, который застрелил Марата, тоже нерусского, но своего. Вся братва куда-то подевалась и Кентасу было страшно. Цыган шел прямо на него, столкновения не избежать. А бой обещал быть смертельным. Кентас больше привык к спаррингам в спортивных залах и к дракам в кабаках, когда ничто не мешало уделать очередного лоха, здесь же все было иначе. Но выбора не оставалось. Когда цыган приблизился вплотную, Кентас вскочил и с оглушительным «КАЙ!» бросился на него.

Георгий, в свое время двукратный чемпион Джабмула по каратэ, но давно оставивший сорт, разжиравший, не успел среагировать и пропустил неожиданную атаку. Кентас нанес двойной удар палкой: вертикальный — по правой руке, сломав большой палец и выбив обрез; и горизонтальный — по переносице, изуродовав лицо, мгновенно превратившееся в кровавую маску. Следующий удар был ногой — сокрушительный маваши, но тут Георгий автоматически поставил блок, пригнулся и ушел в партер. Кентас прыгнул к нему, выбрасывая ногу во встречном движении и целя в лицо. Но в лицо не попал, слишком уж был напуган, — носок ноги встретил плечо, развернув корпус противника и открыв его шею. Тут же на нее обрушился удар палкой. Палка сломалась, а цыган захрипел, откатился назад, инстинктивно реализуя технику уходов, не раз выручавшую в спарринге. Кентас немного не достал до сонной артерии.

Георгий вскочил на ноги, успев прикрыть локтями живот, и предплечьями заблокировал еще один удар ногой. Он почти ничего не видел — под кожное кровоизлияние заставило ткани вспухнуть, они закрыли глаза. Кентас бил его, зная, что цыган не может активно сопротивляться. Удары сыпались теперь без разбора — по бедрам, по почкам, в живот. Мясистое тело упруго встречало их, Георгий почти не реагировал. От крови и безнаказанности Кентас зверел. К тому же он вспомнил, как дрожал в засаде у края тропы. Он бил изо всей силы, как по мешку, это доставляло ему несравненное удовольствие. Пару раз он попал по голове. Ноги у цыгана подогнулись, тот упал и замер. Кентас двинул его еще пару раз и остановился.

Неужели убил, — подумал он. До этого убивать ему еще не приходилось. Он пнул тело ногой. Оно мягко перевалилось, дохлое, расслабленное, превратившееся в кусок мяса. На месте лица находилось месиво, да и сам Кентас был весь в крови. Но это была кровь цыгана. В той части, где должен был помещаться рот, что-то слабо запузырилось.

— Не сдох еще? — сквозь зубы процедил Кентас, нагнувшись над телом, чтобы получше рассмотреть это явление. В то же мгновение «труп», проявляя неожиданную ловкость, схватил его за ногу и опрокинул. Кентас попытался вырваться, но цыган навалился сверху и принялся душить. Он оказался очень живучим. Кентас стал отбиваться, изловчившись, ткнул противника пальцами в глаза. Но теперь их закрывали толстые подушки вздувшейся плоти, так что атака не причинила никакого вреда. Георгий продолжал стискивать пальцы, пока тело под ним не перестало дергаться. Он выждал еще несколько минут для полной страховки, потом тяжело отвалился в сторону. Опыт и умение держать удар победили и на сей раз.

Георгий полежал несколько минут, собирая силы, как делал это на тренировке, затем медленно поднялся и на ощупь пошел по тропе. Глаза заплыли, сломанная правая рука опухла, кроме того было сломано несколько ребер. Раздвинуть левой рукой ткани вокруг глазаказалось невозможным. Георгий медленно продвигался вперед, вытянув руки и осторожно перебирая ногами. Надо было выбираться на дорогу.

* * *

— Стоять! — команда прозвучала резко и неожиданно. Гусман, привыкший подчиняться командам, тут же остановился, благоразумно не делая лишних движений, а Роман, будучи цыганом и посему в армии не служивший, резко повернулся, вскидывая обрез. Климов нажал на спуск. Короткая очередь прошила цыгана насквозь. Роман дернулся всем телом, качнулся, упал навзничь. Гусман позволил себе повернуть голову и увидел, как растерянность в широко открытых глазах сменяется откровенным недоумением, на секунду застывшим и вдруг мгновенно перешедшем в

глубокую сосредоточенность, словно пришел момент чего-то важного, требующий углубленного самосозерцания. Гусман знал, что это за момент, он уже наблюдал его один раз в госпитале у парня, вскрывшего себе вены. Взгляд потух. Роман умер.

— Ты, блядь, руки на шею, — скомандовал Климов, качнув стволом автомата, — кругом!

Гусман медленно повернулся, всем своим видом выражая полное согласие.

— Теперь медленно, я сказал — медленно — сними с него ремень. Я беру тебя в плен. Возможно, тебе будет сохранена жизнь.

Гусман дал себя связать и засунуть в расщелину за кустами терновника. Этот лейтенант был совсем сумасшедший. Впрочем, неудивительно — на склоне остались пять его солдат. От него можно ожидать чего угодно, так что лучше подчиняться всем его приказам. Сейчас его лучше не злить.

Надежно спеленав пленника, Климов подобрал обрез, сунул его себе сзади за ремень. По его подсчетам, в живых оставалось пятеро бандитов, надо было их всех найти. Некоторых можно будет обезоружить и сдать живыми. Тогда никто не станет отрицать, что он убивал исключительно в целях самообороны. Впрочем, на войне, как на войне. На его группу напали и он, единственный уцелевший, принялся защищать свою жизнь всеми доступными способами. Климов решил подняться на вершину скалы, возможно, оттуда удастся кого-нибудь увидеть.

* * *

Марат пришел в сознание от звука приближающихся шагов. Ему было плохо, совсем плохо. Все тело сильно болело и очень хотелось пить. К нему кто-то шел. Марат повернул голову в сторону тропы и застонал. Шаги прекратились.

— Помоги! — пробормотал Марат, еще не видя самого человека. Ему было все равно. Судя по тому, как тот

двигается, он тоже ранен. Что ж, возможно, помогая друг другу, они сумеют дойти до дороги, где их подберут и окажут необходимую помощь. Марат был готов сотрудничать с кем угодно. Он хотел жить.

— Помоги, — на этот раз получилось чуть громче, но со словами уходили силы и Марат выложился весь в последней фразе: — Я здесь!

Человек зашаркал прямо к нему, В поле зрения показалась голова, вымазанная грязью и кровью, затем плечи, туловище и ноги. Черная щель внизу раздувшейся маски приоткрылась и оттуда донесся глухой голос:

— Ты где?

— Здесь... — Марат больше не мог говорить, мир вокруг стал расплываться, но человек услышал его и пошел точно к цели.

— Ты кто?

Марат не ответил, все было слишком размытым, если он скажет еще хоть одно слово, то может потерять сознание и неизвестно, вернется ли оно опять. Человек приблизился вплотную, споткнулся о его ноги, упал. Правая рука Марата лежала на рукоятке ТТ, в котором оставались какие-то патроны. Он не знал, может ли шевелить рукой, но ладонь чувствовала рубчатую накладку, значит, рука принадлежит ему. Он ждал.

Человек встал на корточки, на ощупь нашел его лицо.

— Ты не наш, — сказал он.

— Помоги, — одними губами вымолвил Марат, прежде чем грузная туша навалилась на него, предплечьем придавив горло. Марат ощутил, как к нему возвращаются силы. Правая рука взметнулась вверх, палец два раза нажал на спусковой крючок, вогнав две пули в изуродованное тело. Нападающий замер и отвалился, потому что Марат, выгнувшись в агонии, сбросил его с себя. Ему вдруг стало легко, что-то поднялось к груди, к голове, а затем исчезло и перед глазами вспыхнул яркий свет.

* * *

На вершине скалы, где не было тени, солнце припекало нещадно. Климов терпел, оглядывая неровный зеленый ковер под собой. Отсюда был виден склон, на котором различались тела его подчиненных. Антон не знал, что скажет их родителям, но уже думал на эту тему. Кроме того, ему сильно хотелось курить, чего он не делал с первого курса. «Рейнджер не курит!» Еще хотелось пить и дико чесалось плечо, которое он ссадил, напоровшись в прыжке на камень. Пот разъедал рану, она остро зудела. Наконец, он увидел, увидел то, что ожидал — человеческую фигуру, мелькнувшую сквозь листву кизила. Это был испытанный прием: лов на живца. В данном случае роль приманки выполнял оставленный в расщелине пленник. Климов нарочно не заткнул ему рот, чтобы тот мог звать на помощь. Естественно, что он звал. Лейтенант перевернулся на спину, сел и быстро начал спускаться вниз. Скала была невысокой, так что Климов скоро оказался вблизи места лова. Оба татарина стояли там. Шараф уже снимал последний ремень с рук Гусмана.

— Стоять! — крикнул Антон и выпустил короткую очередь в землю.

Татары замерли. Впереди чуть слева хрустнула ветка. Климов напрягся и вдруг заметил, что пленники смотрят куда-то за него и на лицах у них весьма испуганное и недоумевающее выражение. Он хотел прыгнуть вправо, перекатившись через спину, чтобы длинной очередью срезать тех, кто там стоит, но его опередила команда:

— Брось автомат!

Не выпуская оружия, Климов медленно повернул голову и увидел высокого моряка в синей робе, черной пилотке, в сапогах, с «Калашниковым», направленным на него. На левом кармане робы присутствовала белая нашивка с надписью «ЛЭВС» и трехзначным номером. Вот они какие, — успел подумать Климов, прежде чем с другой стороны появился еще один — рыжий младший сержант с круглыми безумными глазами.

— Паша, ты их взял?! Экстремисты! А ну, руки на затылок! Руки, я сказал!

— Брось автомат, — повторил более рассудительный матрос. — Ну!

Климов разжал пальцы и АКС брякнулся на носки сапог.

— Ни хрена, твою мать, — не унимался младший сержант, — экстремисты! Ну все, Пашка, теперь тебе отпуск, а мне показная партия!

— Я свой, — сказал Климов. — Я десантник.

— Че?! — младший сержант не мог стерпеть такой наглости. Он подскочил и коротким движением вломил приклад Климову в зубы. — Ты экстремист, понял? Свистеть мне тут будешь еще!

Это была ошибка. Лейтенант Воздушно-десантных войск Антон Климов качнулся в сторону, вписав в движение рывок обреза из-за спины, и всадил заряд картечи в живот сержанту. Еще он увидел отпрянувшего назад матроса и направил на него ствол.

Матрос был человеком крайне рассудительным, даже в такой ситуации он остался спокоен.

На спуск они нажали одновременно.

* * *

Выстрелы и крики стихли, когда Стас перевалил на другую сторону горной гряды. Он торопился к машине, на ходу обдумывая положение дел. Братва, конечно, лоханулась здорово. К тому же этот лейтекс, крышняк у него съехал наглухо. Возможно, он их там всех перемочит. Да и кто остался, Кентас? Марат уже не жилец. Если вояка Кентаса грохнет, это будет хорошее дело. О винах знает, можно считать, он один, да туристы. Туристы... Они успели выбраться из пещеры раньше, чем завалили вход, и теперь далеко умотали, если их лейтекс до кучи не замочил. К тому же этот вертолет. Вертолет улетел, но неизвестно, что и куда сообщил. Стас спустился к дороге, сориентировался на местности,

выбирая правильное направление и через два километра увидел свой «Гранд Чероки».

Оказавшись в кабине, Стас откупорил банку пива, жадно осушил ее. В кайф! Он завел мотор и поехал в Планерское. Там он вернет машину, соберет шмотки и полетит в Москву. Старинные вина — это тема, требующая основательной проработки. Сотни бутылок. Миллионы долларов. Естественно, что-то разделится между старшими, что-то отстегнется на общак, накладные, но и ему немало достанется. Стас уже видел себя, разговаривающим с экспертами «Сотби».

Фигуры, стоящие на обочине, показались ему знакомыми. Нога автоматически надавила на тормоз. Туристы! Они расположились у дороги, пытаясь поймать машину. Взять их с собой? Узнают. Значит, мочить придется здесь, на месте. Но как? Пушки у Стаса не было, он принципиально ее не носил, считая, что таскать срок в кармане — удел мелких бойцов. Объехав туристов, он свернул на обочину. Между ними было метров пятьдесят. Стас открыл бардачок. Вот он — нож Зомби — пятнадцатисантиметровая выкидуха с пилой на обушке лезвия. Туристы были уже близко, они решили, что он их подвезет.

Когда парень с девкой подошли к машине, Стас распахнул дверцу и выскочил им навстречу. Неважно, узнали они его или нет — вид открытого ножа в правой руке говорил сам за себя. Парень среагировал первым. Он бросил рюкзак, который нес в руке, развернулся и, дернув телку за собой, побежал к лесу.

С того момента, когда они вышли к дороге, Максу показалось, что кошмар остался позади. Майя тоже расслабилась, они посидели в тени, приводя себя в порядок. У Макса была разбита нижняя губа, да и обожженная рука начала гноиться. Перевязав ее куском ткани от футболки, они продолжили путь по шоссе, затем решили остановиться и поймать машину. Их долго игнорировали, наконец какой-то «Джип» соизволил остановиться. Макс решил, что им наконец-то повезло и поспешил к машине. Однако, кошмар не закончился, теперь они бежали вверх по склону, поросшему колючим горным дубом, преследуемые огромным бритым бандитом с ножом в руке. Расстояние между ними постепенно увеличивалось. Преследователь весил больше, он запыхался,

потому что не привык к кроссам по пересеченной местности, и если бы не Майя, Макс в одиночку легко бы от него ушел. Майя начала сдавать, после отдыха она не смогла собраться и уже еле переставляла ноги. Они остановились, и тут Макс вспомнил про пушку.

— Майя, — выдохнул он, — доставай пистолет. Где он у тебя?

— Сейчас, — от страха она забыла, что «Макаров» все это время лежал в кармане шортов. — Держи.

Макс прикинул в руке пистолет. Он прислушался. Треск сзади прекратился, бандит куда-то исчез. Или тоже затаился, чтобы определить местонахождение беглецов. Со всех сторон их скрывали густые зеленые заросли, местность обозревалось только до ближайшего куста. Преследователь мог быть везде. Макс вынул из рукоятки обойму, чтобы точно знать, на что он может рассчитывать. Это была вторая обойма, в ней осталось всего два патрона. Третий находился в стволе. Макс защелкнул обойму обратно и тут на него сквозь кусты обрушилась громоздкая туша. Стас и не думал ждать. Все это время он не терял их из виду, а если и терял, то очень ясно представлял, где они могли находиться. Он знал, что беглецы остановятся, обошел их и напал. То, что у них оказался пистолет, несколько озадачило его, но оружие можно нейтрализовать внезапной атакой, что он и сделал. Сбив с ног парня, он заставил его выпустить ПМ.

— Майя, беги! — Макс вырвался из захвата и рванул вперед. Выше, в горы, только так можно уйти от преследования. Спрятаться где-нибудь, дождаться темноты и пешком добраться до населенного пункта. Пистолет он потерял, а, значит, исчезла последняя возможность обороняться. Майя помчалась куда-то в сторону, это было кстати. За двумя сразу бандит гнаться не сможет.

Впереди замелькал просвет. Это плохо, потому что на открытой местности он теряет всякое преимущество. Бандит ломился где-то сзади, продираясь сквозь заросли как кабан, ему было все равно. Выбора не оставалось. Макс выскочил на поляну и остановился.

Прямо перед ним — на двадцать метров вперед и вверх — простиралась каменистая пустошь, поросшая травой с голубыми цветочками на длинных стеблях. Дальше начиналось небо. Что находится по ту сторону склона, можно узнать, лишь забравшись на его вершину. Одним рывком Макс взбежал туда и худшие его опасения оправдались. Под ногами был обрыв. Метров сто-сто пятьдесят отвесной скалы, под которой начинался лес. В лесу можно укрыться, но спускаться туда естественным способом Максу не хотелось. Бандит приближался. Его уже можно было разглядеть местами сквозь просветы в деревьях, поэтому двигаться куда-то по склону теперь не имело смысла.

Бегать по горам Стас не привык, он выдохся, догоняя туриста, но теперь с ним была пушка, что упрощало задачу. Он выгнал преследуемого на открытое место, по крайней мере, он сам так считал. Стас продрался сквозь последние заросли и выбрался на поляну.

Никого. Этого не могло быть, потому что он не мог ошибиться. Куда делся турист, — он же мчался сюда как угорелый, а теперь вдруг исчез? Задыхаясь, Стас медленно пошел вверх, с натугой переставляя ноги. Пару раз он упал, ободрав руки и перемазавшись зеленым травяным соком. Удушающий сладковатый аромат висел над горой. Не было ни дуновения ветерка и Стас обливался потом. Куда делся турист? Он добрел до вершины, там перевел дух. Пот заливал глаза. Он протер их рукой, но глаза слезились. Что за черт? Где теперь искать туриста, Стас не представлял. Веки вспухли, слезы лились рекой. Стас пытался промокнуть их платком, который нашарил в заднем кармане джинсов, но глаза воспалились, вдобавок отекла носоглотка и дышать стало совсем трудно. Стас жадно глотал воздух ртом. Что происходит? Он забыл о туристах, теперь он хотел спуститься вниз, чтобы залезть в машину и прийти в себя. Но в таком состоянии он даже не знает, куда идти. Пистолет он засунул за поясной ремень. Он почти ослеп и очень перепутался. Что же с ним происходит?

Макс подтянулся на руках, закинул ногу на камень и выпрямился. Вот уже пятнадцать минут как он наблюдал за бандитом. Тот был далеко не в лучшей форме. Трава

выделяла эфирные масла, а преследователю посчастливилось брякнуться туда носом. Если ему даже и удастся спуститься, то последствия не заставят себя долго ждать. Макс поглядел на свою правую руку. Ожог сильно гноился. У этого молодца он будет на всю морду и, похоже, тело тоже задето. Между ними было метров пять, чтобы спуститься, надо было пройти совсем рядом. Решив, что преследователь слишком занят собой, чтобы обращать внимание на всякие звуки, Макс начал осторожно двигаться вниз, но бандит, который сидел с открытым ртом и пытался создать подобие ветерка, размахивая обеими руками, вдруг замер, прислушался и выхватил пистолет.

Выстрел.

Пуля ушла в сторону, но Макс помнил про три патрона. Он побежал вниз. Бандит вскочил на ноги и на слух открыл ему вслед огонь.

Макс влетел в лес, расцарапав лицо о ветви деревьев. Скорость спасает его. Спускаться было труднее, и опыт горных прогулок в часть пригодился. Прикидывая прежний маршрут, он избрал направление, выскочил на дорогу почти рядом с машиной. Рюкзаки куда-то исчезли. Наверное, их подобрал какой-нибудь водила. Впрочем, машина стояла на месте, к тому же, она отбрасывала тень. Кусты у обочины раздвинулись, оттуда вышла Майя.

— Все в порядке, дорогой? — спросила она.

* * *

Стас остался один. Проклятый турист, гад, он прятался здесь все это время! Стас расстрелял обойму, отбросил пистолет и выхватил нож. Нажатие на кнопку, лезвие со щелчком откинулось, намертво зафиксировалось предохранителем.

— Ну где ты, сука? — прохрипел Стас, вслушиваясь, куда побежал турист. Тот двигался напрямик к машине. Если обойти его справа, то можно успеть раньше. Стас забыл, что ничего не видит, он четко знал, что сумеет быстро спуститься и достать

беглеца. Он просто обезумел от ярости. Но земля вдруг кончилась и Стас слишком поздно понял, что не рассчитал, где стоит. Ободрав кожу с живота и груди, он все-таки уцепился за камень, повиснув над обрывом. Дерьмово. Такого оборота событий он не ждал. Теперь турист от него уйдет.

Ярость прогнала страх, они исчезли взаимоисключившись, осталась только злость за то, что его переиграли. Стас начал медленно подтягиваться, перебирая руками и нащупывая опору носками ног. Наконец ему это удалось. Он медленно пополз вверх. Нет, еще никому не удавалось его победить! Неожиданно камень ушел из-под ног, руки соскользнули, со скрюченных пальцев мгновенно содрались ногти. Это было самое незначительное повреждение по сравнению с теми, что он получил, приземлившись на гравий ста двадцатью метрами ниже.

* * *

Мягкий свет бра вкупе с тусклым ночником создавал немного таинственную интимную обстановку. Майя умела творить домашний уют.

Когда все было готово и они зажгли свечи, Майя, хитро улыбнувшись, достала из серванта бутылку темного стекла необычной формы. «Каберне» разлива 1879 года заиграло в бокалах.

А что еще нужно? — подумал Макс, пригубив вино. Оно чудно кружило голову, рождая легкую эйфорию. Разве не прекрасно быть с любимой девушкой в большой темной пустой квартире, наблюдать, как огонек свечи трепещет, словно желает оторваться от фитиля, а ярко-красное вино играет сверкающими искрами в хрустальном бокале?

И он полностью отдался этому чувству, позволяя ему уносить себя все дальше и дальше в бесконечные звездные дали.

Геннадий Паркин

МОШЕННИКИ И НЕГОДЯИ

*Все события и персонажи этой повести
вымышлены.*

*Всякое сходство с реальностью является
чисто случайным.*

Автор

Вступление

В начале срока о свободе, затерянной где-то далеко-далеко, в самом конце извилистых тюремно-лагерных коридоров, как-то не задумываешься. Вернее сказать, свободой еще живешь, но недавней, навсегда отрезанной гулким приговором суда, лязгом стальных дверей и хриплым лаем овчарок конвоя. Со временем она окончательно исчезает за унылой пеленой арестантских буден, монотонное бытие полностью определяет сознание, и жизнь как бы приостанавливается или течет в каком-то ином, параллельном общепринятым, измерении. Но вот минут середина отмерянного не таким уже гуманным и часто совсем несправедливым судом срока, дни начинают словно бы растягиваться, ночи, все чаще и чаще бессонные, навевают мысли о скором финише очередного забега в сторону — тут-то и пошло-поехало. Естественный страх перед грядущей неизвестностью перемежается сладкими грезами о долгожданной встрече со всеми земными радостями, многочисленные проблемы то встают неприступной стеной, то исчезают, решенные единым махом, только что ясное и понятное вновь становится мутно-неопределенным — в общем, думаешь-размышляешь, а в конце концов приходишь к единственному верному выводу: гори оно все синим пламенем, как-нибудь да прокрутимся.

Но планов-то, сколько планов, подчас гениальных, а чаще всего бредовых и несостоятельных, рождается в стриженных головах временно изолированных от общества граждан! Грандиознейшие проекты века, будь то интернациональная экспедиция на Марс или превращение в цветущий сад пустыни Сахара, меркнут и кажутся мышиной возней безграмотных дилетантов в сравнении с детально продуманной схемой быстрого и безопасного обогащения, сложившейся в мозговых извилинах какого-нибудь особо опасного рецидивиста с начальным образованием, доматывающего седьмую пятилетку за кражу хозяйственной сумки с пятью килограммами картофеля у зазевавшейся посетительницы колхозного рынка. Очумевшие в безуспешных поисках сюжетов голливудские сценаристы передохли бы от зависти, доведись им хоть

краешком коснуться выстроенных под воздействием круто заваренного чифира логических цепочек, позволяющих без особого труда и капитальных затрат отловить пресловутую золотую рыбку в омуте, который даже глухонемой слепец не догадается назвать тихим.

Однако дальше планирования дело не заходит, на свободе тюремные заготовки редко претворяются в жизнь. Разве что, обуреваемый жаждой мести супруг, сплавленный на скамью подсудимых собственной половиной, выскочив на волю, дотягивается неведающей жалости рукой до ненавистного кадыка некогда любимой женщины или упрятанный за решетку предателями-корешами паренек возьмется за дубину и начнет возвращать долги. Такие случаи относятся к возмещению морального ущерба и к брожению умов основной массы осужденных отношения не имеют. Те же, кто душой стремится к благам материальным, проскочив вахту с зажатой в потном кулаке справкой об освобождении, мигом обо всем забывают и ускоренным маршем устремляются на поиски плохо лежащих ценностей. Иногда проходит, что позволяет насладиться вольной волей месяца два-три, чаще гениального теоретика хлопают на месте преступления, и все возвращается во круги своя.

Это давно сделалось правилом, но правил без исключений не бывает. Одно такое исключение и вышагивало хмурым февральским утром в сопровождении высокого толстозадого офицера внутренней службы к проходной колонии особого режима, укрывшейся в стенах старого монастыря, лет тридцать уже принимавшего вместо монахов этапы с самыми-рассамыми преступниками. Полутюрьма-полуколония меж двух небольших озер, в одном из самых глухих уголков белорусского края. Даже название близлежащего городка месту пребывания осужденных рецидивистов соответствовало — Глубокое. Воистину, глубже не опустишься, и так на самом дне завяз.

Но Зуб вовсе не считал себя конченным. Наоборот, перемены, произошедшие в обществе за четыре года последней отсидки, вселили в незнавшее покоя сердце уверенность, что теперь-то его, Зубово, время и пришло. Кому ж еще, как не аферисту и мошеннику, выложила крупье-жизнь

козырные карты необходимых навыков и способностей. Только прежде играть приходилось в компании полунищих обывателей, сгребая в карман их мизерные ставки, или наглых до беспредела хозяев жизни, называющих себя слугами народа, честно платить проигрыш несогласных и, стоило зазеваться, глушивших удачливого шулера дубиной ими же придуманных законов.

Взметнувшаяся над страной муть открывала дверь в неведомый доселе мир неограниченных возможностей. Деньги, кружасиеся вокруг в нескончаемом вихре гиперинфляции, сами лезли в карман и за шиворот, прилипали к рукам — если руки эти несли на себе следы липкой нечистоплотности, — мельтешили перед носом и, как давным-давно подметил один ушлый римский император, ничем слишком отвратным не пахли. Конечно, рук, карманов и пазух было намного больше, нежели этих славных бумажных листочеков с водяными и прочими защитными знаками, но Зуб здраво полагал, что с его закалкой и боевым опытом конкуренты помехой не станут. Да и какие конкуренты? Недавний выпуск теленовостей, всплывший перед глазами, заставил усмехнуться. Бывший однокурсник, вечно умолявший помочь с курсовой, учил теперь телезрителей уму-разуму, важно восседая в кресле председателя Союза предпринимателей. Другой знакомец, некогда радовавшийся заработанному на подхвате у афериста Зуба стольнику, вовсю рекламировал свой сомнительный, но почему-то весьма преуспевающий, коммерческий банк. Прорвались ребятки, чего ж ему-то отставать. Единственно, что слегка смущало, так это ворох судимостей и двенадцать лет лагерного стажа. Ну и звание особо опасного рецидивиста, присвоенное судом в знак признания многочисленных заслуг перед обществом. Хотя, смешно сказать, сроки-то были все мелкие — девушка-трешник. Четыре вот отсидел в монастырских стенах. Поражаясь оригинальным выходкам афериста и от души повеселившись в ходе заседания над незадачливыми потерпевшими, судьи Зубу много не грузили. Но и не баловали — приговоры выносились бездоказательно-наглые. Уличить мошенника практически невозможно, вот и судили, исходя из глубокого внутреннего убеждения, что честный человек на скамье подсудимых не окажется.

Теперь — все. Выношенный долгими бессонными ночами план должен был сработать без сбоев. Подъем и прощай, немытая Россия, — ставшую в одночасье независимой Беларусь Зуб от России не отделял — мир отворил перед одуревшим за семьдесят лет заточения народом ворота настоящей жизни, туда, к цивилизованному обществу, не мешавшему джентльмену жить, как заблагорассудится, Зуб и решил переметнуться. Но сперва требовалось претворить план в жизнь...

— Фамилия? — сопляк с сержантскими лычками на погонах смотрел сквозь толстое стекло бдительно и сурово.

— Зубенко, — покосился Зуб на стоявшего рядом отрядного.

— Имя-отчество?

— Александр Васильевич.

— Год рождения?

— Пятьдесят восьмой.

Сержант медленно и важно изучил наклеенную на портянку об освобождении Зубову фотографию, еще медленнее прошелся пустыми глазами по лицу освобождающегося, подарившего контролеру свою самую злодейскую ухмылку, и щелкнул тумблером электрозамка.

— Проходите.

Местами заасфальтированная, вся в рытвинах и колдобинах, улица примыкавшего к зоне поселка встретила Зуба ослепительным светом прорвавшегося вдруг сквозь серые февральские облака солнца и звенящей тишиной. Он кашлянул, глубоко вдохнул воздух свободы и скривился. На глаза попались развешанные во дворе выстроенного прямо напротив лагерных ворот особнячка ментовские бриджи и застиранные подштанники, явно умыкнутые из зоновской вещевой каптерки.

Свободой здесь и не пахло. Пахло ментовским обмундированием, с кухонь несло жареной свининкой, на которую ЧИС вечно обжимал арестантскую братию, куры старательно долбили клювами перловую крупу, вряд ли

приобретенную в поселковом магазине, еще припахивало служебно-собачьей шерстью и индийским чайком, заваренным кем-то из собиравшихся на смену местных жителей. Словом, колючим периметром забора зона не ограничивалась, расползлась во все стороны, понемногу отвоевывая все новое и новое пространство, пока еще непристрелянное пулеметами охраны. Даже скованное тонким февральским ледком озеро, в строгом соответствии с режимом содержания, покорно ожидало конца заточения, не возмущаясь и не сбрасывая зимние оковы по собственной инициативе.

По случаю субботы — иудеев в МВД не приваживали, но субботу чтили — бухгалтерия не работала, и конверт с деньгами, выделяемыми государством в качестве выходного пособия, Зубу вручил отрядный. Сумма соответствовала одной минимальной зарплате. Этого, по чьему-то руководящему мнению, не имевшему ни отца, ни матери, ни Родины, ни флага, освободившемуся рецидивисту должно было хватить на то, чтобы сменить арестантскую робу на нормальную одежду, обрести крышу над головой и прокормиться до устройства на работу. К сожалению, инструкцию, как распределить на все это мизерную сумму, на которую и приличных ботинок-то не купишь, в конверт вложить не догадались.

— Как жить думаешь?

На идиотский вопрос можно было не отвечать, но Зуб ответил:

— Хорошо думаю жить. Отлично даже. Знаешь, начальник, меня тут брат встретить должен... Двоюродный. Ты иди по своим делам, я уж сам как-нибудь...

В существовании кузена отрядный сильно сомневался, но таскаться за бывшим подначальным ему не хотелось. Покачав головой, он хлопнул Зуба по плечу и засеменил вдоль забора к поселковой столовой, где с утра пораньше торговали водкой в разлив.

Зуб проводил его долгим взглядом, сплюнул на ступени проходной и подался в сторону автостоянки, куда и вправду должен был прикатить не брат, конечно, но старый проверенный друг.

Красный, сверкающий лаком и никелем, «Опель-рекорд» лихо разбрасывал по сторонам подтаявший дорожный ледок, то и дело обгоняя осторожно плетущихся по добитой трассе более рассудительных водителей. Заслышав нетерпеливый сигнал сумасшедшего камикадзе, те испуганно жались к обочине и, покрутив пальцем у виска, провожали взбесившийся «опель» взглядами, в которых смешалась целая гамма переживаний — от искреннего сочувствия до ехидного злорадства на самоубийцу, сумевшего в столь трудные времена приобрести новеньющую иномарку.

Но отношение оставленных позади водителей Сергея не волновало. Досадуя на забастовавший, стоило выехать из гаража, движок, он притапливал теперь педаль газа почти до упора, надеясь, что Сашка дождется припозднившегося приятеля у зоны, а не попрется в Минск на перекладных...

Дружили они лет тридцать, с детсадовской поры. И в школе за одной партой сидели, а поскольку жили дверь в дверь, то и дома почти не разлучались. Объединяло их многое, но особую роль сыграло увлечение каратэ. Когда-то, в раннем детстве, Серега откопал в семейном архиве изданный еще до революции самоучитель джиу-джитсу. Открытием немедленно поделился с Сашкой, предложившим освоить пару-тройку приемов. Кое-что получилось, и Сашка с Серегой в полгода завоевали среди окрестной шпаны славу мастеров рукопашного боя. Сашку теперь звали не иначе, как Зубом, по фамилии, а Сергей почему-то окрестил себя Сэтом. Почему Сэт, он и сам не мог объяснить, но детские прозвища прилипли к друзьям навсегда. Среди районных малолетних драчунов Сэт и Зубу соперников уже не находилось, начались спарринги в более старшей возрастной категории. Однажды Сэт уделал в тяжком бою пятнадцатилетнего верзилу-боксера из соседнего подъезда, чему пapa десятилетнего самородка-рукопашника, подполковник КГБ, очень удивился. Но, выслушав гневные тирады матери потерпевшего, принял меры.

Поступил он достаточно мудро, вместо сурового запрета применять в уличных боях японские хитрости, договорился с динамовским тренером, пытавшимся внедрить в гебешном спортклубе, кроме самбо, восточные боевые искусства. На

первую же тренировку Сэт прихватил с собой Зуба, и пацанята с радостью принялись стравливать пар под наблюдением специалиста. Собственно, о каратэ и сам тренер имел весьма смутное представление, экзотические виды борьбы осваивал по переводным самиздатовским пособиям, потому и двигался вместе с учениками извилистым путем проб и ошибок, недостаток информации компенсируя природным талантом бойца. Но результатов кой-каких достиг.

К совершеннолетию Серега с Сашкой сами запросто могли бы преподавать костоломные премудрости новичкам, хотя школой их навыки назвать было нельзя. Наблатались всему понемногу, смесь стилей и систем самозащиты — по сути, тоже самбо, только в кимоно.

Кто-то из одноклубников-гебешников растрепал Сереге о существовании закрытого для непосвященных спецфакультета Рязанского училища ВДВ, настоящей школе профессиональных убийц. Сашку такая романтика не привлекала, человек он был по натуре миролюбивый и всей душой противился любому проявлению дисциплины — исключением являлся только спорт, — Серега же, воспитанный папой-чекистом, наоборот, тянулся к армейскому строю. В конце концов один стал курсантом этого самого спецфакультета, другой — студентом экономического вуза. Сашкин отец, всю жизнь корпевший над бухгалтерскими книгами, как-то ухитрился направить сына по своим стопам. К тому же, при нархозе существовала секция каратэ, и Зуба привлекала возможность продолжать тренировки. Грузин-сэнсей, всем и каждому кричавший о собственном черном поясе, единожды поработав с новичком в полный контакт, отзвал того в сторонку и посоветовал заниматься самостоятельно, по индивидуальному плану. Правда, плана никакого не предложил.

Спустя три года Зуб впервые попробовал тюремной баланды. Конфликт, возникший на институтском вечере отдыха из-за первой красавицы факультета, выплеснулся в грандиозную потасовку, Сашке пришлось воевать с тремя соперниками разом. Для тех вечер отдыха растянулся на долгий академический отпуск по состоянию здоровья, а

лишивший их этого здоровья Зуб получил свой первый трешник.

Сэт в ту пору осваивал специальность разведчика-диверсанта, в Минск наезжал только в отпускные месяцы, и о случившейся с другом беде узнал лишь после суда, из письма матери.

Друзья не встречались лет пять. Сашка успел, после года отсидки, выскочить по амнистии, с полгода поболтаться по городу и угореть по новой за мелкое мошенничество. Дали три с половиной года и, отбарабанив срок от звонка до звонка, он вновь окунулся в застойную жизнь белорусской столицы.

Сергей к тому времени получил лейтенантские погоны, какое-то время покомандовал взводом в учебном центре армейского спецназа в Печорах, добровольно поперся в Афганистан, где заработал орден, два ранения и контузию. Вернее, орден дали, когда с почетом увольняли из армии, поскольку в результате вышеупомянутыхувечий к службе в спецназе Сэта признали непригодным. Тянуть лямку до пенсии в других родах войск он отказался наотрез, повесил в шкаф китель с погонами старшего лейтенанта и пристроился инженером в одну хитрую шарашку, выпускавшую точные приборы для нужд мясо-молочной промышленности. Благо, кроме специальности шпиона, в училище позволяли освоить десяток прикладных наук.

Освободившийся примерно в то же время Зуб с другом столкнулся случайно. Старики его давно переехали в другой район, связи с бывшими соседями не поддерживали, и Сашка здорово удивился, опознав в прихрамывавшем навстречу парне с ранней сединой на висках старого приятеля. Он-то полагал, что Сэт продолжает пускать под откос душманских верблюдов и геройски расстреливать в затылок пленных американских военспецов.

Встретившись, друзья не расставались почти год. Предприимчивый Зуб оборудовал в заброшенном подвале полуподпольный спортклуб, где под видом самбо преподавал малолетним хулиганам некую смесь восточных стилей борьбы. Небезвоздездно, а за весьма солидную плату, о чем ученикам рекомендовалось помалкивать. Официально клуб возглавлял

Сергей. Потряс где надо наградной книжкой, пообещал воспитать из шпаны достойную смену старшему поколению, райком комсомола и разрешил. Хотя Сэт ни на йоту не покривил душой и, с подачи Зуба, выпестовал истинных наследников большевистской шайки головорезов, власти спохватились, и клуб прикрыли. Сергея спасли ордена, ранения и подвалившая амнистия, а весь прикуп пошел на Сашку. Обвинили того, правда, в мошенничестве и вымогательстве, а не организации под эгидой ВЛКСМ бандитской группировки, состряпали дельце, сплошь шитое белыми нитками, и определили на три года в колонию строгого режима.

Освободился он в самом конце восьмидесятых. Не забывавший о друге Сэт к тому времени организовал кооператив «Левша» и, сколотив бригаду мастеров из спившихся талантливых электронщиков, вовсю ремонтировал фирменную бытовую аппаратуру. Зуб быстро освоился и затеял под прикрытием «Левши» производство якобы фирменных голосовых систем «Маршалл», в которых фирмой было разве что витиеватая надпись на колонках. Первую партию аппаратов удачно сплавили в Узбекистан, подтянули кавказских лабухов, но бес попутал, и одну голосовую Сашка всуропил землякам. Подделка обнаружилась, в придачу один из потерпевших покупателей оказался сыном крупного эмблематического чина и, загрузив всю вину на себя, Зуб поехал обживать кельи Глубокского монастыря. Суд признал его особо опасным рецидивистом со всеми вытекающими из этого последствиями. Не помогли ни деньги, ни связи, точнее, помогли, но не совсем. Сашке дали всего четыре года, хотя могли навернуть и все десять, а звание особо опасного рецидивиста прилепили исключительно в рамках закона, как осужденному по аналогичным статьям более двух раз.

Сергей отделался частным определением суда и внушительным штрафом. Кооператив прикрыли, но бывший председатель особо не бедствовал. И страдальцу Зубу помогал, чем только мог. Оставив мораль строителя коммунизма в грохочущем ущелье у перевала Саланг, Сэт тогда еще твердо уверовал — если и стоит за что-то отдавать силы и жизнь, то только за свое персональное счастье.

Интересы общества, одурманенного несостоятельными идеями, с его представлением о нормальной жизни как-то не состыковывались, зато философия Зуба, утверждавшего, что личное благо каждого и есть основа всеобщего благополучия, устроила Сэта полностью. Он, как и Сашка, даже семью создавать не спешил, рассудив, что плодить нищих в полунищей стране грешно, сперва надо твердо встать на ноги, а уж потом сажать на плечи счастливое потомство.

В последнее время Сергей промышлял охраной и сопровождением грузов. Иногда вышибал по просьбе мелких бизнесменов долги у таких же проходимцев, как и сами кредиторы. Время от времени сопровождал солидных деловых людей в поездках в качестве телохранителя.

Афганские раны почти не беспокоили, благодаря регулярным тренировкам в платном клубе Сергей находился теперь в отличной форме. Конечно, выстоять спаринг по всем правилам с молодым тренированным противником вряд ли сумел бы, но одолеть того же бойца в ситуации, близкой к боевой, мог запросто. Спецподготовка, опыт и кой-какие собственные разработки сделали Сэта опасным для любого противника, будь тот хоть чемпионом мира...

«Опель» ворвался в поселок, когда Сашка уже начал отчаяваться. Сновавшие взад-вперед менты так замучили его дурацкими вопросами, что, кабы не зековская роба на плечах и отсутствие денег — пособия не хватало даже на автобусный билет до Минска, — давно бы отсюда удрал. Но, узрев Серегу, с виноватой улыбкой распахнувшего дверцу машины, заулыбался и сам:

— Думал, ты уже догораешь где-нибудь в кювете. Спасибо, что живой доехал.

— Сплюнь, трасса и так вся в соплях, — Сэт кивнул на заднее сиденье, — вон шмотки, переоденься. Весь салон тюрьмой завонял.

Сашка перегнулся, переволок объемистую спортивную сумку к себе на колени и назидательно заметил:

— Это хорошо, что у тебя на тюремный запах аллергия. Осторожнее будешь. Поехали, а то я от вида колючки на

заборе и сам скоро пятнами пойду.

Часть первая

Утверждают, что одарив всевозможными талантами какого-нибудь гениального человека, природа отдыхает на его детях. Но, через поколение, осыпает внука гения золотым дождем удивительных способностей, хотя это вовсе не означает, что внук повторяет жизненный путь деда. Просто рождается еще один талантливый человек.

Впрочем, исключения существуют везде, вторгаются они и в область генной инженерии матушки-природы. Отто Бэбик всю жизнь и страдал, видимо, выстраивал цепочки ДНК и подгонял отпущеные ему хромосомы небесный конструктор или в конце квартала, или с перепоя. И отнесся к делу спустя рукава — до деда, превращавшего в деньги все, к чему бы он ни прикасался, Бэбiku даже не далеко было, их вообще не имело смысла сравнивать.

Дед, занимавший при жизни скромное кресло директора фабрики мягких игрушек, воистину творил чудеса. День за днем, год за годом, с начала шестидесятых до самой смерти в восемьдесят шестом, он создавал альтернативную государственную собственную финансовую империю. В разных концах страны вроде бы не связанные друг с другом жулики и проходимцы обкрадывали госпредприятия, пуская налево сырьевые фонды, спекулировали на черном рынке, гнали по ночам неучтенную продукцию, вывозили на Запад антиквариат и продавали втридорога вырученную за контрабанду валюту евреям-отъезжантам, прокручивали сотни и тысячи иных уголовно наказуемых комбинаций, а руководил всем этим безобразием Лев Исаакович Будиловский, ухитрявшийся, кроме основного занятия, следить за ростом производства плюшевых зайцев и мишек.

С чем не повезло Льву Исааковичу, так это с наследниками. Некрасивая и уродившаяся характером в мать, чья непревзойденная глупость и неуживчивость и вынудили его укрываться от ежедневных скандалов за ширмой теневой экономики, дочь Элла замужем пробыла недолго. Позарившийся на благополучную с виду жизнь в европейской семье пьяница-пианист, чистокровный русак, очень скоро

прозрел и сбежал в неизвестном направлении, оставив деду с бабкой удивительно похожего на маму внука Эдика. Гены непутевого лабуха, смешавшись с кровью финансового гения, дали странный эффект — даже по прилипшему еще в детском саду прозвищу можно было судить, что за корнеплод уродился на грядке Будиловских. Бэбик и Бэбик — тут и добавить нечего.

К прочим недостаткам — а уж их хватило бы на десятерых — Бэбик был страшно труслив. Он боялся всего на свете, удивительно, как дожил до тридцати, не покончив с собой с перепугу. Хотя, самоубийце необходима изрядная доля мужества — иначе разве сладишь с основным инстинктом? Должно быть, не существовало комплекса, в той или иной степени не затронувшего Бэбикову психику. Бабушка и мама Льва Исааковича к внуку не подпускали, воспитывали Эдика по своему образу и подобию, всячески оберегая его от любых проявлений того, что называется настоящей жизнью. Но в начале девяностых, почти одновременно, умерли и они, Бэбик остался единственным Будиловским на белом свете. Не считая, конечно, однофамильцев и дальних родственников, с которыми отношений никаких не поддерживал.

Наследство от Льва Исааковича осталось весьма значительное. Дача на Птичи, квартира в центре Минска, «Волга», ржавевшая в кирпичном отапливаемом гараже, поскольку Бэбик даже по городу ездить боялся и за барабанку садился только в случае крайней необходимости — все это было лишь видимой частью нажитого дедом состояния. Умиравшая от рака мать передала Бэбiku невероятное количество сберкнижек на предъявителя, показала десяток тайников, набитых золотыми изделиями и монетами. Отдельно хранилось пятьсот тысячечно зеленых долларов и мешочек с бриллиантами старинной огранки. А год спустя, роясь в дачном сарае, наследник обнаружил три миллиона рублей, закатанные в трехлитровые банки. Но на дворе стоял девяносто третий год и денежки, кроме нумизматической, иной ценности не представляли.

Казалось бы, с такой материальной поддержкой в эпоху новых экономических отношений можно взлететь в поднебесную высь, но Бэбик Бэбиком и остался. Не то, чтобы использовать капитал — даже заикнуться о нем боялся.

Правда, поскольку за тунеядство преследовать перестали, бросил бегать по утрам в лабораторию НИИ растениеводства, где честно тянул лямку лаборанта, но этим и ограничился. Осторожно тратил доллар — другой на неприметную серенькую жизнь и... мечтал.

Вот мечтать он умел, все-таки абсолютно бесталанных людей не бывает. Воображение у Бэбика развито было не хуже, нежели у какого-нибудь писателя-фантаста, лауреата премии Хьюго, заслужить которую совсем-совсем непросто. Правда, при обилии красок и оттенков, Бэбиковы мечты отличались некоторым однообразием, в основном, сводясь к переезду в благополучную тихую Швейцарию, собственной вилле с бассейном и дозволенным правилами приличия развлечениям.

Однако взять и уехать наяву — это у обленившегося мечтателя в голове не укладывалось. Со всех сторон раздавались крики о росте преступности, о головорезах, подстерегающих всплывших из тины застойного болота богатеев, с автоматами Калашникова и утюгами неизвестного конструктора, о бесчинстве чиновников, напрямую с этими головорезами связанных, и о многом, еще более ужасающем. Бэбик уверовал, что стоит высунуться, хоть кому-то позволить прознать о дедовом наследстве — вмиг пустят по миру, не оставив зеленой десятки на сигареты. А могут и жизни лишить, скрывая следы преступления. Но уехать хотелось с каждым днем все сильнее, и он начал мечтать о добрых людях, согласных за определенную плату помочь ему перебраться за кордон не только живым и невредимым, но и со средствами на новую жизнь. Где искать такого самаритянина Бэбик понятия не имел, однако почему-то верил, что в один прекрасный день тот остановит своего ослика под окнами его трехкомнатной квартиры на Республиканской улице Минска...

Бэбик собирался в магазин за хлебом. Выходить из дома он старался как можно реже, раз в неделю закупал на рынке продукты, иногда навещал «Торговый дом на Немиге»; приобретая необходимые промтовары, только вот за хлебушком приходилось бегать ежедневно — черствого не любил с детства.

Одевшись потеплее, подошел к зеркалу. Из мутной глубины прихожей, отразившейся в деревянном прямоугольнике антикварной рамы, выплыла нелепая фигура сравнительно молодого брюнета с усталым лицом, одетого в потертую канадскую дубленку — мечту модников конца семидесятых — и заношенные джинсы. Новых шмоток Бэбик не покупал, боялся привлечь внимание уголовников, так и кишащих, по его мнению, возле прилавков валютных магазинов. Менять доллары на белорусских зверят тоже боялся, потихоньку потрошил книжки на предъявителя, изымал остатки съеденных инфляцией дедовых вкладов, и с каждым днем ужасаясь, как колоссальные некогда суммы превращаются в сущие гроши.

Февраль забросал двор длинного семиэтажного дома липким ноздреватым снегом, кое-где уже перевоплотившимся в грязные противные лужицы. На стоянке, прямо напротив подъезда, у задравшего капот желтого пожилого «мерседеса» возились двое. Точнее, в движке ковырялся один — владелец машины Игорь, живший этажом ниже Бэбика. Второй, бывший одноклассник Бэбика Мишка, вымораживал у Игоря лежавшую на заднем сиденьи «мерседеса» бутылку водки.

— Ну некогда мне, как ты не поймешь, — злился Игорь, невпопад тыча отверткой, — видишь, тачка разваливается, надо на сервис ехать.

— Так я сам выпью... За твоё здоровье и за тачкино, — непохмеленный Мишка, спившийся за последние годы окончательно, не понимал, как можно, имея бутылку, куда-то там ехать.

— Эх, Мишка, Мишка, — Игорь покачал головой, — лучшим математиком школы был, РТИ окончил, а теперь... Шел бы ко мне в СП, нам электронщики твоего класса во как нужны.

— У вас пить нельзя, а мне нельзя не пить. Баба одна погадала, брошу — помру. Не дай подохнуть раньше срока, налей стаканчик.

Игорь захлопнул капот и с сожалением оглядел Мишку с ног до головы. — Нет, стариk. Мне не водки, тебя жалко. Относительно работы вполне серьезно говорю — придешь,

возьму под свою ответственность. Между прочим, народ к нам ломится, конкурс бешеный. Просто я еще считаю, что ты не совсем конченный, толк из тебя выйдет.

— Душа из меня сейчас выйдет, жлобина! — Миша зло сплюнул и тут увидел Бэбика, — о-о, Бэбуард! Ты-то мне и нужен.

С тех пор, как хлопнув дверью солидного академического института, Мишка грязнул в запой, Бэбик стал одним из основных его спонсоров. Удача, правда, улыбалась шебутному пьянице нечасто ввиду затворнической жизни бывшего однокашника. Поэтому Мишка рванулся наперерез, радостно распахивая объятия.

— А я уж думал, ты помер! Две недели не виделись... Эдик, зайди тысячу двадцать, трубы горят и вообще. Или давай вместе освежимся? Посидим, вспомним молодость. Что-то ты плохо стал выглядеть, — заботливо подхватил он Бэбика под руку, — а я в одном английском журнале вычитал — Мишка превосходно владел английским и немецким — если пить поумному, то есть, по системе Кир-Буха, до ста лет доживешь без несчастья.

— А что это за система? — Бэбик понял, что просто так от Мишки не отделаешься, да и общение со старым приятелем внесло в унылую серость дня капельку веселого разнообразия.

— Вот возьми озверина, объясню. Целую лекцию прочту. Первый закон Кир-Буха гласит — проснувшись утром, не пей воду из под крана сразу, дождись, пока пойдет холодная. Я проверял, стариk прав, сушняк лучше снимает именно ледяная вода. Но водой душу не обманешь — это второй закон Кир-Буха...

— А может завтра встретимся? — робкая попытка вырваться из Мишкиных лап успеха не имела. — Не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня. Третий и основной закон Кир-Буха. Их, кстати, больше тридцати, законов этих. Пойдем в шоп, отоваримся, и я тебе все досконально растолкую.

Бэбик и сам не понял, как поддался на уговоры, под Мишкиным конвоем посетил штучный отдел гастронома, где

лет пять уже не бывал, и купил целых четыре бутылки «Пшеничной» водки. Согласно четвертому закону неведомого Кир-Буха, утверждающему, что лучше перебрать, чем недобрать. Хотя Мишка тут же выложил пятый закон, из чего следовало — сколько водки не бери, все равно окажется, что надо бежать в магазин по новой.

Но самой большой загадкой для Бэбика стало другое. Каким-то непостижимым образом они с Мишкой оказались на кухне его квартиры-крепости, куда нога пришельца не ступала с того дня, как скорая увезла в больницу мать. Мишка по-хозяйски разливал водку по стаканам и выдавал все новые и новые законы гениального Кир-Буха; после второго стопарика Бэбик вдруг успокоился и понял, что нет ничего приятнее, нежели так вот уютно сидеть за кухонным столом и, под маринованные огурчики и Мишкину непрерывную трепотню, воспринимать, как водочка мирно растекается по истосковавшимся от трезвой жизни внутренностям.

Усидев два литра, единодушно решили продолжить, и вооруженный зеленой двадцаткой Мишка полетел за «Смирновской» — воспрявшая душа Бэбика потребовала разгуляева. Разгулялись не на шутку, Мишка приволок не только две литровые емкости кристально-чистой водки, но и полдюжины банок германского пива. Друзья хватанули ерша — десятый закон Кир-Буха обязывал не запивать водку пивом, а смешивать напитки, гарантируя удивительные ощущения и необязательность закуски. С закуской, кстати, было не ахти.

От ерша Бэбик и расклеился. Оборвав очередную Мишкину байку, он не ведал, что творит, сбивчиво горячим шепотом поведал о дедовых сокровищах, кляня судьбу-злодейку, не позволяющую без опаски воспользоваться сказочным наследством. Мишка слушал рассеянно, больше интересуясь содержимым пузатой американской бутылки, но время от времени вежливо поддакивал.

— Веришь, перееду в Женеву или Люксембург какой-нибудь, такой фестиваль устрою... Весь город на ушах будет стоять, — Бэбик, распустив по столу сопли, нес уже Бог весть что.

— Верю, — Мишка икнул. — Я в тебя всегда верил... Не забудь выключить телевизор — это тридцать третий и последний закон Кир... — он снова икнул и свалился под стол. Бэбик потянулся, желая помочь другу, зацепился за табуретку и рухнул рядом с мгновенно захрапевшим Мишкой, тоже проваливаясь в лиловый туман.

* * *

Поток изначально разноцветных, но одинаково серых под облепившим их снегом машин, пробиваясь сквозь пелену снегопада, огибал установленный посреди площади памятник — высоченный четырехгранный столб, увенчанный огромным орденом Победы. Один из прожекторов подсветки бил прямо в окно Сэтовой квартиры, заставляя стоявшего у отдернутой шторы Сашку близоруко щуриться. Разглядеть из-за слепящего луча утонувший в сумрачной февральской круговерти родной Минск, за четыре года малость изменившийся, возможным не представлялось.

В двухкомнатной квартире Сэт жил один. Отец, отхвативший в конце семидесятых полковничью папаху, безвременно скончался при весьма таинственных обстоятельствах. Незадолго до трагической гибели первого секретаря ЦК КПБ Машерова, его труп обнаружили в будке телефона-автомата возле кафе «Весна», наискосок от здания республиканского КГБ. Врачи констатировали смерть от инфаркта, хотя полковник на сердце сроду не жаловался и вообще отличался отменным здоровьем. Спустя три года в семейную оградку на Московском кладбище положили гроб с телом Серегиной матери, сильно горевавшей по мужу и израненному в Афghanистане сыну. К счастью, Сэт к тому времени успел вернуться в Минск и отвоевал, потрясая афганскими наградами, право сохранить за собой родительскую квартиру. Хотя шустрики из райисполкома нацелились было выкурить его куда-то на окраину.

Сашку Сергей привез к себе. Два года назад Зубовы старики обменяли минскую квартиру на такую же в Москве, решив на склоне жизни капельку побывать москвичами. Сашкина мать родилась в небольшом подмосковном городке, а отец и

вовсе в Сибири, поэтому помирать на чужбине, каковой стала в их представлении независимая Беларусь, старикам не хотелось. Сашка в Москву не стремился, помышляя, после претворения в жизнь разработанного на нарах плана, рвануть в диаметрально противоположном направлении. Об этом приятели и толковали, продолжая начатый еще в дороге разговор.

— Значит, нелегалом решил пожить, — Сэм сервировал на скорую руку ужин, притащив из холодильника целую груду разнокалиберных банок, коробок и бутылок, — прописываться не станешь?

— Еще чего, — Сашка поморщился, как от зубной боли, — хозяин полгода надзора выписал. Нужен мне этот колпак? Тем более, они за нарушение правил надзора снова сажать собираются. Вот тебе и права человека. Нет, Серега, никаких прописок и постановки на учет, у меня своя программа. Документики сварганим, денежки найдем и, ты как хочешь, а я отплываю. И потом, менты сейчас меня потеряют на время. Направление я в Москву, к старикам, взял. Не приеду — московские мусора волноваться не станут. А выяснять, куда я делься, долгая песня, международная переписка и все такое. Если сам не засвечусь — сто лет можно пиратствовать.

Сергей разлил по узким длинным рюмкам коньяк: — А что ты затеваешь? Говоришь-говоришь о ноу-хау, но я пока ни черта не понял. Какие деньги, где, у кого?

— Я же писал, найти книгу. Нашел? — Зуб шагнул к книжному шкафу и порыскал глазами по корешкам пыльных томов, — что-то я ее не вижу.

— Вот, на второй полке, — Сэт вытянул из плотного ряда серенький томик.

— Хм, «Мошенники и негодяи». Ну и что?

— Так ты, выходит, ее и не читал! — Сашка выхватил книгу из рук приятеля и затрещал страницам. — На вот, быстренько прочти эту главу. Надо же, — он недоуменно покачал головой, — я же просил, прочти обязательно. А ты купил, на полку поставил и со стороны ей любуешься.

— Времени мало, то одно, то другое. Кручусь как белка в колесе. Успею еще, не горит, — отложил Сергей книгу в сторону.

— Именно горит! — взорвался Зуб. Наплевательское отношение к столь важному, по его мнению, делу казалось возмутительным поступком. Арестанты, пребывая в запредельном мире, иногда забывают, что у находящихся на свободе людей времени отнюдь не с избытком.

У Сергея свободного времени вовсе не было, а тут такая странная прихоть — купи и прочти книжку. Он купил, однако читать ее и не подумал. И теперь искренне недоумевал, чего это приятель бесится.

— Ладно, — уселся Сэт в кресло и, хлопнув коньячку, уткнулся в книгу.

— Ты пока видак погоняй, что ли. Кассеты вон на полке стоят.

Сашка порылся среди двух десятков видеокассет, выбрал двухсотсороковку «Джи-ви-си» с самым своим любимым фильмом «Однажды в Америке» и, соорудив гигантский сэндвич, уселся перед телевизором.

Сергей читал сперва лениво и невнимательно, но с каждой строчкой все больше впивался глазами в страницу — описываемые события действительно представляли практический интерес. Книга была документальной, какой-то английский журналист собрал воедино истории самых нашумевших и оригинальных афер, случившихся в мире за последние сто лет.

Глава, на прочтение которой настаивал Зуб, повествовала о гениальной комбинации, проクрученной французскими бендерами в начале пятидесятых годов. Мошенники случайно познакомились с неким графом, мечтавшим удрать из постепенно прибираемой к рукам коммунистами послевоенной Франции в Америку. Сдерживал того только некоторый недостаток средств — хотя граф владел родовым замком в долине Луары и банковским счетом в полтораста тысяч долларов, этого, по его мнению, для благополучной жизни за океаном не хватало. В придачу, он люто ненавидел

коммунистов всех стран и национальностей — этим аферисты и воспользовались. Они представились офицерами французской разведки, в отличие от замороченных компартией коллег, патриотами старой добры Франции, и предложили графу оказать им помощь в переправке в Италию контейнера с обогащенным ураном. Уран якобы был похищен в Советском Союзе, через Восточную Германию доставлен во Францию, теперь его следовало отвезти в Неаполь. Но сперва требовалось передать героям-поставщикам сто тысяч долларов вознаграждения. А в Неаполе, по словам аферистов, контейнер ожидал представитель правительства ЮАР, согласный заплатить за уран втрое, то есть треть миллиона. Поскольку в недрах французских спецслужб, стонали «разведчики», окопались полчища агентов Кремля, денег для ухитрившихся вывезти из СССР контейнер с ураном героев борьбы за демократию они официально найти не могут. И вынуждены обратиться за помощью к истинному патриоту и убежденному антисоветисту, каковым граф и является.

Помощь подразумевалась небезвозмездная. Заплатив сто тысяч здесь, граф должен самолично отвезти контейнер в Неаполь и положить в карман триста тысяч долларов. Граф клюнул. В полгода его вскрыли еще на сто тысяч, заставили заложить замок и продать драгоценности жены. Всякие неувязки мешали ему добраться до злополучного Неаполя, а из России поступали все новые урановые контейнеры, которые советские антисоветисты приорвали, видимо, тягать в Париж по зеленой. В конце концов афера вскрылась, граф угорел на полмиллиона, а мошенники оказались в тюрьме.

Но идея Сэту понравилась — не обязательно же в тюрьму садиться, просто следует продумать все более скрупулезно.

Об этом он и заявил, откладывая книгу в сторону.

— А-а, понял наконец, — оторвался Зуб от телевизора, — правильно этот бородатый умник сказал. Всем лучшим, что у меня есть, я обязан книгам. Конец цитаты. Только где же нам такого графа-то найти? Лично я подобных болванов в жизни не встречал. Вернее, болванов и лохов видел море, но чтобы и деньги были, и уехать хотел, да еще, чтобы дурак-дураком — как-то не приходилось с такими уродами сталкиваться. Может ты хоть одного знаешь?

— Богатых людей сейчас немало, — Сэт прошелся по комнате и присел напротив Сашки в кресло, — но к ним с таким предложением не сунешься. Очень опасно, времена такие, что все настороже. Однако поищем, может один где завалялся... Эдакий лоховатый Корейко с неполноценной психикой.

Сашка поднял рюмку и звякнул краешком о горлышко коньячной бутылки: — Тогда давай за успех. Верю, что повезет. Да, заодно надо решить вопрос с ксивами. Хоть какой-то аусвайс нужен, со справкой долго не погуляешь...

* * *

Как и все на свете, женская эмансипация хороша до определенных пределов. Современным мужчинам импонируют раскрепощенные самостоятельные подруги в том лишь случае, если время от времени вдруг выясняется, что без твердой мужской руки сами милые дамы выжить не в состоянии. Природа поступила достаточно мудро, наделив особей мужского пола силой с интеллектом, оставив женщинам стремление к созданию потомства и поразительную выносливость, причем не только физическую, но и моральную. Попробуй-ка иначе сладить с бугаем-умником, уверенным в своем превосходстве над всеми женщинами мира вместе взятыми.

Но выносливость тоже небесконечна и, прожив с первым и последним мужем три года, Лена поняла, что дальше так продолжаться не может. Супруг не только гулял во все стороны разом, не пропуская ни одной более-менее ладно сидящей на округлых бедрах юбки, но и начал здорово закладывать за воротник и прочие детали костюма. А, вылетев с треском из престижного НИИ, плонул на почти готовую диссертацию и вообще пошел в разнос. Если бы Лена хотя бы его любила, может быть и попыталась бы остановить падение благоверного. Но замуж она выскоцила, поддавшись сиюминутному настроению. Симпатичный остроумный паренек, электронщик с прекрасной перспективой на будущее, общаться интересно, в постели еще интереснее — так они с Мишкой и поженились. Так же легко и расстались, без упреков

и обвинений во всех смертных грехах. Разменяли доставшуюся Мишке от родителей квартиру, тот остался в своем же доме на Республиканской в однокомнатной, а Лена перебралась на Зеленый Луг, в неуютную панельную темницу, окнами смотревшую на грязный забор завода «Термопласт».

С тех пор она жила одна. Романы, конечно, были, но непродолжительно мимолетные — иногда месяц, чаще два-три дня. Только однажды, четыре года назад, встретился ей парень из той самой сказки, оказаться в которой мечтает любая женщина. Но счастьем лишь дохнуло, вскоре принца умчала некрасивая кургузая карета с решетчатыми окнами. Потом Лена писала в городок со странным названием Глубокое, куда уволокли любимого суровые мужики в форме, письмо за письмом, но ответ получила только однажды. Саша просил не тратить понапрасну время, конверты и марки, поскольку отвечать больше не станет. Никаких пояснений, и Лена писать перестала, хотя во взаимности милого сердцу узника была почему-то уверена.

Постепенно жизнь наладилась, потекла сравнительно спокойной рекой, не ведающей водоворотов, круtyх водопадов и неожиданно возникавших за очередным поворотом каменистых острозубых отмелей.

Забросив подальше диплом филолога, по протекции одного из бывших любовников, Лена устроилась в коммерческий магазин неподалеку от площади Победы. Заработка хватало. Отрегулировала и личную жизнь — для трех ухажеров установила четкий график, причем домой никогда никого не приглашала. Предпочитала тешить беса на чужой территории. И вообще, полюбила коротать вечера в одиночестве, нисколько не задумываясь о странности такого затворничества для молодой привлекательной женщины.

Большую часть свободного времени Лена проводила у экрана телевизора. Купила дешевенький корейский видеоплейер и стала постоянным клиентом пункта проката кассет, арендовавшего уголок магазина, где сама работала продавцом. Вернувшись с работы, спешила погрузиться в мир иллюзий, созданный голливудскими волшебниками, предпочитая душепитательные мелодрамы со счастливым концом и очаровательные комедии типа «Крошки Сью». За

стенами квартиры мельтешила беспросветная суeta большого города, вознамерившегося из провинциального центра в одночасье стать европейской столицей, но, стараниями нешибко мудрых правителей, превращенного в какой-то ярмарочный балаган, театр марионеток, задержанных веревочками нужды, страха и мелких интриг; города, напоминавшего человека, на лице которого прочно укрепилась печать растерянности и безысходности, позабывшего, как надо улыбаться, и, даже в редкие минуты радости, раздвигающего губы в настороженном зверином оскале. А на двадцатидюймовом экране царила иная жизнь. В нее-то Лена и убегала, уютно свернувшись в уголке дивана и наслаждаясь яркими красками, естественной игрой красивых обаятельных актеров, легко разрешавших самые сложные из многочисленных проблем, выдуманных талантливыми сценаристами...

Сегодня Лена решила провести вечер в обществе «Бетховена» — четырехлапого героя одноименной очень добродушной комедии. Но едва на экране возникла хитрющая морда гигантского сенбернара — любимца идеальной американской семьи, в прихожей раздался настойчивый дребезжащий звонок. Лена запахнула халат и, приглушив звук телевизора, подошла к двери. В «глазке» радостно оскалилась физиономия Мишки, иногда навещавшего бывшую половину в надежде перехватить деньжат. Впрочем, наведывался он нечасто и долги всегда возвращал, но сюда, на Калиновского, никогда не заглядывал, находил Лену на работе. Тащиться через весь город его могло вынудить лишь что-то невероятное, и заинтригованная Лена поспешила отворить дверь.

— Принимай дорогих гостей, — Мишка ткнул ей в руки бутылку французского шампанского и вывернул из-за спины огромный букет роз. — Это вам, мадам, от вашего старого поклонника.

За Мишкиной спиной возникла фигура сконфуженно улыбавшегося Бэбика, с которым Лена познакомилась еще на собственной свадьбе. Но самое удивительное заключалось в том, что Бэбик — по мнению всех знакомых, убежденный трезвенник — едва держался на ногах. Однако охапку

фирменных бутылок с яркими этикетками прижимал к груди достаточно крепко.

— Эдик? — Лена широко распахнула глаза. — Ну, Мишка, ты даешь! Зачем ты его напоил?

— С кем поведешься — с тем и наберешься. Девятнадцатый закон Кир-Буха... — Мишка подтолкнул Бэбика вперед и прикрыл входную дверь. — Понимаешь, у него оказывается сегодня день рождения. Ну, мы и вспрыснули юбилейную дату, тридцатник все-таки. Эдик о тебе вспомнил, давай, говорит, и к Ленке заедем. Посмотрим, как она горе мыкает. Вот мы и нагрянули, извини, без приглашения. Согласно восьмого закона Кир-Буха... Незваный гость с бутылкой лучше татарина, тем более, что от татар бутылки не дождешься. Им Коран пить не велит. — В действительности все выглядело несколько иначе. Когда первая волна алкоголя склонила и проснувшиеся под кухонным столом собутыльники оклемались, Бэбик попытался выставить искусителя Мишку за дверь. Но чудом уцелевшая бутылка «Смирновской» мигом излечила хозяина квартиры от синдрома негостеприимства, последователь великолепного теоретика Кир-Буха сгонял за подогревом, и уже через час Бэбик, слезно и сопливо расчувствовавшись, поведал о своей давней и глубокой любви. Оказалось, бывшая Мишкина жена с первой минуты знакомства пробудила в нем неслыханное чувство, сохранившееся доныне. Все эти годы Бэбик тайно страдал, мечтал о Лене и не смел даже заикнуться об этом кому бы то ни было. Переопохмелившись, он начал читать Мишке нотацию по поводу безобразного отношения того к святой женщине, каковой Лена ему представлялась, разрыдался, проклиная собственную слабохарактерность и закомплексованность, и Мишка, в конце концов, проникся к спонсору состраданием. Тут, правда, примешался и практический интерес, появился законный повод раскрутить Бэбика на дополнительные субсидии. Пообещав в лепешку разбиться, но составить другу протекцию в любви, он нарисовал страшную картину безысходного и унылого существования бывшей супруги без мужской ласки и праздников, сочинил легенду для Бэбика — день рождения, отличный повод! — вскрыл «именинника» на сто баксов и теперь довольно взирал на выставленную вдоль подоконника

батарею высококачественных напитков. Скромно икавший на диване Бэбик любовался суетившейся с закусками девушкой своей мечты, а Лена... Лена визиту лихих гостей почему-то даже обрадовалась. Когда-то ей нравилось точно также суетиться, принимая очередных Мишиных друзей, которых тот таскал в гости днем и ночью, нравились кухонные посиделки с гитарой, бесконечные умные и пьяные рассуждения о смысле жизни. Потом это надоело, но с недавних пор Лена начала испытывать ностальгию по тем беззаберным временам, канувшим в Лету, казалось бы, безвозвратно. И на Мишку не сердилась, а посматривала в его сторону с благодарностью, ошибочно полагая, что все это затеяно только ради нее.

* * *

К полуночи снегопад прекратился, слегка подморозило, и опустевшие городские улицы живо напомнили Сашке давнюю новогоднюю ночь. Когда-то, тысячу лет назад, он точно также поднимался безлюдным проспектом от цирка к Центральной площади, снежок мирно поскрипывал под ногами, в душе смешались возбуждение и горечь несостоявшегося праздника и хотелось только одного — зашиться в теплый уютный уголок маленького кабачка и нарезаться до невменяемого состояния.

Тогда его обманула любимая девчонка, теперь обманывала жизнь. Хотя Зуб давно убедился, что мечты и реальность вещи не всегда совместимые. Сколько раз представлял он этот вот первый вечер на свободе, но издалека вечерняя прогулка по родному городу казалась удивительным праздником, океаном положительных эмоций, на деле же все выглядело просто и обыденно. Ледяной ветер в лицо, суровая чернота беззвездного неба над головой и жавшиеся к стенам угрюмых домов такие же угрюмые запоздалые прохожие.

Сашка начал сожалеть, что не сумел убедить Сэта составить компанию. Вдвоем шагать неизвестно куда все-таки веселее. Но Сергей от предложения посетить какое-нибудь развеселое место отказался, Афганистан вообще здорово его изменил, впридачу, оставаясь на свободе, он давно уже не находил в суполке кабаков ничего хорошего, и Зубу пришлось пуститься в путь одному. Поэтому возвращаться к Сергею не

хотелось — перед уходом Сашка закатил другу целую обвинительную речь, упирая на слишком уж раннюю усталость от жизни и душевную старость, и потом, он надеялся отыскать-таки какой-нибудь оазис веселья, существующий даже в городе мертвых, на который Минск почему-то начал сильно смахивать.

Перебравшись подземным переходом через проспект, Сашка миновал ярко освещенные витрины ГУМа и вспомнил, что где-то рядом должен находиться маленький подвальный ресторанчик. Об этом бандитском гнезде, замаскированном под вполне приличное заведение, ему прожужжал все уши знакомый домушник, оставивший за стойкой тамошнего бара львиную долю денег, вырученных от реализации наворованного по минским квартирам барахла. Серые ступеньки круто сбегали к массивной дубовой двери, украшенной изящно выполненной надписью «Добро пожаловать». Однако добром здесь встречали не всех; на пороге возвышался здоровенный вышибала. Из-за его широкой спины доносился ровный ресторанный гул и тихая красивая мелодия.

— Мест нет, — внимательно оглядев обогнавшую Зуба парочку молоденьких студентов, прогудел вышибала и хотел было прикрыть зверь, но Сашка успел упереть в косяк ногу: — И для меня?

Определить, где человек заполучил бледно-серую окраску лица, волчий огонек в глазах и матерую седину криво постриженных волос, для вратаря труда не составило.

— Давно откинулся? — он посторонился, пропуская Зуба в теплый маленький холл, — нет мест, говорю! — мощная лапа в синих наколках перекрыла путь сунувшейся за Сашкой парочке. Ну, не понимают по-русски! — Однако студенты по-русски понимали. Вырвавшиеся следом из уст вышибалы матюги заставили их мгновенно испариться.

— Где торчал? — гигант прищурился, пытаясь опознать гостя.

— Глубокое.

— Рецидивист, — мордатое лицо вышибалы поскучнело, сам он вряд ли дотянул до строгача. — Не заводись там, — последовал кивок в сторону зала, — с молодежью... если неприятностей не хочешь.

Предупреждение имело смысл. В зале, освещенном тусклыми настенными светильниками, преобладало именно подрастающее поколение. Зуб отыскал место у стойки, подозвал высокого быстроглазого бармена и спросил сотку коньяку.

— Какого? — бармен оценивающе пробежался глазами по одежде клиента. Сэт одел друга что надо, недавно ездил по делам в Германию, там и подобрал гардеробчик в фирменном «боссовском» шопе. Бармен оценил Серегин вкус по достоинству, снял с полки пузатую фляжку «Мартеля» и сунул Зубу под нос тарелочку с солеными орешками. Сто грамм и арахис аккурат потянули на выданное хозяином пособие, но Сэт предусмотрительно субсидировал друга двумя сотнями долларов.

Хлопнув виноградной радости с неуловимым цветочным запахом, Сашка огляделся. Домушник-сокамерник был прав — по рассевшейся за столиками публике давно и безутешно плакала тюрьма. Хотя, если разобраться, рыдать бы ей следовало по руководству республики, чья несостоятельность вынудила молодых здоровых ребят удариться в криминал — иных возможностей оплачивать астрономические счета заведений, подобных этому, современная жизнь им просто не предоставила. И все же, свободно ощущавшим себя здесь парням и девчонкам, Сашка даже позавидовал. Появилось в них что-то такое, чего ни он, ни его ровесники, будучи молодыми, не имели. Какая-то внутренняя раскованность и раскрепощенность — нечто подобное он приметил, познакомившись однажды с молодыми американцами.

Одному пьянствовать расхотелось и, углядев за угловым столиком двух скучающих девиц, Зуб взял у бармена бутылку испанского шампанского и двинул на смычку с молодежью.

— Девочки, не откажите в любезности. Разделите компанию со старым больным лохом, жертвой

коммунистических репрессий, — уселся он напротив девчонок и плюхнул бутылку на стол. — Я угощаю.

Девицы с любопытством изучили пришельца с ног до головы, и одна из них, симпатичная шатенка, весело улыбнулась: — Так-таки лохом и жертвой?

— А что, не похож? — Зуб хлопнул шампанским. — Тогда считайте меня советником президента по делам молодежи, разница небольшая.

Он тут же представил себя со стороны — потертый жизнью, пусть и по фирме прикинутый, сорокалетний почти мужик, в отцы этим малявкам годится. Ни дать ни взять, старый козел, любитель свеженьского. Противно даже стало, но руки уже сами по себе разливали по бокалам вино, изо рта вылетали дежурные шутки и анекдоты, девчонки делали вид, что им ужасно весело, а на деле — Сашка был уверен — лихорадочно просчитывали, кого же это занесло за их столик и во что это может вылиться. В общем, никакого праздника, обычное времяубийство.

— Может, ну его, гадюшник этот, — Зуб решил попытаться кое-что исправить, — поехали к моему другу. У него видеотека приличная, да и сам человек хороший.

Девчонки переглянулись. Шатенка склонилась к уху подруги, беленькой милашки со вздернутым носиком, что-то шепнула, та на секунду задумалась и кивнула.

— В общем-то поехать можно, — шатенка положила ладони на Сашкино колено, — только нам надо пятьдесят баксов. Устраивает?

За любовь Зуб не платил сроду. Вернее, если разобраться, только тем и занимался, но так вот — деньги на бочку — как-то не приходилось. Хотя с проститутками сталкивался неоднократно, но предпочитал угробить кучу денег, чтобы устроить партнерше незабываемый вечер, меркантильный интерес исчезал, уступая место обычному человеческому чувству признательность, и наутро все завершалось нежным прощальным поцелуем в щечку. Некоторые жрицы любви становились потом приятельницами, с некоторыми даже романы возникали. С другой стороны,

вопрос о предоплате Зуба не покоробил. Работают девчонки и работают. Однако принципам изменять не стал.

— Поехали, все будет правильно, — разлил он по бокалам остатки шампанского, — можете не сомневаться.

Девчонки снова переглянулись. Судя по всему, в искренность Зуба они не сомневались, смущало нечто другое. Но, пошептавшись, все же встали и двинулись вместе с Сашкой к выходу.

Гардеробщик, квадратный жлоб в красном жилете, услужливо подал Сашке подбитый мехом плащ, что-то шепнул шатенке, выслушал неразборчивое пояснение и, косонув в Сашкину сторону, исчез за дверью бара. Вышибала не успел распахнуть входную дверь, как он вернулся в сопровождении двух крепких ребят и поманил Зуба пальцем:

— Слыши, дядя, ты чего платить не хочешь? Любовь денег стоит, особенно в твоем возрасте.

— Платить значит? — Зуб на секунду задумался. Вообще-то я не по этим делам, но если ты настаиваешь, пойдем.

— Куда? — гардеробщик слегка опешил. Здесь давай, все свои.

— В дурдом, — Сашка достал бумажник. Так сколько ты за свою любовь хочешь?

— Сказали же тебе, фифти долларз. Можно зайцами по курсу.

— Ну тогда становись в позу, — Сашка распахнул плащ. И вазелин давай. Или на сухую тебя?

Девчонки прыснули, а гардеробщик побагровел: — Чего буровишь, козел? Ща самого раком постав... — Договорить он не успел, ткнув в карман бумажник, Зуб коротко, без замаха, ударил точно в середину массивного щетинистого подбородка. И тотчас развернулся лицом к двум крепышам, рванувшим уже в атаку. Первый нацелился сгрести Сашку за ворот, но зацепил вытянутыми пальцами пустоту. Нырком уйдя вправо, Зуб вскользь мазнул ему ребром ладони по печени и, подпрыгнув, втер ступней по основанию позвоночника. Противник на мгновение застыл, как подстреленная на взлете птица, и лбом

грянул об угол гардероба, помешав своему наголо стриженному напарнику заскочить Зубу за спину. Гардеробщик успел подняться, перегнулся через прилавок и выволок на свет божий резиновую милицейскую дубинку. Но воспользоваться оружием не успел, Зуб кулаком ударил его по локтевому сгибу, метнул кисть вверх и зажал ухо гардеробщика между большим и указательным пальцем. Этот прием когда-то показал ему Сэт, наблатыковшийся среди спецназовских головорезов разным подлецким, но эффективным штучкам. Большой палец намерил искому точку под ушной раковиной, гардеробщик взвыл, а Сашкин лоб уже ломал его переносицу, бычок подесски всегда был Зубовой коронкой. Второй крепыш избавился, наконец, от навалившегося на него друга и прыгнул вперед, но Сашка успел вырвать из пальцев оглушенного гардеробщика дубинку и, скользнув вдоль прилавка, рубанул с плеча резиновой сабелькой по кадыку противника. Тот успел прикрыть горло подбородком, удар пришелся по губам — только кровавые брызги и осколки зубов разлетелись. Второй удар, по затылку, заставил окровавленного крепыша опуститься на колени. Зуб прицельно огрел его дубинкой в третий раз, чуть правее макушки, и остался один на один с оторопевшим при виде лихой расправы вышибалой.

— Ты это... Короче, бери машек и вали, — отступил тот в сторону, освобождая проход, — мое дело маленькое. Ну и Глубокое, — в голосе гиганта звучало неподдельное уважение, — в натуре особо опасный. Дергайте, ща менты нарисуются...

* * *

Бэбик влюбился. Прежде, не встречаясь с Леной, он просто вспоминал о ней, как о чем-то далеком и нереальном, но в тот вечер, когда Мишка приволок его к бывшей жене, осознал, что этой встречи и ожидал всю свою не такую уж долгую жизнь.

Поскольку гости тогда нарезались вдребадан, Лена оставила их ночевать, соорудив импровизированную постель на кухонном полу. Проснувшись под утро, Бэбик перелез через храпевшего рядом Мишку, унял одолевший сушняк глотком

холодной, как завещал великий Кир-Бух, воды и потащился в туалет. На обратном пути невольно замедлил шаг, открыл дверь комнаты и замер. В розовом свете ночника разметалась в безмятежном сне спящая красавица из сказки. Розовое атласное одеяло, розовый пеньюар, сквозь который просвечивало нежно-розовое божественное тело неземного создания — Бэбик истуканом застыл в дверном проеме, позабыв обо всем на свете и не решаясь приблизиться. Лена ровно дышала, уткнувшись щекой в раскрытую книгу, но Бэбику это посапывание казалось волшебной музыкой, рожденной самым великим композитором всех времен — Любовью.

С той ночи он потерял покой. Лена отныне присутствовала во всех мечтах — сидела рядом на кожаном сиденье шикарного «Порше», летящего по Елисейским полям Парижа, плескалась в подсвеченном снизу бассейне Бэбиковой виллы на берегу Женевского озера, входила под руку с министром Будиловским в холл фешенебельного нью-йорского отеля «Плаза», сверкая обворожительной улыбкой и доводя до инсульта окружающих дам умопомрачительной цены бриллиантами, которыми Бэбик увшал любимую, как новогоднюю елку. Но мечты эти, кроме всего прочего, причиняли своему создателю невыносимую муку. Одно дело, витать в облаках, понимая невозможность претворения фантазий в жизнь, а совсем иное, когда мечты вполне воплотимы в реальность, следует только хорошенъко пошевелить мозгами и очень этого захотеть.

Бэбик хотел очень, но преодолеть собственную трусость был не в силах. Самое противное заключалось в том, что прекрасно все понимал, нелепость сложившейся ситуации порой доводила его до исступления, но, стоило начать размышлять о путях легализации дедова наследства, перед глазами возникали жестокие лица бандитов, распаленные утюги и паяльники, кабинеты проницательных следователей и прочие ужасы, виденные в заполонивших телеэкран фильмах.

Однако временами любовь преодолевала страх, и Бэбик, набив бумажник зелеными двадцатками, мчался на площадь Победы, дожидался Лену у магазина и приглашал ее в какой-нибудь тихий ресторанчик. Из тех, что посещают солидные

бизнесмены и лидеры преступных группировок, сменившие вонючий кавардак блатхат на более подходящие для отдыха места. Никогда прежде не следивший за внешностью, Бэбик приоделся, разорившись на пару тысяч в престижном магазине на Сторожовке, накупил всякого мужского парфюма и стал регулярно наведываться в мужской салон красоты, где за десятку-другую долларов его наружности придавали более-менее сносный вид.

Но этим мужество страдальца и ограничивалось. Лена с удовольствием соглашалась провести с ним вечер в приличном кабаке, благосклонно принимала цветы и мелкие сувениры, вроде духов и шикарных стодолларовых сумочек, однако в постель воздыхателя не тянула. Сторонником платонической любви тот не был, но робость не позволяла ему решиться и потребовать от любимой полной взаимности. К тому же, Бэбику казалось, что инициатива должна в таких делах исходить от предмета его вожделения. Обычная, в общем, история любви человека, волею небес родившегося со значительным опозданием. Лет, как минимум, на сто пятьдесят.

Мишка, учивший в поведении бывшего одноклассника перемены, теперь наведывался к Бэбику, как на работу. Его, малость свихнувшийся от водки, мозг аналитика мгновенно просчитал все плюсы и минусы охватившего Бэбика чувства. Никакой ревности он, естественно, не испытывал, зато выгоды создавшегося положения использовал максимально. Бэбик же надеялся, общаясь с Мишкой, разгадать, что же нашла в том некогда Лена. Пытался перенять некоторые черты Мишиного характера и манеру поведения. И не замечал, что весь этот ликбез сводится к медленному, но верному спаиванию, общаться без бутылки на столе Мишка не мог...

Вчера они допоздна засиделись на Бэбиковой кухне, ликвидируя под Мишкины воспоминания о семейной жизни четвертую бутыль «Смирновской». Бэбик еще грезил во сне, представляя себя с Леной на пляже Лазурного побережья Франции, а Мишка уже ломился в двери, прерывая чудесные видения длинным противным звонком.

— Пиво есть — ума не надо, — батарея пивных бутылок выстроилась на подоконнике идеальным солдатским строем, сверкая новенькими окопышами пробок, — будем лечиться.

— Баночного не мог взять, — Бэбик присмотрелся к этикеткам. — «Бурштын Беларуски»... Что еще за бурштын такой? — В последнее время он ощутил вкус мелких радостей, принесенных возможностью тратить валюту, и генная память подсказывала, что если покупать, то только качественные вещи. Копеечное местное пиво, по мнению Бэбика, к таковым вещам не относилось.

— Стариk, ты не патриот, — Мишка сковырнул пробку и забулькал прямо из горлышка, — Фу-у... Ожидаю... Да вся эта муть фирменная в сравнении с родимым свежаком никак не идет. Только что упаковка красивая. А «Бурштын»?.. Эх, Эдик, — укоризненно покачал он головой, — в Белоруссии живешь, сало, картошку лопаешь. Пиво, вот, родное по утрам употребляешь, а языка предков не знаешь.

— Почему не знаю. Мы с мамой на идиш говорили.

— Во-во. Погоди, придут наши, разберутся, на каком-таком языке ты в детстве говорил. Заполнишь анкету — не были ли вы прежде евреем? Постановка будет такая — не знаешь, как по-белорусски лопата, дадут тебе эту лопату, и копай себе яму под ракитовым кустом.

— А как лопата будет? — заинтересовался Бэбик.

Мишка изобразил на лице укоризну. Как называется лопата, он и сам понятия не имел, но вопрос прозвучал с ноткой испуга, что понравилось и заставило продолжить ерничество:

— Э-э, не стыдно тебе? Бурштын и будет, зря я, что ли, этот разговор затеял. Ну ничего, поднатаскаю тебя в родной мове, как Янка Купала зашпрехаешь. Камоу, май френд, — расчехлил он очередную бутылку, — живыми мы им не дадимся.

Освежившись «белорусской лопатой», переключились на водку. Спустя полчаса Бэбик вдруг понял, что терзает себя напрасно. Зачем мучаться, когда можно просто взять да и спросить у Мишки, как добиться от Лены ответного чувства.

— ...И этот человек каким-то боком относится к царю Соломону? — двести граммов «Смирновки» настроили Мишку на волну психоанализа.

— Тридцать лет прожил, не знаешь, чего бабам надо? Но моли Бога, что у тебя есть я. Помогу, не сомневайся, — Мишка запил очередную сотку пивом и закурил, — сделаем так. Даешь мне полсотни баксов на представительство — цветы, шампанское и все такое. Сегодня же, прям щас, еду тебя сватать. Процентов восемьдесят, что дело выгорит. Понимаешь, Лена немножко антисемитка, но не дура же. Ты как-то рассказывал, что от деда приличные деньги остались, на Запад, мол, хочешь. Не бойся, не бойся, — успокоил он изменившегося лицом собутыльника, я — могила, меня твои сокровища не интересуют. Но попытаюсь Ленке объяснить все, как есть. Чего ей здесь-то мучаться, она и сама это поймет. Уедете — буду только рад.

— Мишка! — Бэбик схватил бутылку и на пузырил стаканы до краев.

— Да я тебе... да ты для меня... Поговори, все для тебя сделаю!

— Ничего мне не надо. Так, по утрам чтобы голова не болела, ну и вечером, конечно, было что выпить. Назначишь стипендию пожизненную в СКВ, лады?

Бэбик хлопнул на стол стодолларовую купюру и забегал по квартире.

— Езжай сейчас, зачем откладывать. Прямо на работу, пригласишь ее пообедать куда-нибудь и поговоришь.

— Лошадей не гони, — Мишка посмотрел на уцелевшую еще бутылку водки и поредевший, но достаточно грозный, пивной строй, — времени море, надо настроиться должным образом. Думаешь, я каждый день собственных жен замуж отдаю? Пускай даже бывших?

* * *

Работа в престижном коммерческом магазине Лене не сказать, чтобы нравилась, просто не угнетала. Да и соваться с дипломом филфака БГУ больше было некуда. В школе, где она прежде преподавала русский язык и литературу, оставили только одного преподавателя этих предметов, белоруссизация

населения шла полным ходом. Впрочем, называлось это ростом национального самосознания и возвращением к истокам.

Директор, вернее хозяин шопа — магазин принадлежал акционерному обществу, но всем заправлял именно он, — определил Лену в отдел видеоаппаратуры. В основном с покупателями общался Витя, Ленин напарник, защитивший кандидатскую по радиоэлектронике, но сбежавший с кафедры РТИ на более высокооплачиваемое место, ей же следовало поощрять покупателей очаровательными улыбками и сердечно благодарить, вручая сдачу и выбитые чеки. Правда, держали здесь Лену не за красивые глаза. Давно бы уже сменила ее более молодая и менее принципиальная девица, но хозяин был чем-то обязан старому Ленинному воздыхателю Владимиру Арнольдовичу, с которым у нее сохранились чисто дружеские отношения. Женщины старше двадцати пяти того уже не интересовали. Но, пообещав Лене помочь с работой, слово старый развратник сдержал, и конкуренции она не опасалась. Хотя и сознавала, что все это до поры до времени.

Обеденного перерыва в магазине не было, владелец-эксплуататор выжимал из персонала все соки. Но и платил неплохо, а перекусывать продавцы пристрелялись по очереди, подменяя друг друга на полчасика. Поэтому, когда у прилавка возник расплывшийся в счастливой пьяной улыбке Мишка с огромным букетом белоснежных роз, Витя вошел в положение и отпустил Лену на целый час.

О цели неожиданного визита Мишка умалчивал, просто пригласил в маленький ресторанчик неподалеку пообедать, ужасно Лену заинтриговав.

— Мириться пришел! — попыталась она угадать причину странного появления горького пьяницы с цветами и при деньгах.

— А мы развессорились? — засмеялся Мишка, — просто ехал мимо, вспомнил, что скоро восьмое марта. Дай, думаю, поздравлю благоверную. — Лена недоверчиво покачала головой, подобных подарков Мишка не делал со времен развода. Наоборот, приезжал и клянчил деньги то на похмелье, то на бутылку, которой всегда не хватало для полного счастья.

Но вокруг действительно вступала в свои права весна, вдоль проспекта носились оживленные стайки воробьев, солнце слизывало с подсохшего асфальта последние лужицы талой воды, а бездонное голубое небо, перечеркнутое троллейбусными проводами, внушало мысль о том, что вместе с зимой отступили навсегда всеобщая безысходность и прочие горести, отчего в людях вновь пробудился искренний интерес к жизни. Могла же весна и на Мишку подействовать?

Засланный Бэбиком «сват» привел Лену в крохотный подвальчик, предлагавший посетителям, под видом блюд из дичи, рыночную свининку и говядину, правда, неплохо приготовленную. Денег не жалел, к довольно дорогим закускам присоединились бутылка «Абсолюта» и темно-синяя фляжка финского ликера.

— Я ведь на работе, — Лена прикрыла рюмку ладонью. Зачем ты столько водки заказал?

— Ну, ликерчика рюмка не повредит, — Мишка капнул ей на самое донышко, — а я уж отмахнусь как-нибудь. Чего ради любимой не сделаешь?

— Домахался, — Лена повертела в пальцах рюмку и звякнула ей о край налитого с верхом фужера водки. — Ой, милый, помирать тебе под забором.

— Ну и пусть. Меня ведь уже не переделаешь, — Мишка беззаботно оскалился и залпом ахнул высококачественный финский продукт. Ух, хороша, — потянулся он к бутерброду с красной икрой, — скандинавы в водке понимают.

— Да-а, меня не переделаешь и переделываться, честно говоря, не хочется, — продолжил Мишка, наливая себе еще, — а вот с тобой, подруга, все еще поправимо. Тебе такая жизнь не надоела?

Лена ожидала какого угодно вопроса, но этот ее поразил. Вообще-то слышала она его неоднократно, обычно, чуть погодя, следовало предложение руки и сердца. Мишка на жениха не походил, однако, явно что-то затеял, и Лена с деланным равнодушием поинтересовалась:

— Ты не ходи вокруг да около. Говори прямо, что за аферу решил провернуть.

Мишка огляделся по сторонам, плеснул себе еще водки и, выдохнув, опрокинул ее в рот. В роли свата он чувствовал себя не совсем уютно, тем более, сватать-то приходилось не чужого человека.

— Тебе Эдик нравится?

— Бэбик? — Лена звонко расхохоталась.

— Хороший парень, но он-то причем?

— Да влюбился он в тебя, такое вот дело, — Мишка скривился и прямо из горлышка допил водку. Пощелкав зачем-то пальцами, закусывать не стал, а плюхнул в фужер ликера и залпом отправил его вслед за водкой.

— Я знаю, — пожала плечами Лена, — ну и что?

— А то... — Мишка выцарапал из пачки сигарету, прикурил, немного успокоился и выложил историю о сокровищах и планах Бэбика относительно переезда на Запад. — ...Теперь въехала? Он всего боится, бедненький, а ты его на такие подвиги подталкиваешь!.. Через полгода в штатах или какой другой Мурлындии окажетесь и не беженцами — горемыками, а с деньгами и гражданством.

— И ты это серьезно? Ой, Мишка, совсем ты меня не знаешь.

— Да я вас всех знаю, все вы одинаковые, — разошелся «сват».

— Подумай, что ты здесь потеряла? А там... Ладно, стариk бы какой, импотент горбатый со вставными зубами навязывался. Молодой красивый мужчина...

— Красивый, — подтвердила Лена, — знаешь, я когда на Эдика твоего смотрю, то понимаю, что Дарвин не ошибался. Просто не договаривал. Человек точно произошел от Адама и Евы, только Евой обезьянку звали. И у Бэбика, согласно Библии, с этой семейкой прослеживается прямая наследственная связь. Натуральный орангутанг еврейской национальности, а ты хочешь, чтобы я за него замуж вышла.

— Замуж не замуж, а счастливую жизнь он тебе обеспечит, — сравнение Бэбика с обезьянкой Мишку слегка покоробило, но припомнив лицо собутыльника с похмелья, он

чуть не рассмеялся. Я ведь добра тебе желаю, потому как сам дать того, что ты заслуживаешь, извини, не сумел. Не торопись, обдумай все хорошенько. Ему немного надо, Бэбикуто. Любить тебя и быть рядом. Это же мечта любой женщины, такого охламона иметь. Богатый, слепой... Не муж, а сокровище, — вспомнил Мишка сказку о Дюймовочке.

Лена и вправду призадумалась. Действительно, что она в этой обиженной Богом стране потеряла? Родные прозябают в маленьком провинциальном городке и никакой связи со сбежавшей десять лет назад на поиски счастья дочкой не поддерживают, работа в магазине не сахар, вечера у телевизора? Так ведь она и мечтает перенестись в тот красочный и загадочный мир, где живут герои любимых фильмов, потому и стремится после работы домой. Мишка, выходит, знал ее неплохо, если решился на такое вот предложение.

Отвечать Лена не стала, пообещала подумать. Мишка прикончил и ликер, рассчитался и проводил бывшую супругу до магазина. Прикоснувшись на прощание к его небритой щеке губами, она уже распахнула дубовую дверь, но вдруг приостановилась. Из арки дома напротив медленно выехал ослепительно красивый автомобиль и плавно прошелестел вдоль тротуара, буквально в нескольких шагах от шарившего по карманам в поисках зажигалки Мишки. В опущенном окне мелькнуло лицо, заставившее Лену метнуться к бордюру, но иномарка увеличила скорость и, влившись в поток огибающих памятник машин, словно растворилась, оставив ее ни с чем.

— Кого ты там увидела? — Мишка возник рядом, вглядываясь в изменившееся Ленино лицо. — Что случилось?

— Ничего, показалось просто, — встряхнула Лена головой, как бы избавляясь от наваждения, — на знакомого одного парень был похож...

* * *

— Чего крутишься? — Сэт переключил скорость и, вырулив с площади на проспект, придавил педаль газа. — Увидел кого?

— Да так, старая знакомая. — Сашка криво улыбнулся, поудобнее устраиваясь на сиденьи. Лену он узнал сразу, вспомнил трогательные, с неуловимым запахом духов, письма, так и оставленные без ответа. Зачем отвечать, изводя хорошего человека надеждой, когда впереди четыре года срока и неизвестно, куда вынесет нелегкая по выходу на свободу? Тем более, никакой любви и не было — встретились двое, ощутили, что вместе им хорошо, но не более того. И незачем пудрить девчонке мозги, найдет еще свое счастье, а он уж как-нибудь проживет без излишней нервотрепки. Независимость Зуб ценил превыше всего, а любовь? Любовь, как теперь говорят, придумали русские, чтобы не платить денег. И потом, кто виноват, что все его случайные даже встречи почему-то вызывают у женщин желание продолжить отношения? Даже эти две подружки — профессионалки, Таня и Света, из-за которых пришлось вырываться тогда из кабака с боем — и от них запросто отделаться не удалось.

В ту ночь Сашка привез их к Сэту, коротко рассказал о рукопашной, выслушал обвинения в идиотизме, заявил, в оправдание, что с четырехлетней голодухи голова не работает, с чем Серега в конце концов согласился. Наутро девчонок выставить из квартиры не смогли, впрочем, не очень-то к этому и стремились. Еще два дня куролесили, не выходя из дома, затеяли турне по злачным местам, потерялись в Троицком предместье, нашли друг друга в «Планете», после чего сутки отмокали в сауне гостиницы «Юность», проклиная водку и подруг.

Выбравшись из загула, грозившего через пару витков превратиться в штопор, друзья занялись делом. Сергей отыскал специалиста по документам, спившегося талантливого гравера. За двести пятьдесят баксов тот смастерили Зубу загранпаспорт и права. Можно сказать, даром, но Сергей некогда оказал мастеру неоценимую услугу, и гравер постарался на славу. Теперь Зуб стал Александром Александровичем Рябцевым, ранее несудимым и вполне уважаемым гражданином, прописанным в Минске и имевшим полугодовые визы на въезд в Польшу и Германию. Как пояснил мастер, сам Рябцев А.А. ныне работает по контракту на Дальнем Востоке, и в ближайшие три-пять месяцев в

Белоруссии не появится. А справку об освобождении Зуб торжественно сжег в туалете.

Документами Сэт не ограничился. Сперва заволок друга в салон, где старый еврей-парикмахер ликвидировал огехи своего глубокского коллеги-рецидивиста. С того же дня Сашка приступил к занятиям в спортзале, где поддерживал форму и сам Сергей, с неделю побегав по утрам, открыл дыхание, ежедневно проводил по часу в бассейне Дворца водного спорта. Заодно придал коже нормальный цвет, принимая ультрафиолетовые ванны в платной поликлинике.

С конца февраля Сэт потихоньку начал привлекать Сашку к своим небезопасным делам. — Пока еще лоха-миллионера найдем, — заявил он, убедившись что Зуб стал похож на человека, — а кушать-то надо. И денежки кончаются. Поработаем в паре, а афера твоя никуда не денется, станем подготавливать ее параллельно. — И началась работа.

У Сэта была неплохая репутация и небольшой круг постоянных клиентов. В основном, бизнесменов средней руки, в услугах отбойщика нуждавшихся лишь время от времени. Это Сергея вполне устраивало — во-первых, руки не связаны, сделал дело — гуляй смело, а, во-вторых, всегда оставалось право выбора. Личности некоторых потенциальных заказчиков вызывали у него острое неприятие — как же можно оберегать от опасности человека, которого сам бы с удовольствием повесил на ближайшей осине. И потом, разовые заказы не позволяли клиенту относиться к охраннику барственнопренебрежительно, как к холопу. Наоборот, привлеченный в трудную минуту, профессионал своими действиями обязан вызывать у заказчика только уважение, на время стать партнером, но не прислужником-шестеркой.

Свободолюбивую Сашину натуру такая постановка тоже устроила, и вскоре друзья приняли к исполнению первый Заказ. Требовалось доставить в Москву набитый дойчмарками чемоданчик — работа, как пояснил Сэт, несложная, но очень ответственная.

Сгоняли в первопрестольную на Серегином «опеле». Поначалу Зуб здорово нервничал, не от предвкушения опасности — Сэт пояснил, что транспортировка налички дело

вполне заурядное, главное, избежать утечки информации, — мучило Сашку другое. Держать в руках живые деньги и не попытаться их присвоить проведшему двенадцать лет в обществе любителей наживы человеку все же тяжеловато. Он было заикнулся об этом, но многоопытный Сэт в двух словах обрисовал всю пагубность дурной затеи, в основном упирая не на неизбежное возмездие, а на обязательность соблюдения моральных принципов.

— Стариk, в любом, даже самом грязном деле, должна сохраняться капелька порядочности. Люди нам доверились, потому что меня знают. Да пусть там хоть десять миллионов лежит, — Серега указал подбородком на чемодан с валютой, — мне репутация дороже. Вот если бы мы с тобой в тех вон кустах с автоматами сидели, зная, что денежки мимо проезжают, тогда другое дело. А доверие к себе подрывать нельзя — себя потеряешь.

В кустах, к счастью, никто не сидел и доверие друзья оправдали. Воротившись из Москвы, смотались в Брест, сопровождая какой-то таинственный фургон до границы, помогли директору мелкой фирмы получить оговоренные контрактом комплектующие, запроданные было поставщиком более выгодному клиенту. Неожиданно к Сэту обратился один из постоянных работодателей, которому срочно понадобилась пара телохранителей. Этот заказчик был выше предыдущих, ворочал солидными делами и, хотя имел постоянного водителя-охранника, частенько обращался за помощью к Сэту. Теперь Иван Степанович, так звали клиента, собрался в Питер, возникли какие-то неувязки с петербургскими банкирами. Насколько друзья поняли, жизни Ивана Степановича ничто не угрожало, просто в определенных кругах количеству телохранителей придают большое значение, вот и взгромоздился тот на весы общественного мнения в обнимку с мускулистыми бесстрашными ребятами. К слову, стрелка весов достигла необходимого уровня, и в кредитах Ивану Степановичу не отказали.

Вся эта суeta показалась Сашке штукой довольно нудной. Прежде работа телохранителя рисовалась ему несколько в ином свете, а тут все серо и обыденно. Поехали — приехали, посидели там, пошлились здесь — ни лихих драк, ни погонь, ни

перестрелок. Правда, стрелять при всем желании было не из чего, Сэт категорически запретил таскать при себе оружие. Драка случилась, но какая-то заурядная. Слегка перепивший на презентации в «Прибалтийской» Иван Степанович подмигнул какой-то даме питерского полусвета, ее покровитель, один из тамошних авторитетов, воспринял это, как оскорбление. Пришлось Сэту с Зубом пресекать попытку телохранителей последнего запихнуть Степаныча в унитаз шикарного «Прибалтийского» туалета. Противников было пятеро, но публика так себе, около спортивная молодежь. Сашка с Сергеем в две минуты распихали юниоров по туалетным кабинкам, и увели очень довольного их действиями шефа в номер, от греха подальше. Наутро произошла небольшая разборка, авторитет и Иван Степанович пожали друг другу руки, а скромно присутствующим при этом друзьям предложено было перейти на службу к боссу «потерпевших». И деньги предложили приличные, но они отказались. Независимость оба ценили выше всего.

Вернувшись в начале марта в Минск, друзья получили неделю отдыха. Вообще-то, договор с Иваном Степановичем Сэт заключил на месяц, но в Петербурге пробыли меньше, нежели рассчитывали, дома шеф обходился услугами одного водителя, вот и обломился им оплачиваемый отпуск. Как бы в премию за проявление в туалетном бою доблести и отвагу. Но сегодня, около полудня, Сэту позвонил сам Иван Степанович и взволнованным шепотом попросил немедленно приехать к нему на дачу в Ждановичи. Туда друзья и направились, когда Сашка наткнулся взглядом на отворявшую дверь магазина Лену.

— Интересно, все-таки, что за спешка. — Сэт все гадал, зачем они понадобились клиенту. — Может опять в вояж собрался? Обещал же, сволочь, неделю не беспокоить.

— Ему видней. Главное, платит нехило, — Сашка отогнал наконец нахлынувшие при виде Лены воспоминания. — Сто баксов в день, жить можно. Тем более, никому наш Ваня не нужен. Понты колотит — враги, конкуренты со свету сжить хотят! Хотя все это пыль для моряка — копейки эти дармовые. Надо искать болвана с деньгами и аферу прокручивать.

— Ладно, отработаем со Степанычем, в Сочи прокатимся. Поищем в «Жемчужине» или «Дагомысе» — там всяких дармоедов хватает, — Сэт притормозил, пропуская к остановке «икарус», и свернул возле цирка направо, игнорируя запрещающий поворот знак, «опель» проскользил мимо стеклянного куба ВДНХ, протолкался в потоке машин до Немиги и, выскочив на проспект Машерова, увеличил скорость. Иван Степанович настаивал, чтобы на дачу телохранители прибыли до часу дня.

* * *

Скрытый от любопытных глаз небольшим перелеском, подпиравшим территорию дома отдыха Министерства обороны, двухэтажный бревенчатый особнячок возник на берегу узкой речушки в начале пятидесятых. Сперва здесь творил свои шедевры псевдонародный белорусский поэт, после смерти увенчанного всевозможными лаврами борзописца дачу приобрела вдова какого-то академика, а пару лет назад ее спившийся наследник сбагрил ставшую обузой загородную резиденцию Ивану Степановичу Шабукевичу.

Иван Степанович, как говорят американцы, сделал себя сам. В начале семидесятых, покинув деревеньку под Кобрином, кинулся за счастьем в столицу, имея неказистый трехбалльный аттестат, ухитрился поступить в институт народного хозяйства, каким-то непостижимым образом окончил нархоз с красным дипломом и, обойдя при распределении добрый десяток конкурентов, внедрился на службу в Министерство финансов. За пять министерских лет молодой, но ранний бюрократ, обзавелся связями буквально на всех уровнях, удачно женился и, подталкиваемый высокопоставленным тестем, перебрался в кресло начальника отдела Минкоммунхоза. Потом были Госплан, Госкомтруд и Госкомиздат, но Ваню Шабукевича не просто кидали с места на место, а назначали на новые, более значимые должности. Начало перестройки он встретил, будучи одним из руководителей Госснаба республики. Именно Госснабу поручили организацию и опеку первых ласточек рыночной экономики — пресловутых кооперативов. И именно туда

потекли сперва ручейки, а чуть погодя полноводные реки взяток и подарков. Иван Степанович с год еще пожировал на доходном месте, организовал добрый десяток кооперативов, оставаясь в тени и заправляя делами через подставных председателей, а когда убедился, что коммунизму капут, оставил государственную службу и осел в Союзе кооператоров БССР. На глаза, правда, не лез, числился главным бухгалтером какого-то мелкого кооператива, но знающие люди поговаривали, что главную роль в вышеозначенном Союзе играет именно он.

Со временем кооператив трансформировался в малое предприятие, затем предприятие слегка расширилось и стало совместным с американцами, вскоре от СП, где Шабукевич по-прежнему числился главбухом, отпочковался целый рой акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и производственно-коммерческих фирм. Заправляя делами этой маленькой империи, Иван Степанович мечтал вывести свое детище на мировой рынок, но шагать вознамерился нехоженным, самым коротким путем.

С год назад подвернулся головастый паренек, обивавший пороги Белорусской научно-промышленной ассоциации с идеей разработки и реализации западным партнерам сапропеля, великолепного природного удобрения. Речного и озерного ила в Белоруссии, как известно, с избытком, и Иван Степанович мигом учゅял богатую добычу, пригрел и обласкал паренька, и идея начала потихоньку претворяться в жизнь.

Сложность заключалась в том, чтобы выскочить на поверхность прежде, чем акулы, поделившие экономическое пространство на охотничьи угодья, успеют среагировать. Шабукевич прекрасно понимал, что отобрать счастье могут в два счета. Но только до той поры, пока на контракте с арабским мультимиллионером, на которого он вышел с предложением о поставках сапропеля, не стоит его личная подпись. Когда на счета предприятия хлынут миллионные инвестиции, тронуть уже не посмеют, деньги сотрут в порошок любого противника.

Все развивалось по тщательно продуманному плану. Даже такую мелочь, как приглашение в качестве телохранителей ни с кем не связанных ребятишек, Шабукевич предусмотрел

заранее. Он мог бы сдержать целую армию боевиков, но гарантии безопасности не получил бы, наоборот, привлек излишнее внимание. А Сэт давно оказывал ему мелкие услуги, зарекомендовал себя великолепно, да и его новый напарник Саша Ивану Степановичу понравился. Спокойный, уравновешенный парень, под стать своему приятелю Сергею.

Представители арабского партнера должны были прилететь в Минск завтра утром. Первая партия обезвоженного и упакованного в фирменные пятидесятикилограммовые мешки сапропеля уже лежала в Ильичевском порту в ожидании погрузки. Оставалось подписать бумаги и улететь на Аравийский полуостров, выждав там, пока улягутся в среде одураченных конкурентов страсти, вызванные лихой авантюroy Шабукевича. И вдруг, нынешним утром, в кабинете Ивана Степановича раздался телефонный звонок. Где-то произошла утечка информации, грубый голос посоветовал забыть о сапропеле навсегда. Или передать дело в более надежные и крепкие руки, удовлетворившись мизерной долей прибыли.

До встречи с арабами оставалось чуть более суток. Иван Степанович решил рискнуть и обыграть конкурентов в последнем гейме. Собственно, выход был один — отсидеться на дороге, утром мчаться в аэропорт встречать партнера, подписывать контракт. После чего немедленно улетать к далеким пескам аравийской земли, остро нуждавшимся в белорусском перегнное. Поэтому он связался с Сэтом, вызвал того вместе с Сашей в Ждановичи, куда тотчас выехал и сам, моля Бога, что конкуренты, которым было обещано подумать и дать ответ позже, не успеют перехватить его «мерседес» по пути.

Когда красный «опель» посигналил у зеленых, обитых стальными листами, ворот, вмонтированный в панель приемник пропикал ровно час. Створки распахнулись, в проеме возник Юра, молчаливый верзила, состоявший при Шабукевиче водителем и личным охранником. Разглядев за лобовым стеклом знакомые лица, Юра пошире раздвинул створки ворот и приглашающе махнул рукой.

— Проезжайте, только быстрее.

Сэт газанул и «опель» проскользнул в глубь небольшого двора, развернулся на бетонной площадке у крыльца и остановился. Юра закрыл ворота, заложил их изнутри массивным бруском и подошел к выбравшимся из салона приятелям.

— Шеф вас в кабинете ждет, идите к нему.

— А что за дела такие срочные? — поинтересовался Сашка.

— Скорее, быстрее. Ни черта не понять. Отдохнуть не дали толком.

— Узнаете, — мрачное обещание Юры заставило Сашку умолкнуть и шагнуть на ступеньку крыльца. Сэт выбросил окурок и двинулся следом.

* * *

Кровавый закат обещал звездную ночь и безоблачный завтрашний день. Окружавший дачу ельник, из зеленого, сделался темно-синим, чем ниже опускалось солнце, тем больше темнели мохнатые лапы за оградой, нагоняя на Сашку совсем небезоблачное настроение. Сэт добрился, но его сосредоточенное лицо тоже говорило о вероятности осложнений. Слишком угрюмую картину нарисовал друзьям Иван Степанович, сообщив о звонке конкурентов. По его словам контракт пыталась перехватить очень серьезная группировка дельцов — бывшие комсомольцы, связанные с нечистоплотными сотрудниками силовых структур, сила достаточно грозная...

— Нам бы только день продержаться, да ночь простоять, — вспомнил Иван Степанович сказку, сочиненную дедом российского реформатора Гайдара, — арабы в одиннадцать прилетают. Утром в аэропорт, а там я под их защитой.

— Так-то оно так, — покивал Сэт, проанализировав ситуацию, — только эти плохиши и вправду могут сюда нагрянуть. Мы, конечно, постараемся вас обезопасить, но следует пересмотреть наш договорчик. Сто долларов при

таком риске — это несерьезно. Условимся так... Штуку каждому и половину вперед. Мало ли, как оно поведется.

Шабукевич загрустил, но десять стодолларовых купюр на журнальный столик выложил: — Остальные в аэропорту. А если все тихо будет?

— Не имеет значения, — Сэт спрятал деньги в бумажник. — Теперь займемся делом.

С полчаса он кружил вокруг дачи, что-то прикидывая и изучая, потом обошел дом, взглянувшись в окна, снова вышел во двор и, взяв ящик с плотницким инструментом, долго возился в углу ограды, после чего развернул «опель» носом туда, пробурчав малопонятную фразу о запасном варианте отхода.

Часам к четырем дня Сэт собрал всех у камина.

— Положение наше не ахти, — пробежал он глазами по лицам присутствующих, — но будем надеяться на лучшее. Вы, Иван Степанович, если позвонят сюда, обещайте приехать завтра утром куда угодно на переговоры, сделайте вид, что очень боитесь и согласны на все. Может и выиграем время. Но, считаю, ждать они не станут. Вычислят, где вы находитесь и нагрянут сюда. Что у вас со снаряжением? — Сэт посмотрел на Юру. Тот похлопал себя под мышкой. — У меня газовик штатовский и дубинка милицейская в машине.

— Слабовато, — Сэт потер переносицу, — ты дубинку при себе держи, чего ей в машине валяться. Значит, газовик. У меня, правда, кое-что посерьезнее есть, но это на крайний случай. Сашка, ты, чуть что, шокером орудуй, на кулаки не надейся.

Американский двадцатипятитысячевольтовый разрядник Зуб таскал с собой постоянно. Специального разрешения эта игрушка не требовала, а в умелых руках была оружием эффективным. Овладел он шокером под Серегиным руководством быстро, но сейчас предпочел бы иметь под рукой ручной пулемет Калашникова, о чем и заявил.

— Пулемет не пулемет, а «зауэр» трехствольный имеется, — вставил слово Шабукевич, — и патроны пулевые. Три даже с картечью. — Тоже сгодится, — кивнул Сэт. Вы

ружьишко зарядите и до утра с ним не расставайтесь, держите под рукой. Только нас, как куропаток, не перехлопайте. Теперь — главное. Ты, Юра, от шефа ни на шаг. Лучше всего прямо здесь, у камина, до утра сидите. Я на веранде буду, а ты, — посмотрел он на Сашку, — следи за окнами, что выходят в сад с обратной стороны дома. Если толпой навалятся, все прорывайтесь к «опелю». Ключ в замке зажигания, движок отложен. Я в заборе гвоздики повытягивал, попробуем проскочить напрямую. Пес их знает, что за воротами будет ждать, а тут просека подходящая, через лесок к дому отдыха. Но сильно шуметь гости не станут, вояки услышат, — Сэт мотнул подбородком в сторону пансионата Министерства обороны, — а им это ни к чему. Поэтому, если услышим, как они приедут, внесем корректиды по ходу.

На том и порешили. Зуб шлялся из комнаты в комнату, поочередно взглядываясь в окна на сгущавшиеся сумерки, Сэт, сунув за пояс извлеченный из-под сиденья «опеля» чешский колт сорок пятого калибра, притих на веранде, контролируя калитку и ворота, а Юра с шефом, действительно приволокшим с чердака инкрустированное чудо-ружье, играли у камина в шахматы, делая такие глупые ходы, что ясно было — головы их заняты отнюдь не игрой...

Мяуканье радиотелефона «Панасоник» прозвучало в установившейся тишине львиным рыком. Время подвалило к полуночи, Иван Степанович начал уже успокаиваться, надеясь, что судьба даровала ему необходимую передышку Юре, обладавший большей выдержкой, снял трубку, выслушал и протянул ее шефу:

— Вас.

— Что ж это вы, Иван Степанович, прячетесь? — ирония говорившего обдала Шабукевича ледяным душем.

— Нехорошо.

— Я это... С чего вы взяли? — Иван Степанович попытался унять дрожь, охватившую все тело. — Нельзя человеку на собственной даче переночевать?

— Отчего же, — проворковала трубка, — ночуйте на здоровье. Говорят, весенний воздух очень полезен. Но, чтобы

вы не скучали, я сейчас пару ребят подошлю. Парни веселые, помогут ночку скоротать. А утром будьте любезны к нам подъехать. Ребята вас и проводят.

— Да я и сам... — Но голос в трубке зазвучал чуть жестче. — Не надо, Иван Степанович, встречайте гостей, соорудите ужин. Вы там с Юрай вдвоем или еще кто-нибудь есть?

— В-в-вдвоем, — выдавил Шабукевич, стирая со лба испарину. — А что такое?

— Да ничего. Надеюсь, хватит у вас благоразумия воздержаться от необдуманных поступков. В общем, встречайте гостей, ребята уже выехали... — в трубке послышался смешок, сменившийся короткими гудками.

Иван Степанович растерянно опустился в кресло и поднял глаза на возникшего на пороге Сэта: — Едут, Сережа.

— Значит будем встречать, — пожал плечами Сэт, — чему тут удивляться? Об одном прошу, если их двое, за ружье не хватайтесь. Мы с Сашей сами все уладим. А если больше, тогда уж по обстановке. Но старайтесь никого не убивать. Я так понимаю, не уголовники в гости пожалуют, а профессионалы. Менты или гебешники бывшие... Или не бывшие? — посмотрел он в глаза Шабукевичу. В любом случае легко они до вас не доберутся...

Гости появились спустя минут сорок. Над воротами полыхнул свет фар, послышался нетерпеливый сигнал, и Сэт подмигнул Юре:

— Иди отворяй... Нагрянула Красная Армия.

Сашке он велел спрятаться в кустах неподалеку от крыльца и контролировать вход в дом. В том, что визитеров будет больше, чем двое, Сэт не сомневался. Иван Степанович остался сидеть у камина, вороша угли бронзовой кочергой. Ружье, заряженное двумя жаканами и картечью, он прислонил к спинке кресла, так, чтобы оно не бросалось в глаза вошедшем. Сам главнокомандующий еще раз напомнил о запасном варианте отхода на «копеле» и нырнул в дверь кухни, находившуюся в двух метрах от камина.

Юра приник к смотровой щели калитки. В освещенном салоне белой «девятки» сидели трое, еще один склонился к распахнувшему дверцу водителю, что-то оживленно пояснял. Водитель показал рукой на ворота и его собеседник, широкоплечий детина в пуховике, приблизился и саданул ногой по створке:

— Хозяева, встречайте гостей!

Юра сглотнул наполнившую рот горечь и хрипло, но достаточно суворо, заявил:

— Двоих пущу, остальных пусть сидят в машине.

— Да не боись, — заржал детина.

— Валентин Петрович, идите сюда, пока они с перепугу в штаны не наложили.

Распахнулась задняя дверца, и в полосу исторгаемого фарами света ступил еще один пассажир «девятки», высокий седой мужик в черном плаще. Водитель и четвертый визитер остались в машине.

— Негостеприимный у тебя хозяин, — попенял Юре седой, протискиваясь в приоткрытую на четверть калитку, — Сева, попроси парня не нервничать, мы ведь не бандиты какие, а вполне солидные люди.

Солидный человек Сева резко шагнул в сторону и обрушил массивный кулак на затылок не успевшего среагировать Юры. Тот даже не охнул, но и упасть не успел, детина подхватил оглушенного охранника под мышки и аккуратно уложил под забор.

— Что у него? — поторопил седой, — давай живее.

— Да газовик всего лишь.

— Сева подбросил на ладони выдернутый из-под Юркиной куртки револьвер.

— Я-то думал...

— Пошли в дом, — седой вдруг приостановился.

— Странно, что это за «опель»? Машину он сменил, что ли?

«Мерседес» стоял в гараже, и Сева пожал могучими плечами.

— А что? Боялся, что из города не выпустим, вот и пересел в другую тачку. Олег, давай сюда, — негромко окликнул он четвертого пассажира «девятки». Тот мигом оказался во дворе, а водитель завел двигатель и принял разворачивать машину.

Зуб нащупал клавишу шокера и изготовился, стараясь не дышать. То, как Сева лихо разделся с Юрай, подсказало, что горячку пороть не стоит. Таких ухарей следует глушить только сзади и только наверняка. Он и весит-то на полцентнера больше, а двигается, как пантера. Шаги «гостей» прочавкали по траве в метре от мокрого кустарника, служившего Сашке укрытием, и послышался громкий стук в дверь:

— Иван Степанович, чего ж не встречаешь?

Не дождавшись ответа, Сева ногой распахнул дверь веранды и осторожно шагнул вперед. Седой двинулся следом, а Олег остался у крыльца, бдительно косясь по сторонам.

Сашка прикинул дистанцию, метра три, не больше, неслышно подобрался и, стоило Олегу на секунду отвернуть голову, взлетел над кустами. Обернуться противник успел, даже блок попытался поставить, но торец энергоразрядника уперся ему в переносце, раздался сухой треск и часовой, не пикнув, опустился на ступеньки. Сашка локтем зарядил ему под ухо, ухватив за ворот, приподнял и выложил стремительную серию по корпусу, напоследок припечатав рукоятку шокера к переносице уже вырубленного противника.

«Гости», меж тем, уже добрались до хозяина дачи.

— А я надеялся к ужину поспеть, — весело прогудел седоволосый Валентин Петрович, приветствуя вмиг сомлевшего Шабукевича взмахом руки, обтянутой черной лайковой перчаткой.

— Припозднился, — буркнул Иван Степанович, гадая, куда подевался Юра.

— Добрые люди по ночам в гости не шастают.

— А мы не в гости, — седой подмигнул Сева. Гигант двинулся вперед, но Шабукевич метнул ему в лицо раскаленную кочергу и шустро выдернул из-за спинки кресла «зауэр».

Сэт только еще распахнул дверь кухни, а гориллообразный, но обладающий невероятной реакцией Сева, ногой отмахнулся от кочерги и прыгнул. Задранный ударом его длинной руки ружейный ствол выплюнул пулю в потолок, наполняя комнату едкой пороховой гарью и отраженным в замкнутом пространстве грохотом. Иван Степанович ойкнул и обмяк, наповал сраженный резким тычком сложенных лодочкой пальцев в подреберье. Сэт выдернул из-за пояса «колт», фехтовальным выпадом поразил седого точно в печень, но Сева учゅял опасность и успел присесть, подхватывая с пола кочергу и разворачиваясь к противнику лицом. Седой рухнул между ними, Сэт на мгновение отпрянул, чтобы не споткнуться, а Сева этого оказалось достаточно. Кочерга свистнула, вышибая пистолет из Серегиной руки, от второго удара тот уклонился лишь чудом. Грамотно размахивая не остывшей еще кочергой, гигант вынудил Сэта отступить в угол, и тут в комнату ворвался Зуб. И очень о своей поспешности пожалел. Сева вдоль стены скользнул ему навстречу, кочерга свистнула в очередной раз, выщелкивая Сашке добрый десяток зубов. Целил гигант чуть выше, в висок, но промахнулся, а промахи всегда наказуемы. Зуб взбесился от разорвавшей десны боли и метнул шокер, как гранату, угодив Севе в левый глаз. Тот взревел и отступил к камину, дав Сэту возможность выбраться на оперативный простор, теперь ему пришлось обороняться уже от двух противников разом. Правда, получалось это у Севы довольно ловко, мелькавшая взад-вперед кочерга прикрыла его бронзовым веером, не позволяя Зубу с Сэтом приблизиться, и, желая закрепить успех, гигант залапал себя под мышкой, нашаривая рукоятку пистолета.

— У него ствол, — Сэт показал Сашке два пальца, — иду вторым.

Когда-то, еще в юности, тренер-динамовец, перелопативший гору литературы по теории боевых искусств, разъяснил ученикам, что боец профессионал всегда находится

в более выгодном положении, нежели атакующие его несколько противников. Поскольку может действовать в любом направлении, тогда как атакующие вынуждены ограничивать себя одним — направлением атаки. То есть, его действия для противника непредсказуемы, тогда как их маневры легко предугадать. Но правило это имеет оговорку: преимущество обороняющегося бойца сводится на нет, если атакующая группа специально обучена совместным действиям. Теорией тренер не ограничился, разработал несколько комбинаций для двоих-четверых нападающих. Кое-что усвоили и Сэт с Зубом, теперь Сергей об этом попытался напомнить.

Сашка кивнул, он, значит, первый, чего ж тут непонятного. И атаковал Севу, проводя удар ногой с разворота, причем намеренно взметнул ступню чуть выше допустимого, раскрываясь для контратаки противника. Гигант был мастером, действовал чисто рефлекторно. «Ошибка» позволяла одним ударом избавиться от численного перевеса атакующих, Сева автоматически выбросил вперед левую руку. И даже удивиться не успел. Бивший ногой вроде бы в пустоту, но уверенный, что именно там мелькнет Севин локоть, Сэт не промахнулся. Гигант попытался достать его кочергой, но, оставленный на долю секунды без внимания, Зуб высоко подпрыгнул и мощным ударом ноги в грудь отбросил Севу в камин. Пуховик вспыхнул, как факел, но выбраться из огня гигант не сумел, Сэт подхватил с пола «зауэр» и прикладом рубанул того в середину лба.

Седой, сумевший наконец унять боль в боку, привстал на колени и зашарил рукой под плащом. Зуб уловил движение, быстро присел и сгреб Валентина Петровича за ворот.

— Давай помогу, дядя.

Тот что-то прохрипел, но Сашка перехватил уже запястье и вывернул из-за отворота плаща черный «валтер» с навинченным на ствол глушителем. — Ой, какие мы штрафные, шпашу нет. — Коротким тычком в переносицу отключил седого и обернулся к Сэту.

— Теперь чего?

Сергей выволок горящего Севу из камина и, набросив сверху сорванный со стены ковер, сбил пламя.

— Бери Степаныча и давай к «копелю», а я проверю, что это за гости такие.

Сашка подхватил бевольное тело Шабукевича и шагнул к выходу.

Во дворе вдруг кто-то заорал и тотчас треснули два пистолетных выстрела.

* * *

Юра пришел в сознание сравнительно быстро. Но руки ноги не слушались, и минуты три он пролежал под забором, делая безуспешные попытки подняться. В доме, судя по всему, развоевались не на шутку, в освещенных окнах метались неясные тени, доносились глухие удары, потом раздался звериный вопль, и все стихло. С трудом преодолевая разрывавшую затылок боль, охранник встал на четвереньки, и тут в калитку скользнул водитель «девятки», высокий гибкий парень. Прислушавшись к доносившимся из дома голосам, он извлек из-под куртки пистолет и стал осторожно продвигаться к веранде.

Юра неслышно выпрямился, вытащил из-за пояса не обнаруженную Севой дубинку и метнулся к водителю. Но проклятая слабость подвела, рывок получился недостаточно быстрым, тот успел развернуться и блокировать удар выброшенной вверх ногой. Юра, однако, дубинку удержал, нырком ушел в сторону и, присев, мазнул резиновым концом по коленной чашечке противника. От боли водитель заорал благим матом и, упав на бок, дважды выстрелил в охранника. Пуля ударила Юру в плечо, отбрасывая к забору, а водитель, передвигаясь на четвереньках, сунулся в щель калитки, неуклюже волоча за собой перебитую дубинкой ногу.

С крыльца скатился бросившийся на выстрелы Зуб. Из калитки рявкнул пистолет водителя, пуля впилась в деревянную ступеньку, и Сашка растянулся под кустом, рядом с так и не пришедшим в себя Олегом. Вскинув изъятый у седого «валтер», он перешелкнул предохранитель и дважды выстрелил, ориентируясь на вспышку пистолета противника. Попасть не попал, но хлопки глушителя тому явно не

понравились. Из калитки снова треснул выстрел, и пуля черкнула в сантиметре от Сашкиной головы, срезав влажную колючую ветку. Стрелял водитель здорово, и Зуб занервничал, понимая, что спокойной жизни этот снайпер не даст.

— Что там? — в приоткрытой двери веранды мелькнула физиономия Сэта.

— С кем воюем?

— Я жнаю? — прошамкал Зуб, сплевывая скопившуюся в рту кровь.

— Шкорей вшего, водила, кожел, жару дает. Шадит, как в тире, шволовочь.

В подтверждение со стороны ворот ударили выстрел, и пуля ткнулась в дверной косяк, чуть выше Серегиной макушки. В ответ тот ахнул из своей сорокапятикалиберной гаубицы, разнося в щепы нижнюю часть служившей противнику щитом калитки.

— Я прикрою, — плюхнулся Сэт рядом с Сашкой, — давай за Степанычем, и тащи его в «опель». Это гебешники, я у седого удостоверение нашел. Ч-черт, ползет кто-то, — вгляделся он в темноту двора.

— А ну замри, падаль! — Но выстрелить не успел, до друзей донесся слабый шепот Юры.

— Не стреляйте, я это.

Водитель, осознавший, что огневой перевес не на его стороне, угомонился, но Сэт прекрасно понимал, что тот еще надеется взять реванш.

— Давай на заднее сиденье, — подтолкнул он Юру в спину, — потом посмотрим, куда тебя зацепило. Сашка, дуй в дом, шефа волоки.

— И для острактики еще раз пальнул по воротам.

— Он же один, — возмутился Зуб, — давай его в клещи вожмем и приштрелим.

Сэт посмотрел на друга, как на идиота:

— Тебе за что деньги платят?

— Тащи Степаныча, главное его увезти без несчастья. Ишь развоевался! Вперед и поживее!

Когда Сашка вынес из дома полуживого Шабукевича, Юра с Сэтом уж сидели в машине. Воткнув шефа к Юре, Зуб уселся вперед, Сэт завел двигатель и сунул другу «кольт».

— Как тронемся, разряжай в калитку всю обойму, пусть трепещет.

«Опель» взвыл и рванулся вперед, подминая низкорослый кустарник. Сэт возился с забором не зря, державшийся на честном слове пролет рухнул, рассыпавшись на части, и машина ворвалась в узкую прогалину, прорезавшую перелесок насекомых. В свете фар вытянулись косматые ели, захлопали по кузову мягкими влажными лапами, из-под колес взметнулся веер грязной жижи, облепившей все стекла. Где-то в стороне послышался пистолетный выстрел, но «опель» уже скрылся в непроницаемой ночной мгле, оставляя налетчиков ни с чем. Если не считать переломов, синяков и ожогов.

Озаренная мягким светом неоновых фонарей пустынная улица широкой темной лентой растеклась под окном, просачиваясь в распахнутую форточку влажной прохладой мартовской ночи и редким повизгиванием запоздальных троллейбусов. Над крышей дома напротив ярко сияла крохотная зеленоватая звезда, напоминая прижавшейся к оконному стеклу Лене об удивительных далеких мирах, разбросанных во Вселенной вне пределов человеческой досягаемости.

О таком же, в ее понимании, недоступном, но вполне реальном мире, весь вечер судил и Бэбик, ухитрившийся после ужина в ресторане затащить Лену к себе домой...

Мишке слегка приврал, доложив спонсору, что переговоры с бывшей супругой увенчались успехом. Обрадованный Бэбик премировал «свата» сотней долларов, заказал столик в ресторане отеля «Беларусь», встретил Лену после работы и уговорил отправиться туда поужинать. О скорой свадьбе он заговорил, как о деле решенном, чему Лена очень удивилась. Когда Бэбик наконец уяснил, что невеста пока в раздумье, чуть с ума не сошел. Проклиная Мишку, в два приема осушил

бутылку «Распутина», слегка успокоился и, ощущив прилив храбрости, начал навязываться в женихи самостоятельно.

А Лена все думала о промелькнувшем в потоке машин Сашке, вспоминая давние, полные счастья дни, когда они были вместе, и недоумевая, почему тот отказался отвечать на ее письма. Разбередившие душу мысли то ласкали, то угнетали, наполняя сердце кипящей смесью любви и ненависти, постепенно Лена пришла к выводу — вот уж воистину женская логика! — что любимый заслуживает наказания. Месть любящей женщины почему-то всегда сводится к измене. Во всяком случае, согласие отправиться к Бэбику домой и обсудить проблему в более интимной обстановке, Лена считала справедливым наказанием Сашкиному поведению, вызванному — она была уверена — наличием более удачливой соперницы...

Изрядная доза спиртного вовсе не принесла ожидаемого успокоения. Наоборот, в душе Лены бушевал ураган эмоций, хотя внешне это не сказывалось. Мило улыбаясь, она внимала рассуждениям Бэбика о прелестях обеспеченной жизни в цивилизованной стране.

Однако что-то в глазах любимой тому не понравилось и, желая сразить невесту наповал, Бэбик ринулся в спальню. Основная часть сокровищ хранилась на даче, в оборудованных с исключительной смекалкой тайниках, но и дома кое-что имелось. Порывшись в недрах поролонового матраса, Бэбик извлек обтянутый сафьяном продолговатый плоский футляр и возвратился в гостиную.

— Вот, это для тебя... — он забуксовал и неожиданно для себя выдал.

— По случаю восьмого марта и в знак серьезности моих намерений. Непривычные слова заставили Бэбика густо покраснеть, но футляр он держал на вытянутой вперед ладони достаточно торжественно. — Дарю, в общем, — еще больше смущился Бэбик, уловив в глазах любимой иронию.

Лена осторожно раскрыла футляр и замерла. На черном бархатеискрилось, переливалось, слепило белоснежным сиянием изумительное колье, никак не гармонировавшее с обшарпанной обстановкой обычной городской квартиры и

корявыми зубами оскалившегося в улыбке Бэбика. В исходившем из футляра блеске всплывали, в кино, что ли, виденные, лебединые шеи гордых красавиц, разодетых в шелка и парчу, высокие мраморные колонны бальных залов и седовласые джентльмены в смокингах, в перерывах между танцами вершащие судьбы стран и народов.

— Боже, откуда это?.. И это что, бриллианты? — Лена не говорила, а шептала, не отводя глаз от чудесного видения.

— В платиновой оправе, — воспрял духом Бэбик, — давай помогу. Он осторожно подцепил застежку двумя пальцами и потянулся к шее любимой.

Женщина есть женщина, а бриллиантовое лассо способно заарканить самую строптивую кобылку. Лена забыла обо всем на свете, метнулась в прихожую, к большому антикварному зеркалу и, включив настенный светильник, застыла в упоении. Разбросанные мысли постепенно выстраивались в стройную схему — пусть не нравится, пусть нелюбимый, но разве она первая из избравших такой путь? Живут же неземные красавицы с дряхлыми старцами и счастливо, вроде бы, живут. А наивная, бесхитростная любовь Бэбика в чем-то даже приятна. Может истерпится еще, и слюбится.

Бэбик неслышно подошел сзади и замер, словно в ожидании чуда. Но чуда не произошло. Едва прикоснувшись к его слюнявым губам, Лена отпрянула, кинулась в комнату и залпом осушила до краев наполненный коньяком бокал.

— Что с тобой? — Бэбик возник рядом и недоуменно захлопал рыжеватыми, резко отличавшимися от черных, обработанных гелем волос, ресницами.

— Эдик, милый, — Лена с трудом перевела дух, — спасибо тебе за все, ты сам не знаешь, какой ты хороший. Дай мне немного времени, и все у нас сложится. Но не сейчас... Не знаю, как тебе объяснить, только сегодня я здесь не останусь. Вызови такси, пожалуйста. — Бэбик не понимал ровным счетом ничего. Только что он видел Ленины глаза, полные любви и признательности — и вдруг резкая перемена. Хотя, прожив всю жизнь с мамой и бабушкой, знал о непредсказуемости женского поведения в определенные

периоды. Судя по всему, у Лены, кажется, начался месячный цикл, другого объяснения он не находил.

— Я понимаю, — вздохнул он и потянулся к телефону, — ничего страшного, скоро пройдет. Завтра куплю тебе «Тампекс», — бухнул Бэбик, припомнив известные по телерекламе идеальные тампоны для «кровавых» женских дней.

— Та-ампекс? — поразилась Лена.

— При чем здесь... — до нее наконец дошло и, с трудом удержавшись от смеха, она продолжила.

— Не беспокойся, у меня есть. Да, колье пусть у тебя останется, мне его и хранить-то страшно, не то чтобы носить. — Мысль, что Бэбик может заподозрить ее в мошенничестве показалась Лене неприятной.

— Ну и черт с ним, — расстроенный Бэбик отмахнулся от футляра, — украдут, я тебе еще подарю. Девушка, такси, пожалуйста, — прокричал он в трубку, словно девушка-диспетчер была наполовину глухой.

— Да не кричу я, говорю спокойно. Адрес? Республикаанская...

Лена положила футляр на стол и подошла к окну. Размечталась, представляя на месте Бэбика непутевого, невесть где болтавшегося Сашку. Внизу, на въезде во двор, в полосе лившегося из окон света, мелькнула красная иномарка, о чем-то напомнившая. Кажется, в окошке точно такой же машины маячило днем Сашкино лицо? Хотя, мало ли в огромном городе похожих автомобилей? А все-таки было бы здорово, приедь сейчас сюда тот, о ком она не переставала думать четыре долгих-предолгих года.

Телефон зазвонил, обрывая Ленины мысли, Бэбик поднял трубку и, выслушав, вздохнул: — «Идем, провожу тебя до машины. Такси прикатило».

Желтая «волга»-такси стояла у подъезда. Бэбик приоткрыл дверцу, помог Лене усесться и чмокнул ее в щеку: — «До завтра. Шеф, вот деньги», — протянул он таксисту комок купюр.

— Ну, я пошел.

«Волга» кашлянула и попятилась назад, пытаясь объехать перегородивший проезд красный «опель».

— Вот сволочь, — чертыхнулся таксист, — только о себе думает. Раскорячился поперек дороги... — Однако высказывать претензии было некому, салон иномарки пустовал.

Лена помахала рукой оставшемуся у подъезда Бэбику и полезла в сумочку за сигаретами. Пальцы наткнулись на футляр с драгоценным колье — Бэбик решительно тронулся умом.

* * *

Выди Лена минутой раньше, она бы увидела, как ее ненаглядный вместе с Сэтом вытаскивает из «опеля» подстреленного Юру. Сюда, на Республиканскую, велел ехать Иван Степанович, осложненная налетом на дачу обстановка потребовала принятия смелого решения. И Шабукевич выход нашел, вспомнив о весьма обязанном ему заместителе начальника охраны аэропорта «Минск-2». По случайности, жил майор милиции в том же доме, что и Бэбик, только в соседнем подъезде.

На долгий непрерывный звонок открывать не торопились, Сэту пришлось пару раз ляпнуть в дверь ногой, наконец в дверном глазке мелькнула тень и послышался хриплый спросонья голос: «Кто там барабанит?»

— Валерий, свои, — Иван Степанович отступил, чтобы хозяин квартиры мог разглядеть его лицо.

— Осторожничает, — подмигнул он телохранителям, поддерживающим под руки обессилевшего Юру, — открывай скорее, не бойся.

Майор погремел-полязгал многочисленными запорами и впустил гостей в прихожую. — Не ждал, — обращаясь к Шабукевичу, он глаз не сводил с окровавленного охранника, — что с ним?

— Объясню, давай сперва рану посмотрим, — Иван Степанович отодвинул хозяина к стене и указал Сашке в глубь квартиры, — несите его на диван.

— Погодите, клеенку подложу, — майор метнулся к велюровому дивану, но Зуб с Сэтом скоренько уложили Юру прямо на бледно-зеленую обивку. Шабукевич шагнул в кухню, поманил за собой майора и плотно прикрыл дверь.

Говорили они минут пять. Иван Степанович в подробности не вдавался, пояснил только, что наехали всерьез, надо пересидеть до утра и любой ценой попасть к трапу арабского лайнера. Ну и, само собой, позаботиться о раненом. Майор нервничал, но перечить не смел. Кормился он щедротами Ивана Степановича года три, помогая обходить таможенные формальности и организовывать транспортные рейсы, в которых у Шабукевича время от времени возникала нужда. Имел он на этом столько, что Иван Степанович считал себя вправе требовать от мздоимца любой помощи и, повздыхав, майор пообещал сделать все возможное.

— Я вас утром сам в Смолевичи отвезу. Посидите у меня в кабинете, как самолет приземлится — сразу к трапу пройдем. А раненый? Есть у меня приятель-хирург, сейчас посмотрим, что с вашим Юром. Если серьезно, позвоню, Леша сразу подъедет.

Сэт уже успел осмотреть Юрину рану и ничем хорошим шефа не порадовал. Пуля раздробила ключицу и ушла в легкое, Юра время от времени терял сознание, и майору пришлось побеспокоить друга-врача. Тот приехал, долго возился, обрабатывая рану, сделал перевязку и, хлопнув стакан коньяку, настоятельно потребовал госпитализации.

— Сейчас невозможно, — покачал головой Иван Степанович, — днем, где-нибудь к обеду, пожалуйста. А пока пусть здесь побудет, Саша за ним присмотрит. Вы, Алексей, часикам к двенадцать организуете «Скорую» и заберете Юрия в клинику. А ты, Сережа, проводишь меня в аэропорт. Кстати, — вывернул он из кармана пухлый бумажник, — это вам за помощь, — перед хирургом легли две стодолларовые купюры. — А вам, ребята, премиальные, — Иван Степанович отсчитал двадцать таких же бумажек с портретом Франклина,

протянул пачку Сэту. — Еще по пятьдесят за героизм и мужество.

— А жа жубы? — встрепенулся Сашка, скривив разбитыми губами подобие улыбки.

— Шами вштавите или как?

— Иван Степанович хохотнул, — Да-а, ловко тебя обработали. Чем это его? — повернулся он к Сэту.

— Кочергой вашей, вроде. — Вот адрес, — Шабукевич черкнул несколько слов на выдранном из блокнота листке, — это платная стоматология. Подъедешь к главному, скажешь от меня. Сделают тебе улыбку кинозвезды, не волнуйся. Оплату пусть на мой счет отнесут, — похлопал он Зуба по плечу.

— Я ведь вам жизнью обязан, ребятки. Имейте это в виду. — Когда он вышел вслед за хозяином в прихожую попрощаться с врачом, Сашка выплюнул застрявший в десне осколок зуба и посмотрел Сэту в глаза:

— Жнаешь, ну его к бешу, охрану вшу эту. Теперь жа швои жела вожмемша. Лучше жа швое, чем жа чужое башку под пули шовать.

Сэт вытер влажным полотенцем выступившую на лбу раненого испарину и согласно кивнул.

Часть вторая

Весна всегда приносит людям ощущение скорых перемен к лучшему. Даже те, кто чувствует себя, в общем-то, нелепо, начинают оживленно водить носами, пытаясь уловить, с какой стороны нагрянет веселый попутный ветерок, способный развернуть паруса их благополучия в полном объеме. Те же, кто никак не может вырваться из ледяных объятий нужды и всевозможных неувязок, кто успел позабыть, что на свете существует такая штука, как хорошее настроение, буквально преображаются, вновь становясь похожими на нормальных людей, уверенных, что полоса неудач небесконечна и в самом скором времени жизнь это подтвердит. Причем, испытывают весной такое чувство все без исключения. Даже жители белорусской столицы, отчаявшиеся уже настолько, что дальнее отчаяваться просто некуда.

Солнечное, удивительно теплое утро подарило предчувствие какого-то радостного события и спешившей на работу Лене. Прозрачный воздух обдавал сердце целым потоком положительных эмоций, а весело чирикавшие на ветках воробыи вселяли уверенность, что радость эта совсем не за горами.

Собственно, грустить в последние две недели было некогда. Всерьез вознамерившийся изменить свою и Ленину жизнь Бэбик ежедневно встречал ее у магазина, тащил в какой-нибудь дорогой ресторан и говорил-говорил-говорил, строя планы на будущее, по его словам, сказочно красивое. Дальше планов, однако, дело все не двигалось. Бэбик никак не решался заявить миру о своем богатстве, хотя постепенно смыкался с мыслью о необходимости этого шага. Лена же привыкла к Бэбику. Вместе ужинали, вместе гуляли по весеннему городу, правда, тем и ограничивались. Оба как-то не стремились улечься в постель, считая, что в отношениях жениха и невесты это не главное. Следивший за развитием их романа Мишка выразился как-то: — «Чем дольше трепится, тем лучше потом любится». — И доля истины в его словах, кажется, была.

Почему-то особым участием к регулярно наведывавшемуся в отдел аппаратуры Бэбику проникся Ленин напарник Витя.

— Что за унтерменш? — поинтересовался он, узрев Бэбика впервые.

— Замуж меня зовет, — подробности Лена опустила.

— Вот что я тебе скажу, старуха, — Витя считал себя не только знатоком электронных новинок, но и великим психологом, — если у него денег столько, сколько любви в глазах, не раздумывай. Могу даже другом вашего дома стать, — он попытался обнять Лену за талию, — очень миленько все устроится.

— Тоже мне, Казанова, — Лена легонько шлепнула шаловливую руку, — а Эдик и в правду меня очень любит. И никакой он не унтерменш, отец его русский, музыкант между прочим.

— У всех у них папы то музыканты, то юристы, — хохотнул Витя, — а если серьезно, какая разница? Пусть хоть папуас с земли Санникова, лишь бы человек хороший.

Сегодня хороший человек заявился около часа дня, решив сводить невесту пообедать в какой-то новый экзотический ресторанчик. И стоял, переминаясь с ноги на ногу. Ожидая, пока Лена обслужит двух молодых ребят, замахнувшихся приобрести огромный, с диагональю 72 см, телевизор «Sony».

То ли ребята оригинальничали, то ли грабанули Сбербанк, но рассчитывались за покупку одними сторублевками, освобождая приспособленный под кошелек здоровенный чемодан от бесконечных банковских упаковок «зубриков». Витя, как на грех, убежал обедать, и Лена сама чуть не озверела, вскрывая и пересчитывая под насмешливыми взглядами покупателей пачку за пачкой. Впридачу, к прилавку подошла еще одна парочка посетителей, нетерпеливо требуя уделить внимание и им. В конце концов Лена плонула на инструкцию и принялась считать деньги пачками. Вежливость по отношению к покупателям стала хозяином магазина на первое место.

Упаковав телевизор, обслужила нетерпеливую пару, которой всего-то понадобилось аудио-кассета, тут наконец-то появился Витя и, показав ему на груды банковских упаковок, Лена пояснила, что к чему. А сама отправилась с Бэбиком в ресторан.

За обедом Бэбик, не в первый уже раз, принялся уговаривать ее оставить работу. Ни к чему, мол, время убивать за прилавком, когда можно преспокойно заниматься более приятными делами.

— Это какими же? — отмахнулась Лена. — По кабакам с тобой бродить?

— Ну почему? Женщина всегда найдет, чем заняться. Парикмахерские, косметички всякие, выставки собак, — забормотал Бэбик, припоминая знакомую по книгам и фильмам жизнь светских дам.

— Собак не люблю, — рассмеялась Лена, — и потом, мне в магазине нравится.

Тут-то она слегка покривила душой, в последнее время обстановка вокруг нее в магазине сложилась не шибко душевная. Хозяин рассорился с оказавшим Лене протекцию Владимиром Арнольдовичем, вдобавок, на место в видео-аудио нацелилась одна из молоденьких девочек, вовсю строивших боссу глазки. Но сама уходить не хотела, работа давала какую-то самостоятельность, позволяла вести независимую жизнь, что казалось особенно важным.

Бэбик повздыхал, но настаивать не стал, рассудив, что когда-нибудь они все равно уедут и вопрос решиться сам собой. После обеда он подвез Лену к магазину, пообещал заскочить вечером и велел таксисту ехать на Республиканскую. Мишка познакомился с каким-то пьяницей-чиновником из МИДа и через час обещал притащить того к себе домой, дабы в присутствии Бэбика порасспросить специалиста о возможности переезда на Запад.

В отделе царила тишина. На прилавок был выставлен картонный плакатик «Переучет». Витя, хозяин и старший кассир в мрачном молчании вскрывали пачку за пачкой, принятых Леной в уплату за телевизор денег.

— Вот она, красавица, — ехидная ирония кассира заставила Лену смахнуть с лица улыбку, — идет, как ни в чем не бывало, зубы скалит.

— А в чем дело?

— Смотри, — хозяин распушил ладонью выложенные на прилавок стопки купюр.

— В куклы не надоело играть, в твоем-то возрасте? Развели, как последнюю лошицу!

Большинство денежных упаковок только с виду казались пачками сторублевок. Лежавшие сверху и снизу «зубры» прикрывали своими могучими телами длинноухих, рублевого достоинства, «зайчиков» и совсем уж непотребных пятидесятикопеечных «белочек». В радужном ворохе лязгали клыкали редкие парочки пятирублевых «волков», зверей покрупнее и поденежнее не наблюдалось.

— Три лимона как корова языком! — бесновался хозяин.

— Все, подруга, возмешь убытки и чеши на все четыре стороны. Завтра чтоб деньги привезла!

— Нет у меня таких денег! — возмутилась Лена, но хозяин отрезал:

— Ничего не знаю. Можешь у своего Владимира Арнольдовича попросить. Язык не отвалится, порабо...

Договорить он не успел, Лена влепила шефу увесистую пощечину и побежала по лестнице к выходу.

* * *

Адлерский самолет приземлился точно по расписанию, и спустя час Сэт с Зубом уже подъезжали на такси к площади Победы. Проведенная в сочинской «Жемчужине» неделя ничего, кроме расходов, не принесла. Друзьям не повезло с погодой, над Черноморском побережье Кавказа зарядили сплошные весенние ливни, и пришлось целыми днями отсиживаться в отеле. Да и главная цель поездки достигнута не была — подходящего богатенького Буратино среди обитателей «Жемчужины» обнаружить не удалось. Наоборот, создавалось

впечатление, что Сочи наводнили такие ухари — только держись. Конфликт в Чечне, общая нестабильность в курортной зоне, раздуваемые средствами массовой информации слухи и сплетни — все это удерживало обеспеченных людей от отдыха в способной в любой момент стать горячей — и вовсе не стараниями жаркого южного солнца — точке. Даже среди добропорядочных с виду джентльменов Зуб опознал массу знакомых по пересылкам и этапам представителей преступного мира, остальные отдыхающие тоже мало походили на невинных барабашков, и оставалось лишь щелкать голодными зубами, глядя, как новоявленная элита общества лихо транжирит денежки. Благо, щелкать Сашке было чем, по рекомендации Ивана Степановича ему вставили великолепные керамические клыки.

Сам Шабукевич благополучно отбыл в Арабские Эмираты, без приключений встретившись со своими партнерами, распорядился о перевозке Юры для лечения в Москву, а Сэту, на прощание, посоветовал на недельку из Минска исчезнуть. Хотя гебешники штурмовали дачу без ведома руководства, по горячке могли устроить обыгравшим их телохранителям неприятности. Лишились ведь не только здоровья, но и двух стволов с удостовериением Валентина Петровича впридачу. А тот был подполковником госбезопасности, шутки с такими людьми иногда выходят боком.

Минск встретил друзей прекрасным безоблачным днем. За приспущенными окошком такси мелькали разноцветные тенты лотков и красочные витрины киосков; оголодавший за зиму народ утолял голод мороженым и всякой кулинарной всячиной, тринякал кока-колу и пиво, некоторые даже улыбались. Вот уж загадка природы — океан проблем, сплошные тяготы и лишения, а стоит выглянуть из-за туч солнышку и все беды отступают, сменяясь таким же безоблачным, как бездонное синее небо, настроением, унылые гримасы растворяются в радостных улыбках, причем, спроси у человека, а чего он, собственно, радуется — ответа не дождешься. Радуется и радуется, а почему и сам не знает.

Нечто подобное ощущал и Сашка. Сэт тоже не печалился, оживленно пересказывая похрюкивающему от смеха таксисту

свежие анекдоты, а на въезде во двор так зажавшему, что машина лишь чудом не врезалась в угол высокой арки.

— Вперед смотри! — Сэт едва не расшиб лоб о переднюю стойку. — Камикадзе!

— Сам виноват, — успевший избежать столкновения таксист уже не смеялся, а раздраженно шипел, — нечего было мне зубы заговаривать.

К подъезду подкатили в траурном молчании. Сэт рассчитался точно по счетчику, хотя в порту грозился поощрить таксиста премией за скорость, ожесточенно захлопнул дверцу и посмотрел на Сашку:

— Пошли, что ты там увидел?

Но Зуб его не слышал. Опустив сумку на асфальт, он пристально вглядывался в лицо заплаканной девушки, также изумленно застывшей на лавочке у соседнего подъезда.

— Са-а... Сашенька!? — отшвырнув зажатую между пальцев сигарету, она метнулась к разинувшему рот Зубу: «Сашка, милый!»

— Ленка, ты как сюда?.. Чего ревешь как белуга? — Сашка подхватил Лену под мышки и обернулся к Сергею: «Это же Лена... Помнишь, четыре года назад...».

Сэт тоже узнал Лену, давнишний Сашкин роман развивался на его глазах. Из всех Зубовых подруг она единственная вызывала у него симпатию. Как настоящий друг, Сергей чувствовал в их отношениях свойственную истинной любви атмосферу искренности и очень сожалел, что арест оборвал эту удивительную «лав стори»..

А Лена горько рыдала, перемежая всхлипывания маловразумительными словами, пытаясь выплеснуть разом все, чем терзалась эти годы и пережила в последние дни. Уже и таксист, осторожно объехав слившуюся воедино парочку, растворился в злополучной арке, и Сэт, отошедший в сторону, курил вторую подряд сигарету, и две бабки, при виде встречи влюбленных кинувшие обсуждать политику президента и цены, снова заохали о падении курса рубля по отношению к доллару, а Сашка с Леной все стояли, прижавшись друг к другу и не

делая никаких попыток переместиться в более подходящее для встречи после долгой разлуки место.

Пришлось Сэту проявить инициативу.

— Пошли ко мне, что вы, как контуженные, — похлопал он Сашку по плечу, — поднимайтесь, я за шампанским сгоняю.

Сашка наконец оторвался от Лены, подхватил свою и Серегину сумки и, пропустив зареванную подругу вперед, двинулся следом. Неожиданная встреча настолько ошарашила, что он просто не знал, как себя вести. Счастливая улыбка идиота не сходила с лица, а затуманенный взгляд намертво сплелся с таким же точно взглядом так же оглушенной встречей Лены.

И только в прихожей Сэтовой квартиры, помогая Лене снять плащ, он осознал, что заставило его не отвечать на те письма в Глубокое. Слишком дорога была для него эта девочка, чтобы позволить себе стать причиной ее мучений; хотелось, чтобы была она по-настоящему счастлива. А что за счастье в вечной разлуке, что может дать любимой особо опасный рецидивист, обреченный вести жизнь затравленного волка-одиночки?

И все-таки Сашка ошибался. Если бы дано ему было разобраться в охватившем Лену скопище мыслей и настроений, понял бы, что истинное счастье и заключается в ожидании таких вот нежданных встреч. Счастье вообще штука хитрая и труднообъяснимая. Зато оба теперь уверены были в одном — коли допустила судьба эту встречу, то бросать ей вызов, расставаясь вновь, самая большая глупость на свете.

Когда запыхавшийся Сэт спустя полчаса приволок домой огромный букет роз и целую охапку бутылок, он в прихожей еще, по долетавшим из спальни звукам понял, что торопился напрасно, и Сашке с Леной сейчас не до шампанского. Затолкав бутылки в морозильник и ткнув цветы в вазу, Сергей спустился в гараж, выгнал застоявшийся за неделю «опель» и двинул на Комаровку за продуктами. Любовью сыт не будешь, и хороший обед обессилившим любовникам придется кстати.

* * *

С сотрудником МИДа Казиком Мишка познакомился по пьянке. Нечаянно вышиб из рук непохмеленного чиновника бутылку «Абсолюта», когда тот отходил от прилавка винного отдела, в компенсацию предложил совместно раздавить литр «Смирновской», приобретенной на остатки Бэбиковской субсидии, а дальше пошло-поехало. Через час Казик в Мишке души не чаял, утром они проснулись в квартире какой-то Мишкиной подруги в компании еще трех девиц, с тех пор встречались регулярно.

Как-то Мишка обмолвился, что его приятель мечтает о выезде за рубеж, в средствах не ограничен, но, как человек осторожный и стеснительный, не решается заняться оформлением документов сам, а доверять сомнительным посредническим фирмам боится. Казик, услышав о неограниченных средствах, заинтересовался. Сам он вечно сидел на мели, а жить любил красиво. Но, едва начиналась красивая жизнь — тотчас почему-то кончались деньги, и «дипломат» предложил Мишке свести его со стеснительным приятелем напрямую.

Переговоры состоялись у Мишки, пьянствовать в ресторане не по возрасту лысый бюрократ отказался наотрез. В министерстве шла борьба за выживание, и светиться в окружении бутылок и не вызывающих доверие личностей ему было не в жилу.

Обстановка с первой минуты сложилась самая душевная. Для разгона и взаимопонимания присутствующие махнули по стакану германской водки «Царь Петр», запили пивком и ощутили по отношению друг к другу искреннюю теплоту.

— Значит, выехать хочешь? — Казик закурил и посмотрел на расплывшегося в приветливой улыбке Бэбика.

— Насовсем?

— Чем тебе здесь не жизнь? — обвел он рукой уставленный бутылками и пивными банками стол.

— Ну, съездить на Кипр отдохнуть-погулять или там в Штаты на пару месяцев, глянуть, как они с жиру бесятся, я еще понимаю. А насовсем? От тоски подохнешь.

— От тоски я здесь сдыхаю, — возразил Бэбик, припоминая недавнее каждодневное одиночество и вечные ночные страхи, — потому и хочу уехать.

— Не пойму, ты ему помочь хочешь или отговорить решил? — встярал Мишка, наполняя стаканы по третьему разу, — давай поконкретнее о деле поговорим.

Казик чокнулся с Бэбиком:

— О деле, так о деле. Куда решил уехать?

— В Швейцарию... Или в Швецию, — Бэбик и сам еще толком не определился, — можно в Нидерланды.

— Та-ак... Специальностью дефицитной не владеешь? С языками как?

— Никак, — смущился Бэбик, — немного читаю на иврите. А специальности у меня... Машину водить умею, — когда-то дед настоял на получении внуком прав и, вопреки бабушкиным завываниям, вынудил того окончить курсы водителей.

— Машину даже медведь в цирке водит. А почему в Швецию, а не в Израиль? — удивился Казик.

— Ваши все там.

— Не хочу я в Израиль, — Бэбик раз заикнулся об этом при Лене, но та поставила категорическое условие — никаких Тель-Авивов. Как верно подметил Мишка, она была немножко антисемиткой.

— Странно, — пожал плечами Казик, — ехал бы туда, какая разница. Понимаешь, гражданство в нормальной стране получить очень сложно. Денег уйма нужна, ходатайства влиятельных граждан или общественных организаций. Даже с деньгами... Можно владеть в той же Швейцарии недвижимостью, но не более того. Да и счет в их банке не откроешь, официально, имеется ввиду. Очень с этим строго, особенно для бывших советских граждан. Привередничают гады, в добродорядочность играют. Но сделать кое-что мы в состоянии. Подашь заявление, въездную визу в Нидерланды, к примеру, я организую. Отыщем гарантов, подмажем кого надо...

— И как долго все это продлится? — перебил Бэбик, чувствуя, что МИД ему не помощник.

— Все зависит от посольства страны, в которую ты намереваешься перебраться. Может и долго, желающих сейчас море. А почему бы тебе, если деньги есть, просто не жениться на шведке или голландке? Фиктивно, конечно.

— Нет! — Бэбик опрокинул водку на стол, вызвав искреннее возмущение Мишки, который ладошкой попытался смахнуть лужицу в свой стакан. — Никаких фиктивных браков. А официальный выезд, с соблюдением всех правил, во сколько обойдется? Если быстро.

Казик оценивающе обежал взглядом трехсотдолларовый Бэбиков костюм и «лакостовскую рубашку» — любовь вынудила того приодеться с иголочки:

— Тысяч в двадцать пять может и уложимся. Это здесь, — поспешил он продолжить, увидев, что сумма Бэбика не убила, — а за гражданство даже не знаю. Некоторые миллионы готовы отдать, но ни с чем остаются. Ты же не писатель с мировым именем, не гроссмейстер Корчной. Был бы хоть физик-теоретик или футболист классный. Сколько, пока не знаю, но дорого.

Мишка слушал-слушал и вдруг взъерепенился:

— Тоже мне, дипломат! Тебе иностранные дела доверили, а ты человеку ничего конкретного сказать не можешь. Ну его, Бэбик, пойдем, как Ленин, другим путем. Поживешь и в Женеве, и в Париже, а взятки раздавать нечего. А если давать, так только министру — хоть что-то сделает. Этот вон даже не знает, сколько с тебя сорвать, продешевить боится.

— Вот и выходите на ministra, — обиделся Казик, — мигом без штанов останетесь. Вижу, каши с вами не сваришь, — он залпом опорожнил стакан водки и поднялся.

— Пойду я, пожалуй. Телефон ты знаешь, — Мишка кивнул, — позвоните через недельку. Все равно без меня никуда не денетесь.

Когда дверь за ним захлопнулась, Мишка подошел к пригорюнившемуся Бэбiku и потрепал того по затылку.

— Да не убивайся ты так, мало что ли вариантов? Найду я нужных людей. Давай лучше выпьем, не пропадать же добру.

Добро не пропало. Бэбик как-то незаметно упился в дым, Мишка продержался чуть дольше, свято соблюдая девятнадцатый закон Кир-Буха — всю водку не перепьешь, но стараться надо. В результате чего, впал в анабиоз лишь выдоив из бутылок все до последней капли. Первым очнулся Бэбик. Отыскав на столе уцелевшую банку пива, подлечился, взглянул на часы и ахнул. Десять вечера, а он, алкоголик несчастный, проспал и не встретил с работы Лену. Ополоснув опухшее лицо и разгладив пальцами мешки под глазами, вылетел из дома, отловил такси и поехал на Зеленый Луг извиняться. Почему-то ему казалось, что любимая, не дождавшись жениха у магазина, испереживалась и теперь места себе не находит, строя всевозможные гипотезы насчет его исчезновения.

Но дверь квартиры на улице Калиновского никто не отворил. Бэбик трезвонил и стучал минут десять, сбежал к автомату и битый час вращал телефонный диск, каждый раз натыкаясь на протяжные тоскливы гудки, с полчаса метался под темными окнами, надеясь уловить в них искорку Ленинного присутствия, замучил дурацкими расспросами соседей, наконец отчаялся и вернулся к Мишке.

Тот уже проспался, сползл за лекарством и теперь валъяжно развалился у телевизора, потягивая только что изобретенный коктейль — смесь водки и огуречного рассола. Ломтик соленого огурца он нацепил на край стакана, на манер лимончика, и дурковал, чокаясь время от времени с диктором восьмого канала.

Бэбиковы тревоги он воспринял вполуха:

— Никуда Ленка не денется, небось к подруге заехала. Завтра увидитесь. На вот лучше, коктейль «Шчыры беларус» попробуй, напиток богов. Думаю рецепт ассоциации баров предложить. Все-таки в стране огурцов живем, национальное питье получается. Только вместо водки надо бы самогон, желательно сахарный. Или картофельный спирт.

— А вдруг с ней что-нибудь?..

— Брось, — перебил не способного успокоиться Бэбика Мишка.

— С такими, как Ленка, ничего не случается, она человек осторожный и предусмотрительный. Сидит у подруги, кофеек попивает и о тебе вспоминает, — в подтверждение последних слов на Бэбика вдруг напала икота. Вот видишь, Мишка сунул тому стакан «Штырага беларуса», на-на, полечись. Икота просто так не нападает.

* * *

Лена действительно в эти минуты вспоминала о Бэбике. Но не из великой любви, а по несколько иному поводу.

Из спальни они с Сашкой не могли выбраться часа три. Океан страсти утянул обоих в свою ласковую пучину, заставив позабыть обо всем на свете и безрассудна погружаться все дальше и дальше, безо всякого желания разомкнуть объятия и вынырнуть на поверхность обыденности. Красочный карнавал эмоций волшебной музыкой, слышать которую могут только влюбленные, заглушил разноголосицу внешнего мира, и давно уже приготовивший великолепный ужин Сергей напрасно пытался дозваться к столу ничего и никого, кроме друг друга, не слышащих любовников. Однако резервы человеческого организма небезграничны, и в конце концов обессиливший Сашка выполз из спальной и, счастливо улыбаясь, скрылся в ванной комнате. Чуть погодя туда же прошлепала укутавшаяся в Сэтов халат Лена.

Ужин с шампанским не затянулся. Вежливо похвалив Сергея за изысканный кулинарный вкус, Лена вновь потащила Сашку в спальню. Сэт поглядел им вслед, вздохнул и начал собираться.

— Я у Иры переночую, — донеслось в спальню из прихожей, и хлопнула входная дверь.

— Ушел, — Лена змеей обвилась вокруг Сашки, — неудобно как-то, человека из собственной квартиры выжили. А кто такая Ира?

— Подруга Серегина, — Сашка поерзал, высвободил затекшую руку, замуж за него мечтает выйти.

— А он?

— У нас с ним на этот счет взгляды одинаковы. Сперва надо свою жизнь обустроить, а после семью создавать.

Лена потерлась щекой о Сашкину грудь:

— А давай вместе обустраиваться. Ты да я, разве не сумеем?

Сашка хмыкнул и подхватил с пола пачку сигарет. За эти полдня он твердо понял одно — расставание с Леной отныне невозможно. Но как это будет выглядеть в реальности, понятия не имел. Времени и желания поразмышлять по этому поводу пока не возникало, мысли перескакивали с одного на другое, сосредотачиваясь только в моменты оргазма на ощущении восхитительного упоения, а после вновь разбегаясь в разные стороны. Попробуй-ка собери их воедино.

Зато Лена успела все разложить по полочкам с аккуратностью деловитой хозяйки. Тем женщины от мужиков и отличаются — если последние даже любят умом и, не взвесив со свойственной мужскому племени рассудительностью все плюсы и минусы, решений не принимают, милые дамы и думают-то сердцем, рассудок подменяя интуицией. И, находясь в экстазе безумной страсти, лена ухитрилась нарисовать картины счастливого будущего, быстренько уверовать в их реальность и, отбросив сомнения, прийти к выводу, что Сашка теперь принадлежит только ей одной.

— Ты у меня умный, сильный, красивый, — ворковала она, скользя губами по мускулистой руке любимого, — ты все можешь. Представляешь, как хорошо нам вдвоем будет? А потом впятером.

— Впятером?! — изумился расслабившийся было Сашка.

— Ну да, рожу тебе двух мальчиков и девочку. Ты разве против!

— Себя бы прокормить, — буркнул Сашка успокаиваясь. Начитавшись в зоне бульварных газет, он с перепугу подумал,

что Лена имеет склонность к групповому Сексу. Чтобы как-то сгладить ошибку, Сашка посмотрел на часы и предложил:

— Слушай, может к тебе поедем? Как-то действительно неудобно Серегу стеснять.

Тут-то Лена и вспомнила о Бэбике. Представила, как сидит тот, бедненький, под дверью, места себе не находит. Она была уверена, что, не встретив у магазина, Бэбик обязательно помчится на Калиновского. И неизвестно, как отнесется к наличию под дверью квартиры малахольного жениха Сашка? Возьмет и пришибет, вон он какой здоровый.

— Ой, ко мне сейчас лучше не ехать, — она хотела сочинить историю о какой-нибудь подруге-беженке, улепетнувшей в Минск от головорезов генерала Дудаева и нашедшей приют в Лениной квартире, но наткнулась на недоуменный Сашкин взгляд и решила, что обманывать любимого не станет никогда.

— Знаешь, в меня один дурачок влюбился. Хочет жениться и в Швейцарию увезти. Мишки, мужа моего бывшего, приятель.

Сашка не удивился. Не на Луне же Лена все эти годы жила. А то, что подругу любят, даже потешило самолюбие.

— Почему ты его дурачком считаешь? Если тебя выбрал — вкус имеет. И деньги, если на Швейцарию замахнулся. Он что, живет с тобой, миллионер этот?

— Не было у нас ничего, — Ленин голос звучал убедительно, однако Сашка не поверил. Хотя было или не было — значения не имело, он твердо знал, что любит Лена его одного.

— Просто каждый вечер ко мне в магазин приходит, домой провожает. Ой, такое колье подарил — всплеснула она руками, — жалко даже возвращать. Он и сейчас, наверное, под дверью сидит.

— Так поехали, зачем человека изводить. Вежливо извинишься и все дела. А что за колье?

— Увидишь, — пообещала Лена и начала одеваться.

— Ты прав, зачем здесь оставаться, когда свой дом есть.

Сэту оставили записку и, поймав на проспекте такси, отправились на Зеленый Луг. Бэбика под дверью, естественно, не оказалось. К тому времени он уже успел вернуться к Мишке.

Дорога пробудила в обоих желание и, вихрем ворвавшись в квартиру, они рухнули на диван, разбросав по сторонам сорванную на ходу одежду. Только спустя полчаса к Сашке вернулась способность соображать.

— Да, девушка, с вами не соскучишься. Теперь, что ли, до конца дней дальше трех метров от постели не удаляться?

— Можно и без постели обойтись, — засмеялась Лена, — пойдем в ванную, убедишься.

Из ванной они выбрались только через час. Сашка с трудом дотащился до кресла, уселся, заворачиваясь в махровый халат, тут же треснувший на его могучих плечах, и вспомнил:

— Ленка, а о каком колье?..

— Обернись, — он вскинул голову и обомлел. Отражаясь в свете торшера, камни играли в пол силы, но даже такими способны были оглушить любого, кто хоть капельку смыслил в драгоценностях. Сашка смыслил отнюдь не маленько, некогда увлекался ювелирным искусством всерьез.

— Фуфло поди, — недоверчиво улыбаясь, он приблизился к застывшей в позе фотомодели подруги, — феониты в мельхиоре.

— Да нет же, платина, бриллианты и бирюза, — Лена повернулась так, чтобы свет лучше падал на ее грудь, — Эдику от деда досталось.

— Он что, внук Брежнева? Или дедушка в восемнадцатом году Патриаршию ризницу ограбил?

Сашка осторожно снял с Лены колье и подошел к торшеру. — Включи-ка люстру.

Да, камни явно были настоящими, и он понял, что держит в руках тысяч сто долларов.

— Та-ак, — Сашка подбросил колье на ладони и поискан глазами сигареты. — Теперь давай-ка, милая, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Все. Что за Эдик, какой это дед ему такие игрушки в наследство оставляет... Короче, все, что о нем знаешь...

* * *

Бэбик бросил пить. Мишка, решивший, что виной тому охватившая собутыльника любовь, пытался доказать необдуманность этого невероятного поступка, уверяя приятеля в лояльности бывшей супруги к алкоголизму близких. По его мнению, Лена не терпела лишь явной измены, а на бытовое пьянство смотрела пусть искоса, но с пониманием.

Однако Бэбика словно подменили. Ко всему, в последнее время он стал серьезен и замкнут, совсем, как в недавнем прошлом. Когда вел жизнь угрюмого затворника. Напрасно Мишка ежедневно тормошил его, надеясь добиться пояснений, Бэбик отмалчивался и загадочно улыбался. Заодно посоветовал Мишке не шустрить в поисках человека, способного посодействовать с выездом. Коротко обмолвился, что все теперь сделает сам, а на вопрос — каким образом, даже не ответил.

Причина всех этих странностей была настолько поразительной, что поведение Бэбика вполне оправдывалось. В одночасье шагнуть из привычного в параллельный мир, прежде виденный лишь в шпионских фильмах, в само существование которого верилось с трудом — такое суждено не каждому. Оттого-то и случаются в неподготовленных к резким поворотам судьбы головах замыкания клемм и подвижки мозговой коры.

Началось все теплым весенним вечером, дней десять назад. Когда, расставшись с Леной — она торопилась к какой-то заболевшей подруге и от прогулки после ужина в «Планете» отказалась — Бэбик возвращался домой, у подъезда его окликнули. Широкоплечий мужчина лет тридцати пяти, с

уверенным приятным лицом, возник из темноты, как призрак, успокоил немного струхнувшего Бэбика и представился:

— Валентин Петрович Черепцов... Не волнуйтесь, Эдуард Борисович, я из КГБ, вот удостоверение, — перед глазами на мгновение распахнулась продолговатая книжечка, но рассмотреть в потемках тот ничего не успел. Мужчина ткнул удостоверение в карман и доверительно взял Бэбика под руку: — Здесь разговаривать неудобно, может быть пригласите к себе.

— П-п-пойдемте, — забуксовал Бэбик, представляя одиночную камеру гебешного подвала — иное просто в голову не шло — и покорно вошел в подъезд, вежливо, но настойчиво, подталкиваемый незнакомцем. Валентин Петрович с любопытством наблюдал, как хозяин квартиры дрожащими пальцами воевал с дверными замками, отчего тому и вовсе поплохело. Вдруг не КГБ, даст в прихожей по макушке и сливай воду. Но все обошлось, агрессивности гость не проявлял. Наоборот, его жесткое лицо стало вдруг удивительно обаятельным и, повесив плащ на вешалку, он намекнул, что беседа предстоит долгая, не мешало бы скрасить ее чашечкой чаю или кофе.

Бэбик мог предложить только датское пиво, которым предусмотрительно набил холодильник Мишка, исходя из двадцать второго закона Кир-Буха, гласящего — в доме может не быть хлеба, спичек и соли, но пиво должно быть всегда, поскольку для пьющего человека оно также важно, как инсулин для диабетика.

Отхлебнув прямо из баночки, гость поудобнее устроился в предложенном хозяином кресле и первым же вопросом напугал Бэбика до смерти:

— Не любите, значит. Родину, Эдуард Борисович?

— П-п-почему? — пролепетал Бэбик, слегка перепутав времена. Прежде подобное обвинение действительно несло за собой серьезные последствия, но теперь проклинать Родину-мать сделалось как бы хорошим тоном. Впрочем, Беларусь не Россия, и от сохранившей прежнее, ставшее во всем мире символом суперзла, наименование спецслужбы можно было ожидать чего угодно.

— Ничего страшного, — засмеялся Валентин Петрович, — не пугайтесь. Такую родину, — показал он рукой за окно, — любить не за что... Ну да ладно, — помолчав, гость вновь приложился к баночке «Туборга» и продолжил, — я к вам по делу. Скажу откровенно, мы все о вас знаем.

Последние слова прозвучали настолько многозначительно, что Бэбик поперхнулся вмиг скисшим пивом и закашлялся. Валентин Петрович похлопал его по спине и присел на диван рядышком, пробудив у Бэбика диковинную мысль, что КГБ принимает его за голубого.

— Что вы знаете? — отпрынул он в угол дивана. — П-поясните пожалуйста.

— Все, — повторил пришелец — буквально все. И о дедушке вашем, и о наследстве. И о непреодолимом желании выехать за границу.

— Дипломат сдал, — икнул Бэбик. Гость почему-то смущился, видимо, догадливость хозяина квартиры пришлась ему не по вкусу. Но возражать не стал, быстро придя в себя, согласился.

— Сдал-сдал. Как говорится, с потрохами. Но суть в ином, я уполномочен предложить вам следующее...

Сперва оглушенный случившимся Бэбик слушал рассеянно, однако постепенно начал понимать, что ни арестовывать, ни устраивать в квартире обыск гебешник не собирается. Валентин Петрович оказался членом сверхсекретной подпольной организации, ставившей целью реставрацию советского государства и физическое уничтожение так называемых демократов. Долго и гневно он метал громы и молнии в адрес тех, кто ныне дорвался до власти, потом притих и заговорил о Бэбике. Выходило, что сотрудничать с «коминтерном», так называлась организация истинных марксистов-ленинцев, свято хранившей вечные идеалы, тому сам Бог велел. Причем, исключительно в его же, Бэбиковых, интересах.

«Коминтерн» существовал на добровольные пожертвования патриотически настроенных граждан, к секретным счетам КПСС доступа не имел. Но ощутимую

поддержку организации оказывал верный друг бывшего СССР Саддам Хусейн. В глубокой тайне на территории Ирака готовили боевиков «коминтерновцев», скрывавшиеся под крылом иракского лидера террористы, совершившие в республиках СНГ всякие кровавые акции. Дабы сохранить некоторую независимость, «коминтерн» в долгую не оставался, оказывая Ираку посильную помощь. В основном это касалось ядерного вооружения, Хусейн мечтал сделать свою страну великой державой и любой ценой пытался создать собственную атомную бомбу.

Из секретного хранилища в городе Арзамас-16, как заявил Валентин Петрович, удалось похитить пять килограммов сверхчистого урана, столь необходимого товарищу Хусейну. Контейнер с ураном вот-вот привезут в Минск (почему именно сюда, Черепцов не пояснил), но организация обязана выплатить за него двести пятьдесят тысяч долларов наличными. К сожалению, расхитители демократической собственности членами организации не являются и сотрудничают с «коминтерном» исключительно из корыстолюбия. Такой валютной наличностью «коминтерн» пока не располагает, а время не терпит. Между тем, иракская разведка готова заплатить за контейнер полмиллиона, но для этого требуется переправить уран в Гамбург.

Некоторая утечка информации навела на след «коминтерна» российскую ФСК, боевиков-баркашовцев из РНЕ и американцев, поэтому организация вынуждена использовать в качестве курьера абсолютно незасвеченного человека. И человеком этим должен стать Бэбики. Ему оформят загранпаспорт и визу, помогут избежать таможенного контроля, и он, в свою очередь, доставит вышеупомянутый груз в Германию и получит полмиллиона долларов. При условии, что здесь передаст организации двести пятьдесят тысяч, для расчета с похитителями урана, заработав, таким образом, четверть миллиона долларов. Кроме того, Валентин Петрович от имени организации обещает гражданство в любой европейской стране, сторонников у «коминтерна» хватало, и в этом плане возможности были неограниченные.

— Такие вот дела, — гость посмотрел Бэбику в глаза, — беретесь? Хотя, после того, что вы узнали, можно и не

спрашивать, — «коминтерновец» зловеще скривил губы, — для Вас теперь альтернативы нет. Ставка слишком велика...

Бэбик тупо смотрел перед собой и ничего не видел. Вернее, видел. Холодный, с простреленным затылком, труп на мокром асфальте темного глухого переулка — почему-то финал сотрудничества с патриотами-интернационалистами виделся именно таким.

— А вас не смущает моя национальность? — нащупал он вдруг палочку-выручалочку. — Хусейн ведь враг всех евреев.

— Кто вам такое сказал? — удивился Валентин Петрович. — Как раз напротив, в Ираке к жи... вашему брату прекрасно относятся. Не использовали же в девяностом химическое оружие, хотя и могли. И потом, вам-то без разницы. Оплатите здесь, получите там. И прибыль ощутимая, и гражданство, скажем, в Люксембурге. Вы ведь к этому стремитесь? Остальное пусть вас не волнует, дольше проживете. Да, рекомендую отныне вести себя аккуратнее. Никаких баб, — Валентин Петрович почему-то вздохнул, — о водке-селедке тоже забыть. Сидите дома и ждите, мы вас сами найдем...

С того вечера Бэбик изменился. Пить перестал, от Мишки едва ли не прятался, только с Леной продолжал встречаться. Правда, по вечерам она теперь пропадала у смертельно больной подруги, но зато с работой в магазине было покончено. Бэбик с удовольствием заплатил долг хозяину магазина, а Лене особо не надоедал. Ведь сотрудничество с «коминтерном» обязывало видеться с невестой пореже, и Бэбик, как в прежние времена, отсиживался дома. Изредка появляясь на улице, он теперь в каждом прохожем подозревал тайного агента организации, в существовании которой не сомневался.

Звонок Валентина Петровича раздался на десятый день после того ночного разговора. Справившись о самочувствии, он похвалил Бэбика за осторожность и велел приготовить деньги. Контейнер с ураном прибыл в Минск, пришла пора действовать. Бэбик, соблюдая все меры предосторожности, сгонял на дачу, изъял из тайника означенную сумму, но домой валюту не потащил. Еще неделю назад абонировал почтовый

ящик на главпочтамте, туда и втиснул пакет стодолларовых купюр, решив, что безопаснее будет передать деньги в центре города.

«Коминтерновец» обещал позвонить в девять вечера и уточнить время и место встречи. Но минуло уже десять, а звонка все не было, и Бэбик, без того потерявший покой и сон, совсем изошелся в ожидании.

* * *

Нервничал в эти минуты не только Бэбик. Сашка, живший теперь у Лены, обещал Сэту приехать к девяти, но где-то застрял. Телефон на Калиновского не отвечал, и Сергей, нервно вышагивая по квартире, не знал что и думать. Ведь успех операции «Бэбик» почти целиком зависела от Зуба...

Когда Лена рассказала о непутевом женихе, Сашка понял, что наконец-то им с Сэтом подфартило. Выпытав у подруги все, что она знала о Бэбике, наутро помчался к Сергею, ввел того в курс дела, и работа закипела. Сэт в три дня собрал о клиенте всевозможную информацию, проанализировал данные и пришел к тому же выводу, что и Сашка — надо брать. Но относительно того, как брать, мнения друзей разделились. Сэт считал, что действовать следует быстро и уверенно, взять Бэбика в плен, отвезти в тихое неприметное место и спецназовскими методами вытрясти все дедовы сокровища.

— Риска никакого, — убеждал он Сашку, — Эдик этот ноль, никто за него не вступится. Он даже жаловаться не посмеет. Даю гарантию — в два часа все из него вытрясу.

Однако Зуб почему-то уперся.

— Ну к чему эти крайности — вытрясу, заставлю... Можно же иначе дело обставить. Нетворческая у тебя, Серега, натура, привык в Афгане беспредельничать. Разве нельзя сделать так, что человек сам свое добро отдаст, ни черта не поймет и еще благодарить нас станет?

— Он и так благодарить станет, что живым остались. Зачем огород городить?

— Никогда ты душу художника не поймешь. И потом, если можно избежать насилия, то я следует его избегать. Подумаешь, налетели, обобрали и рыло разбили — на это большого ума не надо. А разведешь лоха красиво — душа радуется. И человеку приятно.

— Не знаю, чего приятного, если результат одинаковый. Какая разница, красиво или нет с тебя последние штаны содрали?

— Огромная. Особенно для того, кому эти штаны достались... И Зуб разразился пространной речью о предпочтительности мошенничества. Говорить он умел, но убедило Сэта другое. Понял, что приятеля заклинило на афере и, поскольку на Бэбику вышел все-таки Сашка, решил не возражать. Пусть резвится, режиссируя свой спектакль, если где-то произойдет сбой, применить спецнавыки несложно. А упускать случай глупо, не воспользуются они с Зубом, Бэбик обязательно нарвется на кого-нибудь менее щепетильного и более жестокого. Запросто ему уехать никто не позволит.

В гости к Бэбику отправился Сашка. История о подпольщиках «коминтерновцах» была чистой импровизацией. Зуб даже не обдумывал легенду загодя, уповал на вдохновение и трофеиное удостоверение сотрудника КГБ Черепцова, которое друзья оставили у себя после героической обороны дачи и тела Ивана Степановича Шабукевича.

Сэт ожидал друга в припаркованном на противоположной стороне улицы «опеле».

— Все тип-топ, — воротившись через два часа, заявил Сашка, — клиент наш к бою готов и никуда не денется. Надо теперь переждать неделю, пусть дозреет. А мы пока техническим обеспечением займемся.

Урановый контейнер смастерили в гараже у Сэта. Зуб купил у бичей с городской свалки плоский свинцовый ящик, излучавший к тому же небольшой фон. Что хранилось в ящике прежде, так и осталось загадкой, но набитый песком и щебенкой, он весил не меньше, чем настоящий контейнер. Хотя, как выглядят настоящие контейнеры ни Сэт, ни Сашка не знали.

К ящику присобачили кнопочную панель от выломанного в соседнем подъезде шифрозамка, и запаяли крышку наглухо. Сэт вновь обратился к граверу, снабдившему подложными документами Зуба, и тот за сто долларов смастерили липовый сертификат, от фонаря впечатав в украшенный грязными печатями Министерства обороны России бланк собственного изготовления какие-то малопонятные цифры и латинские литеры. Поперек «сертификата» умелец изобразил страшную надпись — «Смертельно, вскрывать только при наличии защитных средств». Это, по мнению аферистов, Бэбику должно было хватить, чтобы отказаться от мысли взглянуть на содержимое «контейнера». Заодно Сэт заказал загранпаспорт с шестимесячной визой в Германию, пообещав фотографию и реквизиты клиента предоставить позднее. Вопросов мастер не задавал, хотя за паспорт заломил пятьсот долларов — цены-де растут, высокий и спрос и все такое...

Услыхав торопливый звонок, Сэт распахнул двери, но запыхавшийся Сашка опередил, не дав вырваться возмущению: — Виноват, исправлюсь. Поехали к Бэбику, потом все объясню.

На время операции Сергей одолжил у приятеля, жившего неподалеку, облезлую «шестерку». «Контейнер» уложили в багажник, закидав сверху ветошью, и Зуб вырулил со двора. Сэт уселся в «копель» и тронулся следом, в его обязанности входило наблюдение и прикрытие. Кто знает, как оно обернется, на кону все-таки четверть миллиона долларов.

* * *

Сашка опоздал к Сэту по весьма уважительной причине, впервые за время знакомства с Леной между ними произошла ссора. Черт его дернул рассказать о задуманной афере именно тогда, когда начал собираться к Сергею. Вообще-то, посвятить подругу в их план следовало в любом случае, но лучше бы Сашка отложил этот разговор на завтра, поставив любимую перед фактом, что Бэбик уже лишился изрядной доли своего богатства.

Узнав обо всем, Лена пришла в негодование. Сашка так и не понял, что возмутило ее больше: мошенничество, как таковое, или то, что подвела потерпевшего под монастырь именно она. Напрасно Сашка пытался вставить хоть слово, любимая рта ему раскрыть не давала, осыпая градом уничижительных эпитетов и искреннего возмущения.

Остановила ее увесистая оплеуха, выданная шокированным одним коротким, но выразительным словом, Зубом. До этого он в жизни не ударил ни одну женщину, однако Лена в порыве гнева ляпнула такое, что его, искореженное камерным воспитанием, сознание вынести не смогло.

Пощечина отшвырнула Лену в угол дивана, но подействовала странным образом. Она осеклась, с любопытством и как-то по-новому взглянула на Сашку, не успевшего даже пожалеть о собственной несдержанности. Создалось впечатление, что удар ладонью произвел в ее голове какие-то перестановки, как бывает с неисправным телевизором после резкого хлопка по крышке корпуса.

— Извини, — Лена встала и приникла к плечу игравшего скулами Сашки, — зря я на тебя кричала. Просто забыла, с кем связалась.

Зуб напрягся, отыскивая в дрожащем голосе подруги издевательскую нотку, но издеваться или горько сожалеть о любви к проявившему преступную натуру милому Лена и не собирались. Она действительно сожалела, но лишь о том, что Сашку не переделаешь. А потому принимать его надо таким, какой есть.

— Это ведь не мне одному — и тебе надо, — погладил Сашка вздрагивающие плечи подруги, — поднимусь на бабки, и уедем отсюда к чертовой матери.

— Интересно, — Лена откинула голову назад и печально улыбнулась, — Бэбик о том же говорил. Он ведь ради меня все затеял.

Получалось и впрямь интересно. Бермудский треугольник какой-то, вершиной которого было желание сделать Лену счастливой, основанием — наследство покойного Льва

Исааковича, только стороны, Бэбик и Зуб, устремлялись к вершине из диаметрально противоположных точек.

— Тем более нечего мучаться, — обрадовался Сашка, — тебе кто нужен? Я или недоделок этот?

Лена посмотрела так, что ответа не потребовалось. Но и Бэбика ей было жаль, неплохой, в сущности, парень, и влип в такую дурацкую историю. Она решила отыскать-таки лазейку.

— Он любит меня очень. И долг заплатил и колье...

— Какой еще долг? — не понял Сашка.

— В магазине... В этот день, когда мы встретились, меня ведь с работы выгнали, — Лена рассказала о юных аферистах, — ...Эдик и заплатил.

— Да-а, растет смена, — засмеялся Сашка. — Чего же ты мне не сказала? Уж как-нибудь повлияли бы на твоего директора, сам бы еще тебе приплатил.

— Дело не в деньгах, Эдик больше бы дал, чтобы я только уволилась. Он меня давно уйти оттуда уговаривал.

— Вот видишь, для себя он старался, а не ради тебя. Понимаешь, Ленка, — Зуб закурил и принялся расхаживать по комнате, рассуждая вслух, — по-моему твой, вернее, наш теперь Бэбик, относится к той категории людей, которые думают в первую очередь о собственном благополучии. Он не тебя — себя очень любит, хотя сам, может, этого не сознает. И любовь ему, в общем-то, до фени, было бы самому хорошо и покойно. Вбил в голову, что с тобой найдет счастье, пусть попробует без тебя его поискать. Ну и без денег, естественно. Обидно — одним все бесплатно достается, другие свободой и жизнью должны рисковать. Так что не переживай, не помрет твой Эдик с горя, если на бобах и холостым останется. Может поумнеет.

— Ты почти как Раскольников рассуждаешь, — призадумалась Лена, — за счет никчёмного человека счастье найти? А совесть?

— Совесть — штука хитрая. Как душа наркомана, зависит от реального, а не иллюзорного воздействия извне. Кайф есть, и никаких проблем, все в елочку. А нету — тут-то ломка

изнутри и снаружи. Физическая и душевная. Так и с совестью. Когда жизнь налажена и благополучна, о том, как этого достиг, человек не задумывается. Не подразделяет причины своего благополучия на честно-нечестно, радуется следствию. Вот если сплошные неувязки и облом, тогда муки совести и проявляются. Такая вот, подруга, философская оценка ситуации.

Спорить Лена не стала. Изменить все равно бы ничего не сумела. Сашка, похоже, давно все решил за обоих. За себя и за нее.

— Саш, вы его не бейте, пожалуйста, — просьба вызвала у Зуба широкую улыбку. — Господи, девушка. Да его пальцем никто не тронет. Слово джентльмена. О, — посмотрел он на часы, — зато Сэт меня, кажется, на вертел посадит. На два часа опаздываю, заторопился джентльмен удачи, — пожелай мне попутного ветра, милая...

Прокручивая в голове всю эту «сцену у дивана», Сашка зазевался и едва не врезался в метнувшуюся из ряда в ряд милицейскую «Волгу». Стоявший на перекрестке у цирка гаишник отвернулся — не щемить же своих, — «Волга» ушла вправо, под знак. Сашка ухмыльнулся и сунулся следом, уловив в зеркало заднего вида, что Сэт делает тот же маневр. Так и шли они до «Немиги», пристроившись в хвост ментовозке, как бы ставшей машиной сопровождения.

На Республиканской с почетным эскортом пришлось расстаться. «Волга» скрылась в полумраке улицы Мясникова, а приятели повернули направо, к зайдавшемуся Бэбику. Сашка позвонил тому из автомата и назначил встречу в полночь на Юбилейной площади.

* * *

Сэт притормозил у входа на станцию метро «Фрунзенская», а Зуб, припарковавшись на стоянке, вылез из «шестерки» и, напустив на себя подобающий подпольщику «коминтерновцу» вид, направился к Бэбику.

— Эдуард, — глядевший в противоположную сторону Бэбик вздрогнул и резко отпрянул в темноту, — что вы шарахаетесь? Не надо нервничать, все отлично, — Сашка подхватил клиента под руку и подтащил к машине.

— Садитесь, нечего на виду торчать.

Бэбик неуклюже забрался на переднее сиденье и пригнулся, прикрывая лицо от света фар пронесшейся через площадь «девятки».

— Не волнуйтесь, — Сашка подмигнул и хлопнул клиента по плечу, — вокруг наши люди, бояться нечего. А задержались немного, потому что проверяли окрестности. Все тихо.

На площади действительно было тихо и покойно, зарядивший к ночи небольшой дождь разогнал поздних прохожих, автостоянка тоже пустовала. Сашка для понта поводил по сторонам носом и пригласил Бэбика выйти из машины.

— Главное, не волнуйтесь, — повторил он и откинул крышку багажника. — Излучения контейнер почти не дает. Доза вполне допустимая, в Гомеле фон похлеще будет.

Вид свинцового контейнера привел Бэбика в ужас. Разговоры разговорами, а когда планы начинают претворяться в жизнь... Простота начала суперсекретной операции оглушила. Он уже успел настроиться на нечто невероятное — контрабанда урана, разведка и контрразведка, смертельная опасность и головокружительный риск, а в эпицентре он, Бэбик, поставивший на карту буквально все. А тут обычный металлический ящик в багажнике «жигулей» и ни погонь, ни стрельбы, ни суровой музыки, сопровождавшей подобные сцены в кино.

Зуб словно почувствовал растерянность клиента и зловеще прошептал:

— В этом контейнере, Эдуард Борисович, теперь заключается ваше будущее. Отнеситесь ко всему достаточно серьезно — игры кончились.

Бэбик заморгал и тоскливо вздохнул: — Я п-понимаю... А теперь что делать?

— Теперь все по программе. — Зуб захлопнул багажник. — Садитесь в машину, проведем инструктаж.

Первым делом он сунул Бэбику «сертификат».

— Это не менее важно, нежели сам контейнер. Когда отправитесь в путь, спрячьте понадежнее, документ совершенно секретный. Сейчас поедем за деньгами, передадите мне двести пятьдесят тысяч... Надеюсь, валюта подготовлена? — Сашка пристально уставился Бэбику в глаза.

— На п-почтамте, в ящике абонентном, — тот наконец прочувствовал серьезность момента, да так, что ощущил непреодолимое желание облегчить вмиг застонавший желудок. И замер, боясь пошевелиться.

— Вот и отлично. Значит, на почтамт, берем валюту, и я отвожу Вас на дачу. Контейнер спрячьте сами. На паспорт сфотографировались?

Бэбик кивнул, по требованию «Валентина Петровича» он подготовил фотографии и необходимые для оформления загранпаспорта документы еще неделю назад.

— Через три дня получите паспорт с открытой визой и ознакомитесь с маршрутом. До Гамбурга пойдете под контролем, наши ребята подстрахуют. Причин для волнений нет, на границе с Польшей осложнений не будет, и в Германию въедете без проблем. У нас ведь свои люди.

Бэбик судорожно сглотнул и попросил сигарету. Казалось, что происходящее ему только снится, перевернется на другой бок, откроет глаза и все исчезнет в лучах заглянувшего в окно утреннего солнышка. Но сидевший рядом человек не снится, оттого, а может от избытка в крови никотина — курил он десятую за полчаса сигарету — у Бэбика заныли виски.

«Шестерка» выскочила из моросящего сумрака на широкую, залитую светом фонарей, улицу и понеслась к недалекому главпочтамту. Сэт, соблюдая дистанцию, неотлучно следовал сзади.

Плотный увесистый брус долларов, упакованный в пластиковый пакет, Бэбик принес быстро. Пересчитывать валюту Зуб не стал — зачем, если клиент места себе от страха

не находит. Небось, каждую купюру раз сто обсплюнявил, боясь ошибиться.

— Посидите пару минут, — Сашка выбрался из машины и скрылся за углом почтамта. Сэт, как условились, поджидал на противоположной стороне проспекта, у входа в гостиницу «Минск».

— Тебе пакет, — передал Зуб добычу и улыбнулся, не в силах сохранить на лице серьезность, — купи себе немножечко «Олби». А нам с Ленкой — шампанского. Поеду с ним на дачу, за час обернусь. Позвони Ленке, пусть к тебе едет. Вместе почин отпразднуем.

Когда он вернулся к Бэбику и уселся за руль, тот вдруг нерешительно поинтересовался: — А можно два паспорта оформить? Я ведь с невестой уехать хочу.

— Вот доставите контейнер, вернетесь, тогда и решим, — настроение у Зуба испортилось враз, — хоть бабушку покойную увозите, но сперва дело сделайте. Уяснили?

Бэбик мигнул и согласно склонил голову. Страх понемногу улетучивался, никто не пытался арестовать контрабандистов с поличным, не проявлял к «жигулям» повышенного интереса. Пока Валентин Петрович относил деньги, он специально изучил окружающую обстановку. Охрана, о которой говорил «коминтерновец», действовала очень профессионально, даже зная об их присутствии, Бэбик никого не заметил. Вывод напрашивался закономерный, если и дальше так пойдет, волноваться нечего. С такими парнями не пропадешь.

* * *

Лишившись верного собутыльника Бэбика, Мишка научился пить на пару с телевизором. Набирал водки с запасом, усаживался поудобнее перед экраном и, стоило возникнуть кадру, в котором кто-нибудь держал в руке напитый бокал или иную емкость, чокался, ударяя краешком своего стакана о кинескоп. Иногда, если телесобутыльник произносил тост, пил по его поводу, чаще придумывал тосты сам. Получалось здорово, за неделю Мишка перепил почти со

всеми знаменитостями, от ведущего «Поля чудес» Леонида Якубовича, до президента России Бориса Ельцина включительно. Пил с крутыми голливудскими ребятами, тринкавшими скотч в полумраке стандартных американских баров, с эстрадными звездами, лакавшими шампанское на очередной останкинской тусовке, даже с хоккеистами, чем-то полоскавшими рот после очередной забитой или пропущенной шайбы, тоже пил, выказывая, в зависимости от ситуации, поздравления или сочувствие. Спиртное по шести основным и двум коммерческим каналам текло рекой, позволяя пить не абы с кем, а в подходящей компании. Выбор собутыльника определялся Мишкиным настроением. Сегодня к вечеру его охватила сентиментальная грусть, и телеалкаш, пощелкав переключателем программ, шарил французскую мелодраму с Аленом Делоном, тоже грустившим со стаканчиком коньяка в руках.

К полуночи оба, и Делон и Мишка, насобирались прилично, поэтому, когда в дверь требовательно позвонили, последний выбрался в прихожую с огромным трудом.

— Кто там? — попытался он припасть к глазку, но промазал и чуть не вышиб себе глаз дверной ручкой.

— Сто грамм... Открывай скорее, водка выдыхается.

Голос показался знакомым, и Мишка, дернув собачку замка, распахнул дверь. На тускло освещенной лестничной площадке качались дворе — дипломат Казик и незнакомый мордоворот, чем-то походивший на Кинг-Конга, недавнего Мишкиного собутыльника. Впрочем, условного, гигантская обезьяна чокалась с ним кокосовыми орехами.

— Встречай гостей, — оказалось, что качается не Казик, а хозяин квартиры. Гости были хоть и навеселе, но шагнули в прихожую твердо и уверенно, — решили тебя проводать, держи-ка, — Казик ткнул Мишке в руки пакет, полный разномастных бутылок.

— Проходите, — с трудом удержав подарок, Мишка мотнул головой, приглашая в комнату, — оч-чень рад. А то фильм уже кончается, а я еще ни в одном глазу.

Какое отношение имеет продолжительность фильма к зрению хозяина квартиры гости не поняли, но вопросов задавать не стали. Повесив плащи на вешалку, прошли в комнату и уселись на диване. Мишка приволок из кухни пару чистых стаканов, быстренько разлил принесенную гостями «Смирновскую» и торжественно произнес: — За живое общение, которое не заменит никакая электроника!

Мордоворот недоуменно посмотрел на Казик, тот пожал плечами и, чокнувшись с Мишкой, покосился на батарею пустых бутылок:

— Один, значит, гуляешь?

— С Делоном, — кивнул Мишка на экран, где спившийся коллега умирал на больничной койке, не выдержав темпов соревнования со зрителем-собутыльником.

— Понятно, — хмыкнул Казик и, интеллигентно оттопырив пальчик, опорожнил свой стакан. Закуски не было, но дипломат понюхал манжету белоснежной рубашки и просиял: — Замечательно. Кстати, забыл вас представить, — он указал подбородком на мордатого. — Это Сева, мой старинный приятель.

Сева выдул водку одним глотком и протянул Мишке широкую, как лопата, клешню: — Очень рад, много о тебе слышал.

Какая-то странная искорка мелькнула в его абсолютно трезвых глазах, совсем не соответствовавших расслабленной пьяной улыбке. Но перепившему Делона Мишке было не до психоанализа, уставленный бутылками стол требовал продолжения, да и Казик наполнил стаканы по новой.

Однако следующий глоток оказался роковым. Мишка икнул, тихо сполз на пол, из последних сил дотянулся и выключил, согласно закона Кир-Буха, телевизор, да там, под телевизором и остался, в полной отключке.

— Во дает, — Сева оттянул Мишкино веко, посмотрел на Казика. — Теперь его до утра не добудишься. Перестарались, надо было сперва о деле поговорить, потом уже наливать.

Казик встал и включил телевизор: — Ничего страшного. Через час оклемается, я его натуру знаю...

Мишка и вправду очухался очень быстро. Не прошло сорока минут, как он сел, диким взглядом обежал стены родной квартиры и уставился на гостей: — Не понял? Вы-то здесь откуда взялись?

Сева нагнулся, легко приподнял хозяина под мышки и усадил в кресло. Казик тотчас ткнул ему под нос полстакана: — Лечись давай. Весь вечер вместе пьем, а ты, выходит, ничего не помнишь.

Копаться в недрах памяти Мишка не стал, опохмелился, и все закружилось в привычном калейдоскопе товарищеской попойки. Наконец Сева пришел к выводу, что хозяин окончательно пришел в себя и оборвал затеявшего травить анекдоты Казика: — Давай о деле.

— Михаил, а почему мне твой друг не звонит? Эдуард, кажется? — Казик улыбался, но как-то неестественно и напряженно. — Я уже договорился с кем надо, Севу вот подключил, а он как в воду канул.

— Бэбиковы дела мне теперь до веника, — Мишка откинулся на спинку кресла. — Он, сволочь, пить бросил. И потом, мы неделю уже не встречались, понятия не имею, почему он тебе не звонит.

— А где он живет? — приподнялся Сева, пересаживаясь поближе. — Как его отыскать?

Что-то в голосе гиганта Мишке не понравилось, и он решил о Бэбике не распространяться: — Не знаю я. Он сам ко мне приходил и звонил. Даже фамилии его не знаю.

— Вот те раз, — удивился Казик, — вы же в одном классе учились.

— С чего ты взял? — Мишка удивился так, что сам себе поверил.

— Сами об этом говорили, — Казик посмотрел на Севу, — вот на этом самом месте, две недели назад.

— Ты все перепутал, засмеялся Мишка, но Сева метнул вперед длинную руку и сгреб его за ворот: — А ну иди сюда, — рывком выдернув хозяина из кресла, он пхнул того в угол дивана: — Мишка, ты с нами не шути. Где твой друг?

Полузадохнувшись Мишка попытался оторвать от горла железные пальцы, но тут же получил удар по печени, отчего только что выпитая водка фонтаном брызнула прямо Севе в лицо. Гигант отпрянул, выпуская жертву и наугад махнул гиреобразным кулаком. Мишку сдуло с дивана, как пылинку, перенесло через всю комнату, и только капитальная стена не позволила продолжить полет над ночным городом.

— Обрыгал меня, паскуда, — Сева сгреб с журнального столика газету и кое-как утерся. — Придавлю гада.

Удар головой о кирпичную стену, слегка смягченный висевшим на ней ковром, подействовал на Мишку своеобразно. Он твердо решил стоять до конца и ничего обидчику не рассказывать. Дело было не в Бэбике, а в принципе — насилия над собой Мишка не терпел.

Однако отстаивать принципы дело нелегкое, особенно, если тобой занимается профессионал. А Сева профессионалом и являлся.

Официально он оперативничал в столичном управлении КГБ, на звании старшего лейтенанта, и соответствующее удостоверение лишь прикрывало основное его занятие. Заместитель начальника управления Валентин Петрович Черепцов, негласно сотрудничавший с серьезными деловыми людьми, включил Севу после соответствующей проверки, в свою личную гвардию, параллельно с обеспечением безопасности государства, занимавшуюся оказанием различных услуг этим самым деловым людям, имевшим солидный вес в республике и за ее пределами. Около двух лет все шло прекрасно, платил Валентин Петрович значительно больше финотдела КГБ, но недавно произошел досадный случай. При попытке приструнить зарвавшегося и игнорировавшего указания шефов Валентина Петровича бизнесмена, Сева лопухнулся и уступил в рукопашной двум невесть откуда взявшимся телохранителям намеченной жертвы. Пришлось неделю отвалиться в госпитале, а когда подлечившийся оперативник предстал перед шефом, случилось ужасное. Подполковник, поимевший за фиаско на даче серьезные неприятности, несправедливо обвинил Севу во всех смертных грехах и велел две недели не появляться на глаза, формально предоставив отпуск для поправки здоровья.

Заодно лишил неофициальной дотации, и это в тот момент, когда Севе взарез понадобилось двадцать тысяч долларов. Подвернулась шикарная квартира в центре, а собственных сбережений не хватало.

Одолжить нужную сумму не удалось, да и не в правилах Севы было залезать в долги. Но Бог услыхал его молитвы, случайная встреча с бывшим однокашником, а ныне чиновником МИДа Казиком, подкинула шанс быстро и без особого риска разбогатеть. Казик, не отличавшийся высокой моралью, рассказал о лоховатом богатеньком еврейчике, нацелившемся выехать за рубеж. По некоторым приметам, тот располагал солидной наличностью, и Сева с Казиком решили, что им валюта как-то нужнее. Потому и прикатили к Мишке. Казик уверял, что за стакан водки тот продаст родную маму, но, кажется, ошибся и за дело пришлось браться Севе.

— Напусти в ванну воды, — приказал он Казику и двинулся к сжавшемуся в углу хозяину квартиры, — вставай, старина, спецслужба приехала. Сейчас тебя проторезим, а после ты мне все расскажешь.

Но Мишка сдаваться не собирался. Перекатившись по полу, вскочил, метнулся к столу и выставил перед собой широкий кухонный нож.

— Не подходи, гад, — хмель почти слепил, уступив место ярости. — Убью!! — Сева только скривился, распахнув руки, шагнул прямо на нож, но старался Мишка напрасно. Неуклюжий выпад пронзил пустоту, гигант грациозно ушел в сторону и с разворота зарядил «мушкетеру» ногой в затылок. Удар был настолько силен, что упрямый хозяин торпедой пронесся через всю комнату, вылетел в прихожую, сбил с ног распахнувшего дверь ванной Казика и лбом врезался в фаяновый умывальник. Сева в три прыжка настиг свою жертву, схватил Мишку за волосы и окунул в быстро наполнившуюся ледяной водой обшарпанную ванну.

— Будешь говорить? — выдернув секунд через двадцать Мишкину бесполковку из воды, загудел он тому в ухо. Мишка фыркнул, норовя пустить водяную струйку в глаза палачу и через мгновение вновь ткнулся носом в эмалированное дно.

Заговорил он только после четвертого погружения. Но Сева упустил из виду важную деталь. Вообще-то вынужденная асфиксия легко развязывает язык любому — человек теряет самоконтроль, мозг страдает от недостатка кислорода, организм охватывает ужас в предчувствии неминуемой гибели. Однако Мишкин мозг под влиянием алкоголя подвергся легкой мутации, проще говоря, проспиртовался и методика допроса, применимая к нормальному человеку, для него оказалась недостаточно эффективной. Капельку разума мозг сохранил, что и позволило найти выход из безвыходного положения. Мишка просто-напросто соврал.

Сева, привыкший, что водотерапия заставляет людей говорить чистую правду — врать они, как правило, не в состоянии — выслушал названную от фонаря фамилию Бэбики и такой же липовый адрес, швырнул мокрого до нитки хозяина вглубь квартиры и приказал: — Никуда не уходить, ждать нас. Не дай Бог, что-нибудь выкинешь — утоплю, как «Титаник». Порву на три части и будешь в ванной сто лет спасателей ждать. Понял?

Мишка понуро кивнул, лихорадочно соображая, куда же смыться, как только лихие гости исчезнут. По всему выходило, что недельку-другую придется отсиживаться в подполье, выясняя причины появления дипломата на пару с гориллой-палачом и их странный интерес к Бэбику.

— К Ленке, — решил он, услыхав хлопок входной двери. — Больше некуда...

В обшарпанной «шестерке», резко выделявшейся на фоне респектабельных лимузинов и пестрых спортивных иномарок, заполонивших стоянку напротив центрального подъезда Министерства иностранных дел, сидели трое. Сэт, Зуб и непривычно трезвый и потому противный сам себе Мишка, сумевший найти в лице парочки друзей-аферистов отмазку от посягательств беспредельного гебешника Севы.

Ночью, примчавшись к бывшей супруге, Мишка долго и безрезультатно тарабанил в запертую дверь. С Леной, уехавшей на площадь Победы к Сэту, он разминулся буквально на четверть часа. Не добившись толку, ринулся звонить Бэбику, но тот, как раз в это время, отправился с

Зубом на дачу, где и остался ночевать, захоронив «контейнер с ураном» под смородиновым кустом. В конце концов Мишка вернулся в подъезд Ленинного дома и, пристроившись на подоконнике между этажами, задремал, не в силах превозмочь навалившуюся усталость. Придет же Лена когда-нибудь, никуда не денется.

А Лена с Сергеем дождались Сашиного возвращения и, под шампанское, подводили итоги первого этапа операции.

— Десять штук оставляем на оперативные расходы, — Сэт отделил от кучи увесистых упаковок одну и посмотрел на Сашку, — остальное делим на троих...

— На троих, — оборвал он Сашкино недоуменное восклицание, — Лена тоже в деле. Без нее вообще бы ничего не вышло.

— Докатилась, что называется, — криво улыбнулась Лена, — теперь я, выходит, мошенница.

— А вот ярлыки клеить не будем, — Зуб обнял подругу за плечи и усадил в кресло, — Серега прав. В конечном итоге, деньги-то твои. Бэбик тебя озолотить хотел. Вот и озолотил. Где хранить добычу? — повернулся он к Сэту.

— Нууу проблемз. Я по своим каналам переправлю бабки в Германию. Есть такой городок — Карлсруэ, полежат в тамошнем банке. У меня там сейф абонирован, в прошлом году его использовал.

— Отлично, — Сашка наполнил бокалы шампанским, — через три дня отправим Бэбика в Гамбург, следом второй контейнер в дело пойдет. Надо опять на свалку сгонять, пока бичи тару не пропили.

— Бэбик в Гамбург поедет? — изумилась Лена.

— Это он так считает, — Зуб подмигнул Сэту, — дальше Столбцов не пустим. Развернем с трассы и, чуть погодя, второй контейнер всуропим.

— А потом?

— Потом? Да ничего, выпотрошим до последнего цента, и пусть мемуары пишет. О сотрудничестве с коммунистическим

подпольем. Не исключено, что какой-нибудь издатель ему за это гонорар отвалит, в компенсацию за убытки.

— С кем связалась?! — деланно возмутилась Лена. В последние дни ее взгляд на многие вещи здорово изменился, воистину — с кем поведешься.

Наутро они с Сашкой возвратились на Калиновского и увидели оклеветанного оточных подъездных сквозняков Мишку, скучожившегося на подоконнике около мусоропровода.

— Господи, — охнула Лена, изучая помятую физиономию бывшего супруга.

— Ты-то что здесь делаешь?

— Привет, — Мишка прищурился и опознал Сашку. Несколько лет назад он подрабатывал, паяя «маршаловские» голосовые в кооперативе «Левша», которым, на пару с Сэтом, руководил Ленин спутник.

— У тебя выпить есть что-нибудь? — первым делом Мишка решил снять стресс и зарождавшуюся обычно по утрам головную боль.

— Так ты за этим через весь город перся? — Лена отперла дверь и впустила Мишку в квартиру.

— Не совсем... Дай сотку вмазать, потом все объясню.

Сашку он в возникшую проблему посвящать не хотел, уединился с Леной на кухне и рассказал оочных гостях. Услыхав, что тех интересовал адрес Бэбика, Лена позвала Сашку и потребовала повторить рассказ сначала. Известие о появлении конкурентов смущило афериста лишь на мгновение, теперь он наконец понял, что означали странные слова клиента «дипломат сдал». Дипломат действительно сдал, но кому-то другому, операция на грани срыва, а потому действовать следует быстро и четко.

— Миша, — Сашка сжал Ленин локоть и уперся взглядом тому в переносицу, — я немного в курсе отношений между Леной и Эдиком. Да и ты ей человек не чужой, а друзья моих друзей... Короче, сейчас ты поедешь со мной к Сергею, попробуем разобраться. Нехорошо, когда живого человека в

ванной топят. А Бэбика волновать не стоит, сами все сделаем...

Сэт понял Зуба с полуслова.

— Знаешь, где этого дипломата искать? — поинтересовался он у Мишки. Тот кивнул. — Отлично, едем. Такие дела надо делать сразу. Отловим Казика, выбьем координаты Севы... По возможности без жертв, но, если придется, жалеть их нечего, — тихо шепнул Сергей Сашке.

Охотиться решили на «жигулях». Хозяин «шестерки» на скором возвращении машины не настаивал, позволил Сэту пользоваться ей сколько будет угодно. А «опель» — тачка приметная, к чему лишний риск? Позвонили в МИД, выяснили, что Казик на рабочем месте, и к полудню оказались на площади Незалежности.

Сашка сбежал к ближайшему автомату, позвонил Казику от Севиного имени, пригласил выйти на улицу для конфиденциального разговора. И вглядывался теперь в толпу сновавших взад-вперед посетителей и сотрудников министерства.

— Вон он идет, — Мишкино восклицание заставило охотников встрепенуться. Из стеклянных дверей выперся элегантный худощавый блондин в шикарном «карденовском» плаще, прикурил сигарету и заводил по сторонам носом.

— Давай вдоль тротуара, — скомандовал Сэт и выскользнул из машины. «Шестерка» сипло закашлялась, выворачивая со стоянки, а Сергей, обогнув длинный сверкающий лаком «мерседес», перебежал проезжую часть и со спины приблизился к топтавшемуся на месте Казику.

— Добрый день, — он легонько ткнул дипломата в плечо, — Вы Казимир? — Казик кивнул, но спросить ничего не успел. Сэт подхватил его под руку и быстро зашептал: — Сева просил срочно подскочить к нему, в одно место. Сам занят, оторваться не может. Вот наша машина, садитесь.

Казик моргнуть не успел, как оказался в салоне притормозившей у бордюра «шестерки». Узрев на заднем сиденье Мишку, открыл было рот, но Зуб коротко саданул ему тыльной стороной кисти по лбу, а сопевший за спиной Сэт так

ткнул железным пальцем в подреберье, что на несколько секунд свет для Казика померк.

Очнулся он с уже заклеенным широкой полосой лейкопластыря ртом и завязанными глазами.

— Не дыши, — посоветовал сидевший рядом Сэт, уловив робкую попытку освободиться, — хуже будет. Сейчас приедем, поговорим и вали на все четыре стороны. Пойми, хотели бы тебя убить, глаза бы не завязывали. Ответишь на все вопросы — отпустим. Нет — не обессудь. Глаза развязем, посмотришь в последний раз на солнышко и адью. Уяснил?

Казик замычал, вроде бы соглашаясь на предложенные условия, и больше не шевелился.

Допрос проводили в Сэтовом гараже, предварительно вогнав во двор «опель». Мишку поставили на атас с наружной стороны прикрытых ворот, содрали с губ пленного пластырь и слегка побили. Но без особого зверства, исключительно из соображений ускорения процесса дознания. Казик не упорствовал, выдал Севины реквизиты сразу, заодно прояснив подоплеку ночного визита к Мишке.

— Слушай сюда, — Сашка упер два пальца в кадык полностью деморализованного дипломата, — сейчас мы тебя отвезем в центр и отпустим. Отпуск за свой счет или больничный лист взять можешь?

— М-могу, — обработанные дознавателями ребра болели так, что Казик всерьез подумал о госпитализации.

— На неделю исчезни. Чтобы ни дома, ни в министерстве не появлялся. И забудь о нас, о Мишке и его друге, которого вы с Севой искали. Заговоришь — тут-то тебе и конец. О Севе тоже забудь, не ищи его ни сегодня, никогда. Лады? — Сашка кивнул Сэту и тот, аккуратно прицепившись, тюкнул Казика монтировкой чуть повыше макушки.

— Рауш на десять минут, — оттянул он закрывавшую глаза жертвы повязку и приподнял припухшее веко, — с гарантией... Поехали, выкинем его где-нибудь. И к Севе.

* * *

С подполковником Черепцовым Сева столкнулся в коридоре управления случайно, попадаться на глаза шефа в период отлучения от дел в планы незадачливого налетчика не входило.

— Что ты здесь делаешь? — Валентин Петрович был явно не в духе. — Тебе же ясно было сказано...

— Извините, — Сева виновато улыбнулся. — Ключ от квартиры потерял. А в столе рабочем запасной валяется, вот и забежал на минутку.

— Чтобы духу твоего здесь не было, — буркнул шеф и скрылся в приемной начальника управления. Сева усмехнулся, в принципе, можно было уходить — адрес Эдуарда Борисовича Будиловского лежал у него в бумажнике. В общем-то, установить личность последнего оказалось несложно, помогло упоминание Казика о том, что еврейчик учился в одном классе с таки-совравшим, вопреки ожиданиям, алкоголиком Мишой.

Вернувшись ночью с искренним желанием свернуть стойкому пьянице шею. Сева убедился, что тот успел удрать, но сильно не расстроился. Приказал Казику ждать звонка, а сам с головой окунулся в розыскные мероприятия. Через соседей выяснил номер школы, утром наведался в архив района. К обеду фамилия Бэбика была установлена, пришлось подскочить в управление и по гебешным каналам выяснить адрес. Жаль только, что на шефа нарвался, но дело-то сделано, и Сева направился к выходу.

— Ты еще здесь? — налетел на него коллега по борьбе с террористами, дежуривший сегодня по отделу. — Думал, что уже ушел... Тебе только что из города звонили, некто Казимир. Просил чтобы ты подъехал домой часам к четырем, он там будет ждать.

Сева поблагодарил, вышел на улицу и из автомата позвонил в Министерство иностранных дел. Так его учили, любая информация, даже незначительная, должна быть перепроверена. Но Казика на рабочем месте не оказалось. Как пояснил поднявший трубку сослуживец, отпросился еще в полдень и больше не возвращался.

Голову Сева ломать не стал. Часы показывали половину четвертого, значит Казик скоро появится у него дома и сам все объяснит. Следовательно, надо двигать домой.

Двор родимой пятиэтажки, затерявшейся среди таких же пятиэтажных серых параллелепипедов Курасовщины, встретил Севу грохотом отбойного молотка. Возле подъезда долбили асфальт два мужика в грязных ватниках, третий работяга покуривал, прислонившись спиной к ходуном ходившему компрессору, получая, видимо, от передававшейся телу вибрации непонятное удовольствие. Судя по стоявшему поодаль «газику» с надписью «Аварийная водоканала» на стальной будке кузова, дом снова остался без воды. Сева обогнул потрепанную «шестерку» и шагнул в парадное. На сидевших в машине пассажиров даже не глянул, размышая о водопроводных трубах, которые за последние полгода меняли уже трижды.

— Узнал? — Сашка заерзal на сидении. — Эта морда на даче тогда была. И имя сходится. Он? — повернулся он к Мишке.

— Он, гадина, — подтвердил тот, наливаясь гневной краской. Однако отомстить обидчику самолично Мишке не позволили.

— Все, Миша, езжай к Ленке и жди нас. Тебе здесь делать нечего, — приоткрыл Сашка дверцу. — Не вздумай дурить, чтобы через минуту и духу твоего не было.

Мишка выбрался из машины и поплелся к стоянке такси. Особого желания встречаться с Севой вновь он не испытывал, обойдутся без его помощи — еще лучше. Главное, чтобы продолжения не последовало, нырять в ледяную ванну по новой очень не хотелось.

— Что делать будем? — Зуб проводил Мишку взглядом и посмотрел на дверь подъезда. — Как его брать-то, коня такого?

Сэт призадумался. Связываться с гебешниками глупо, но и выхода другого нет. Хотя, Казик уверял, что Сева злодействует автономно, по собственной инициативе.

— Ну как ты этого слона стреножишь? — продолжил горевать Зуб, но Сэт только улыбнулся: — Надо, значит

сделаем. А как? Сказать честно, пока не знаю, но придумаем что-нибудь. Все равно так не уедем.

— В принципе, убивать-то его не стоит. — Сашка принялся рассуждать вслух, — и базарить с ним не о чем. Дать по голове, чтобы месяца на два о Бэбике забыл, в гипс уложить и ладно. Но как бы он нас в реанимацию не сдал. Ахнет по чану — позвоночник в трусы сложится, — поклацал он керамическими клыками, припомнив кочергу и все с ней связанное, — опять же, соседи, шум...

— Идея! — Сэт уставился на пожилого дядьку, вынырнувшего из-под ступеней подъезда с ведром картошки. — Смотри, у них вроде сараи в подвале.

— Понял, надо его туда заманить, в катакомбы эти. Эх, лица он наши может помнить, подослать бы кого. — Сашкины мозги мигом заработали в заданном направлении и, спустя пять минут, план был готов. Машину отогнали подальше от подъезда, и пешком приблизились к взопревшим водоканальцам.

— Извините, — Сашка отозвал в сторону того, что курил у компрессора, угадав в нем старшего. — Я из КГБ. — Распахнутое на мгновение удостоверение заставило мужика выбросить сигарету и подобраться. Сашка спрятал ксиву, огляделся по сторонам и продолжил: — Необходима ваша помощь. Поднимитесь в двадцать третью квартиру и скажите жильцу, что его сарай в подвале заливает. Пусть спустится и откроет дверь. Больше ничего не объясняйте, мол, авария и все дело. Сами с ним не идите, скажите, что ваши там уже ждут. Ясна задача?

— Так точно, — вытянулся бригадир по-военному, наводя на мысль об армейском прошлом. — Чем еще могу помочь?

— Это все. Позовите жильца, а сами работайте, как ни в чем не бывало. И молчок.

— Могила, — бригадир провел ладонью по горлу, и Зуб понял, что служил тот, скорее всего, во внутренних войсках. Где же еще к армейской выправке примешиваются блатные жесты?

Друзья спустились по узкой лестнице, убегавшей под крыльцо подъезда, и оказались в сыром мрачном коридоре. Длинный ряд самодельных дверей украшали белые цифры — нумерация сараев соответствовала номерам квартир. Севина кладовка была за поворотом, чуть дальше коридор упирался в бетонную стену. Прямо под дверью светилась тусклая лампочка, которую Сэт, подпрыгнув, тотчас вывернул.

— Перекроешь коридор, — в наступившей темноте он освоился мгновенно, — да не толкайся, — ослепший Зуб неуклюже налетел прямо на Сэта, — глаза прикрой на пару секунд и увидишь, света здесь вполне достаточно.

Сашка зажмурился, а когда распахнул глаза, и вправду стал различать в холодном подвальном сумраке даже небольшие предметы. На повороте коридора имелась узкая ниша, туда он и втиснулся. Вытащил из кармана кастет и расслабился, прислушиваясь к торопливому топоту на входе.

Сэт присел на корточки у двери с цифрой 23, предварительно сунув за пояс извлеченный из-под мышки «кольт». Стрелять, конечно, не стоило, но и неожиданностей следовало опасаться. Сева, все-таки, профи.

Сева влетел в подвал через полминуты, привычно чертыхнулся, проклиная перегоревшую лампочку, и пробасил: — Водопроводчики, где вы тут?

Неладное он ощутил, свернув к своей двери, но чуть припозднился. Сашка выпрыгнул из ниши, от души втирая зубастую рубашку кастета в середину массивного затылка. Гигант успел только слегка наклонить голову, удар пришелся по шее, и Сева завалился прямо на приподнявшегося Сэта.

Глушить такого слона надо было не кастетом, а кувалдой. Сергей только замахнулся, намереваясь ткнуть рукояткой «коло» в переносицу противника, как получил удар в лицо наугад вскинутым кулаком. И пошла потеха. Кто кого и куда лупил, разобраться было невозможно. Сашка удачно заехал кастетом, как впоследствии выяснилось, Сэту по почкам, Сева раздробил костяшки пальцев о бетонную стенку, а Зубову керамику следка повредил Сергей, пересчитав пистолетным стволом новенькие валютные челюсти друга. Наконец разобрались, но в узком пространстве перевес был на стороне

тяжеловеса-гебешника. Друзья маневрировать не могли, темнота не позволяла скоординировать действия, и две трети энергии обе стороны расходовали впустую, Севе все-таки приходилось воевать на два фронта. Неизвестно, чем бы все кончилось, не решился он пробиваться к выходу. Смахнув ударом ноги перекрывающего дорогу Сашку, гигант рванулся к повороту, но Сэт подхватил с пола ржавый навесной замок, отчаянно метнул его вдогонку и — видно Бог в этот день принял сторону друзей — попал точно в затылок. Сева застыл на мгновение, Зуб не стал ждать и вонзил шипованый кулак в горло врага, а подоспевший Сэт трижды добавил «кольтом» по изувеченной замком макушке захрипевшего, как разорванный диффузор, и уже опустившегося на колени противника. Приятели заработали в четыре руки, стараясь нанести Севиному организму наиболее значительные повреждения. Жизненно важные органы не трогали, крушили ребра, вывернули челюсти, ударом каблука Сэт раздробил левую кисть, а Зуб славно потрудился кастетом над коленной чашечкой. Наконец издаваться над полуторупом надоело.

— Хватит с него. Он хоть дышит? — поинтересовался Сашка, поднимаясь с колен. Сэт нащупал Севин пульс, потрогал окровавленную переносицу и успокоил: — Выживет, куда он денется. Пошли, «Скорую» вызовем. Лом здоровый, но простудится еще на бетоне. Хотя, мы делаем большую ошибку, по всем правилам оставлять его живым нельзя.

— Ну тебя с твоими правилами, — сплюнул Сашка, — научился в своем спецназе людей, как мух, давить. Пусть живет, навредить теперь не сможет.

— Все равно рисковать не стоит, — Сэт убрал пистолет в кобуру. — Надо Бэбика поскорее на остальное вскрыть и прятать концы.

— Завтра же в Гамбург отправлю, — пообещал Зуб, и друзья отправились к выходу.

Из подвала выбрались незамеченными, рабочие во главе с бригадиром увлеченно лаялись с каким-то осатаневшим от грохота жильцом. Когда уже выезжали со двора, Зуб вдруг звонко расхохотался.

— Ты чего? — покосился на друга Сергей.

— Вот, — Сашка выплюнул изо рта несколько белоснежных осколков, — прямо злой рок какой-то, Сева этот. Не дают ему мои зубы покоя.

Серая «двадцать четверка» неспешно катилась по пустынному в этот предрассветный час Брестскому шоссе, покорно уступая дорогу изредка налетавшим сзади автомобилям. Бэбик не спешил, да и водителем был никудышным; восемьдесят километров в час — такую крейсерскую скорость он для себя установил.

«Валентин Петрович» появился на даче неожиданно рано, вручил паспорт и провел тщательный инструктаж. Бэбик только диву давался, насколько широко расползлись щупальца «коминтерна». Свой человек на пропускном пункте «Варшавский мост» в Бресте, конспиративная квартира в Варшаве, где он сможет немного передохнуть, подкупленные немецкие пограничники, на которых Бэбика выведет варшавский резидент организации. Кроме того, на протяжении всего маршрута до самого Гамбурга «Волгу» будут сопровождать неприметные, но отлично обученные охранники.

Особое внимание «Валентин Петрович» уделил встрече с представителем иракской разведки в Гамбурге. Объяснил в каком отеле и как того отыскать, дал половину поляроидной фотографии (на снимке была изображена покойная Сэтова шотландская овчарка Милка), втолковав, что вторая половина снимка, предъявленная человеком Хусейна и есть основное подтверждение личности и полномочий последнего.

— Он по-русски прилично говорит, так что объясниться сумеете. Получите чек на полмиллиона, обналичивать не торопитесь. Абонируйте сейф в каком-нибудь банке, и оставьте чек там. Вернетесь — займемся Вашим переездом на Запад вплотную.

Закончив инструктаж, Валентин Петрович заставил Бэбика ответить на ряд вопросов, убедился, что тот с большого все усвоил и благословил курьера в путь.

Сэт заночевал в «опеле», загнав машину на стоянку у интуристовского ресторана неподалеку от поста ГАИ. Разбежавшийся по берегу Немана городок мирно спал рядом, жизнь царила только на трассе. Но под утро бесконечный

шепест покрышек по бетону приутих, на какое-то время движение почти прекратилось. Часам к шести, когда Сергей протер глаза, дорога вновь начала оживать, с воем неслись в рассветной дымке огромные контейнеровозы, потянулись на Брест шоптуровские автобусы, засуетились шустрые «восьмерки»-«девятки» с плечистыми пассажирами явно бандитского обличья.

Бэбик нарисовался около семи. «Волга» медленно проследовала мимо поста ГАИ, не привлекая внимания полусонного инспектора, выползшего из стеклянной будки на утренний отстрел марок-долларов и, чуть увеличив скорость, пристроилась в хвост «мерседесовскому» автобусу с московскими номерами. Сэт вырулил на трассу и в три секунды достал машину клиента. Тянуть резину смысла не было и, поравнявшись с передком «Волги», он коротко посигналил.

Бэбик не удивился, о сопровождении «Валентин Петрович» прожужжал все уши, пояснив, что выставленная в окошко пятерня является условным знаком. Если, мол, увидит, что кто-то машет из обогнавшей машины растопыренной ладонью, пусть съезжает на обочину и ждет распоряжений.

«Волга» ушла вправо и притормозила, уткнувшись едва ли не в багажник «опелю». Сэт неторопливо вылез из машины и подошел к расплывшемуся в счастливой улыбке Бэбику. Сознание, что даже на трассе он не один, привело того в восторг.

— Зубы не скаль, — Сэт был сама серьезность. — Я от Валентина Петровича.

— Я уже понял, — кивнул Бэбик, не в силах расстаться с улыбкой. Какая-то частица дедовского авантюризма в генах внука все-таки сохранилась, приключение показалось ему в чем-то даже приятным.

— Спрячь зубы, — повторил Сэт, усаживаясь в «Волгу» рядом с Бэбиком, — и не забывай о пароле.

— Так я сразу понял, откуда вы, — беззаботно ухмыльнулся Бэбик и охнул. Большой палец Сэта вонзился между его ребрами, на секунду парализовав буквально все

клеточки организма и отозвавшись в затылке невыносимой болью. Сэт нежно захлопнул двумя пальцами отвисшую челюсть клиента и грозно прошептал: — Ты кому-нибудь о поездке говорил?

— Н-н-нет, — Бэбик застучал зубами, как радиотелеграфист ключом рации, — н-н-ник-кому.

— Точно?

— Т-т-точно...

— Та-ак... Авария, дружище, — под суровыми глазами незнакомца Бэбик как-то весь съежился, — произошла утечка информации. Слава КПСС, наш человек в Бресте успел предупредить. Иначе бы взяли тебя с контейнером.

— Как же так? — сумел-таки выдохнуть Бэбик, в воображении которого уже рисовались тени в высоких фуражках, перетряхивавшие нутро «Волги». — Что же теперь будет?

Сэт помолчал, наслаждаясь искренним испугом клиента, и с глубокой печалью ответил:

— А ничего. О том, что уран везешь именно ты, к счастью, никто не знает. Им известно, что в ближайшие дни возможен перевоз контейнера через границу, а кто, куда и сколько везет, им, — Сэт ткнул пальцем почему-то в потолок салона, — неведомо. Поэтому сделаем так... Разворачивай оглобли, возвращайся на дачу и сиди тихо-тихо. Контейнер спрячь получше. Охрану к тебе негласную приставим — о безопасности не волнуйся. Но в город лучше не суйся, хотя бы пару недель. Утихнет на границе, дадим знать, и езжай с Богом. В принципе, ничего не меняется. Только небольшой сдвиг по срокам.

— Мне бы человека одного увидеть, — Бэбик подумал о Лене, — девушку. Невеста моя волноваться будет.

— Ни в коем случае, категорически возразил Сэт, напиши записку, я передам.

— А самому нельзя?

— Пойми, — Сэт укоризненно покачал головой, — тебе лучше в городе не появляться. Надо еще проверить, вдруг и на

тебя вышли... Хотя это чисто гипотетическое предположение, — тут же успокоил он Бэбика, уловив в глазах того огонек ужаса, рисковать не будем. А невесту твою предупредим. И вообще, пока операция не завершилась, тебе не стоит ни с кем из близких контактировать. И себе, и им горе принесешь. Полмиллиона так просто никто не платит — риск всегда имеет место. Но вы, Эдуард Борисович, — Сэт перешел на официоз, — человек далеко не глупый и все понимаете. Так что, не волнуйтесь, пишите записку и спокойно езжайте на дачу. Мы обеспечим вас всем необходимым.

Бэбик со вздохом достал из бардачка блокнот, взял предложенную Сэтом ручку и начертал своим дрожащим почерком: «Лена, я должен на пару недель уехать. Не волнуйся, все будет хорошо. Целую. Эдик».

Аккуратно сложив листок, он протянул его Сэту. Тот сунул было записку в карман, но опомнился: — А адрес? Или телефон?

Бэбик продиктовал адрес и телефон и попросил: — Я не писал, но скажите ей, пожалуйста, что моя отлучка важна для нас обоих.

* * *

Сашка еще нежился в постели, а Лена вовсю хозяйничала на кухне, когда входная дверь хлопнула и из прихожей постился сияющий Сэт.

— Вкусно как пахнет, — оценил он запах оладий, которыми Лена решила сегодня побаловать Сашку, — есть хочется, страх.

— Перехватил Бэбика? — Зуб начал одеваться. — Все путем?

— Иначе и быть не может. Сидит на даче и ждет дальнейших указаний. Лена, есть хочу, умираю.

Спустя десять минут все трое сидели за кухонным столом. Сэт, уничтожая со скоростью звука румяные оладушки, подробно описывал встречу в Столбцах, изображая

испуганного Бэбика поразительно похоже. Набитые блинами щеки здорово усиливали сходство с перекошенным от ужаса лицом клиента.

— Надо второй контейнер готовить, — отсмеявшись, заключил Зуб, — завтра на свалку сгоняю. Будем дожимать этого болвана, пока не опомнился.

— Сволочи мы все-таки, — то ли всерьез, то ли в шутку бросила Лена, — так человеку голову задурить.

Сашка легонько шлепнул подругу по затылку:

— Не болтай за едой, будь воспитанной девочкой. А Бэбик? Человеку для полного счастья, говорят, надо познать бедность, любовь и войну. Бедность мы ему обеспечим, любовь, — он посмотрел на Лену, — с этим тоже все ясно. А вместо войны урановые делишки прокапают. Так что жалеть его нечего, наоборот, завидовать надо. Столько счастья хапнет почти задарма.

— Ничего себе даром, — засмеялся Сэт, — полмиллиона долларов.

— И о золоте не забывай, напомнил Сашка, — не оставлять же ему рыжье и камушки. Как говорил товарищ Ленин — все в детские сады. Вернее, детям. А у меня тоже скоро может дети будут.

Ночью Лена обрадовала Зуба заявлением о возможной беременности. Теперь тот не знал, радоваться или огорчаться, об отцовстве как-то не задумываясь, а тут вдруг на тебе — готовь пеленки. Хотя удачное развитие операции позволяло взглянуть в будущее с оптимизмом, к рождению наследника или наследницы, даст Бог, все образуется, и заживут они с Леной нормальной семьей в нормальных условиях.

Сэт как-то враз понял, что насчет детей Сашка не шутит, да и Лена зарделась, как красный сигнал светофора.

— Вот и отлично, значит операцию завершаем в самые сжатые сроки. От силы пару недель и в Германию.

Лена сняла с плиты кофейник и разлила кофе по чашечкам. Уверенность в том, что все закончится благополучно, передалась и ей, беспокоило лишь одно. Как же

они с Сашкой уедут, если у того документов-то нормальных нет. Что ли придется стать супругой разведчика-нелегала? Об этом Сэта и спросила.

Оказывается, вопрос этот друзьями уже обсуждался.

— Закончим с Бэбилем, вплотную займемся переездом, — успокоил Лену Сергей, — твой выезд оформим официально, подмажем кого надо для ускорения. Я тоже уеду, но гражданство сохраню. Попутешествую годик, отдохну и все такое. С Сашкой сложнее, но безвыходных положений не бывает. Выедет по подложному паспорту, сработана эта фанера на совесть. Съездим в Югославию, там можно черта лысого за деньги легализовать. А потом, с паспортом гражданина какой-нибудь Боснии-Герцеговины он получит статус беженца в той же Германии или Штатах. И поженитесь, вот и все. Купите домик или квартиру и живите себе, размножайтесь. А я к вам в гости стану приезжать.

— А если заинтересуются, откуда у нас деньги?

— Это вообще не проблема, — Сэт подмигнул Сашке, — деньги сперва в Германию вывезем, канал надежный. И драгоценности, короче, все, что из Бэбика изымем. Есть в Карлсруэ одна фирма, хороший человек ей заправляет, потихоньку отмоем.

— В Карлсруэ? — Лена давно уже пыталась припомнить, где она слышала это название. Господи, да это же город, в котором теперь Ира, двоюродная сестра, живет. Года четыре назад вышла за какого-то немецкого коммерсанта и укатила в Германию. В детстве они очень с Ирой дружили, повзрослев, виделись пореже, но добрые отношения поддерживали.

— Тоже неплохо, — выслушав Лену, — заметил Сашка, — помогут твои родственнички устроиться, если неувязочка какая. И тебе нескучно будет.

— Там русских полгорода, — пояснил Сэт, — бывшие немцы Поволжья. Из Казахстана поуезжали, еще откуда-то. Я первый раз в Карлсруэ приехал — обалдел. В магазинах ценники русские, газета выходит, журналы какие-то. И везде по-русски разговаривают, — он принялся рассказывать о жизни

в далеком, но чем-то ставшим для Сашки с Леной своим, германском городе.

Результат не замедлил сказаться. Зубу остро захотелось очутиться в Германии прямо сейчас, жить нормальной размеренной жизнью, спешить по вечерам к заждавшейся Лене, учить уму-разуму детей и не вздрагивать в душе при виде направлявшихся в его сторону представителей закона. Нечто схожее, судя по затуманившемуся взгляду, испытывала и Лена.

* * *

Ко второму этапу ураново-бэбиковой аферы друзья приступили ровно через неделю. Зуб вновь наведался на свалку, приволок оттуда еще два свинцовых ящика, чтобы, как он пояснил Сэту, не мозолить лишний раз глаза бичам, заинтересовавшимся, с чего бы это возник такй спрос на радиоактивную тару.

Шифрзамки пришлось покупать в магазине. И так по Сэтову дому не утихал ажиотаж, вызванный похищением подъездного интеркома, пошли разговоры, что некая банда домушников вознамерилась обчистить разом целый подъезд, и лишний шум был ни к чему.

Пока Сашка возился в гараже с «контейнерами», Сергей переделал кучу не менее важных дел. Перво-наперво, переправил двести сорок тысяч долларов в Карлсруэ, получил подтверждение, что деньги благополучно добрались до его личного сейфа в тамошнем филиале «Дойче банка». Затем, через знакомых, осторожно выяснил, что сталось с искалеченным гебешником Севой. Оказалось, что тот лежит в реанимации республиканского госпиталя МВД, проваляется не менее двух-трех месяцев, а избили его, по им же предложенной версии, неизвестные хулиганы. Таким образом, от конкурентов приятели временно избавились, запуганный Казик опасности не представлял, да и вообще уехал в отпуск в неизвестном направлении.

Лена встретилась с Мишкой и о Казике с Севой посоветовала забыть. Мишка пообещал, и на радостях, что все

окончилось благополучно, ударился в грандиозный запой. С перепугу не пил почти неделю и теперь постарался наверстать упущенное.

Второй «контейнер с ураном» Сашка повез на дачу клиента с утра пораньше и безо всякого предупреждения.

— Вот, — подвел он заспанного Бэбика к распахнутому багажнику «шестерки», — те пять килограммов. Сумма та же — двести пятьдесят тысяч долларов. Зато иракские ребята отвалят на полтораста тысяч больше, итого шестьсот пятьдесят. Плюс полмиллиона за первый контейнер. Выходит, вы, Эдуард Борисович, теперь у нас миллионер.

Бэбик ошарашенно разглядывая тускло поблескивавший свинцовый ящик, такой прыти от «коминтерновцев» он не ожидал.

— У меня только двести тридцать тысяч, больше нету.

— Что значит нету? — опешил Сашка. — Разве... э-э. Что ж ты сразу не сказал?

— Но вы же только об одном контейнере говорили, — пробормотал Бэбик, тоскливо взирая на пожухлую прошлогоднюю траву, — а у меня и было-то около полумиллиона. Немного потратился.

Сашка растерялся, но виду не показал. Медленно выцарапал из пачки сигарету, не спеша прикурил, лихорадочно соображая, как быть, и наконец опомнился. Сделав максимально суровое лицо, покивал, как бы соглашаясь, и горько вздохнул.

— Ох, Эдуард Борисович, не хотите вы с нами дружить. Поймите, мы знаем о вас больше, нежели вы сами о себе знаете. Так к чему эти игры?

— Я не... — но Сашка выслушивать оправдания не намеревался.

— Не обязательно ведь валютой платить. Золото тоже пойдет. По курсу, десять долларов за грамм — тут же установил свой собственный курс. — Знаем-знаем, что и монеты дедушка оставил и еще кое-что. В наличии золотых монет Зуб не сомневался — что за еврей без золотой заначки?

Тем более, подаренное Лене колье подсказало, что оставил дедушка много всяких разностей.

— Поступим так, двести двадцать тысяч плюс три килограмма рыжь... золота. Для справки, десятка царская весит семь и восемь десятых грамма, пятирублевка вдвое меньше. Когда подготовите? Сегодня, часикам к десяти вечера вас устроит? — Бэбик промолчал, но Сашка расценил это, как согласие. — Отлично, в десять буду. Не забывайте о поездке в Гамбург, еще недельку подождем и вперед. Вроде бы обстановка нормализуется.

Что-то в тоне «коминтерновца» Бэбiku не понравилось, но возразить он и не пытался. Однако в душе зародилось странное чувство. Сомнение не сомнение, так, какое-то смутное беспокойство.

Сашка мигом почуял, что операция на грани срыва. Натура, что ли, у евреев такая — заставь расстаться с золотом, начинают паниковать. Подсознательно подвох ощущают. Но не назад же отрабатывать?

— За деньгами и золотом заеду в десять вечера, — еще раз уточнил он, хлопнув Бэбика по плечу, и задорно улыбнулся. — Все будет, как надо. А мелкие неувязки нам не помеха, так, Эдуард?

Бэбик кивнул, но стереть с лица кислую гримасу так и не сумел. И вдруг вспомнил о Лене. Глаза его прояснились — в конце концов, чего стоит вся эта суeta в сравнении с недалеким счастьем и благополучием?

Распрощавшись с «Валентином Петровичем», он спустился в подвал, вскрыл дедов тайник и извлек одну из трех жестяных коробок с золотом. Отсчитал триста восемьдесят пять десятирублевок с бородатым профилем последнего российского самодержца, прикинул на вес остаток сокровищ и тяжело вздохнул. Миллион миллионом, но когда еще до Гамбурга этого доберешься. Вот жизнь-злодейка, и желание есть и средства, а приходится идти на риск и ввязываться во всякие безумные авантюры.

* * *

— Ну что ты мечешься? — Сэт подошел к книжной полке и вытянул из плотного ряда томов «Мошенников и негодяев». — Обратился к первоисточнику. По-моему, ты подзабыл, как у наших французских коллег ситуация развивалась.

Сашка прекратил стремительную беготню из угла в угол и хлопнул себя по лбу: — Господи! Вот болван! Начисто крыша съехала.

— Съехала-съехала, — подтвердил Сэт, перелистывая книгу. — Ну вот, пожалуйста. Если не помнишь, на-ка прочти.

Велосипед, дабы развеять Бэбиковы сомнения и продолжить перекачку ценностей, изобретать не пришлось. У французских аферистов и впрямь было чему поучиться. Граф, предшественник Бэбика, тоже однажды почуял неладное. Оно и понятно, первый контейнер вывезти не удалось, приперли еще один, требуют денег, а кормят лишь обещаниями. Любой насторожится. Но мошенники нашли оригинальное решение проблемы. Поздним вечером в гости к присевшему на измену графу заявился угрюмого вида негр, представившийся — ни много ни мало — резидентом КГБ в Париже. Пока аристократ пережевывал услышанное, негр продолжил. Советской разведке известно, что контейнеры с ураном находятся у товарища графа, но Кремль уважает чужие законы и право собственности, поэтому предлагает компромиссный вариант. Граф передает оба контейнера лично негру, взамен получает миллион долларов или столько же, только во франках. Или в любой иной валюте. В случае отказа КГБ прибегнет к крайним мерам, о которых граф должен быть наслышан. Ответ надлежит дать через сутки. С тем негр и удалился.

Граф, как истинный патриот и убежденный антикоммунист, поступил как и предполагалось мошенниками. То есть, плюнул на советский неправедный миллион и угрозы и бросился к полковнику Сюртэ Женераль с требованием защитить его от преступных посягательств чекистов. Тот успокоил перепуганного клиента, подсунул фотографию негра, тотчас графом опознанного, и подтвердил, что ЧК не дремлет даже в Париже. Но пообещал все уладить. Уладили в ту же ночь. Негра — наня того за сотню франков актера с Монпарнаса — «убили» в присутствии поднятого с постели графа на глухом пустыре, выстрелив холостым зародом в затылок. Графу,

потрясенному скорой расправой над грозным резидентом всемогущего КГБ, буквально на следующий день подсунули еще один контейнер с «ураном». Клиент, уверовавший теперь уже безоговорочно, оплатил груз полностью, хотя для этого ему пришлось заложить родовой замок и бриллианты жены...

Пробежав глазами последнюю фразу, Сашка оживился:

— Прямо, как у нас. Осталось только негра подыскать.

— Почему обязательно негра? — ухмыльнулся Сэт. — И пьяница какой-нибудь сойдет. Есть у меня один фрукт на примете, купаловец спившийся.

— А если актер проговорится? — молчавшая до сих пор Лена с любопытством посмотрела на приятелей. Сэт недовольно засопел, но Сашка, довольный найденным выходом из тупика, беззаботно махнул рукой. Это я беру на себя. Тащи своего актера, сам его обработаю. Откладывать не стали. Сергей отправился на поиски Славы, так звали актера-пьяницу. Лена занялась на кухне обедом, а Сашка, нетерпеливо начал мерить квартиру шагами, разрабатывая сценарий предстоящего спектакля.

* * *

На экране телевизора мелькали кадры ночного выпуска новостей, время подходило к полуночи. События, происходившие в стране и за рубежом, Бэбика не интересовали. Просто, с включенным телевизором сидеть в пустом доме не так мрачно и тоскливо. Размышлял же он о делах сугубо личных.

Буквально час назад в Минск укатил «Валентин Петрович», заехавший, как и обещал, за валютой и золотом. Заплатить-то Бэбик заплатил, но зародившееся в душе сомнение с каждой минутой перерастало в нечто большее. Покойный дедушка в редкие минуты общения внушал внуку вечную истину — товар всегда должен лежать на одной бочке с деньгами. А тут все как-то не по-будиловски. Вроде бы и правильно, контейнер здесь, на даче. Но реальность шла вразрез с оговоренной схемой действий, эфемерный доход

витал в серых облаках, нависших над далеким портовым городом Гамбургом, добраться туда никак не получалось, а настоящие живые деньги пришлось отдавать словно бы за просто так. Впридачу трогать золотой тайник. Была бы хоть Лена рядом, но и ее увидеть не удавалось, а без моральной поддержки расклепиться вовсе немудрено.

Когда полусонный диктор забормотал о погоде на завтра, за окном вдруг послышались чьи-то шаги. От калитки до крыльца дорожка была посыпана щебенкой, дедово еще изобретение. В тиши дачного поселка, особенно ночью, всегда слышно, что тебе собираются нанести визит.

Похоже, ночной гость подбирался к дому впервые и ориентировался на местности слабо. С улицы донеслись хриплые матюги, звон ржавого ведра, приспособленного на крыльце под урну, визитер снова выругался и забарабанил в дверь. Бэбик занервничал. «Валентин Петрович», забирая деньги и золото, предупредил, что поскольку обстановка нормализовалась, охрана вокруг дачи снята. Боевики понадобились в другом месте. А Бэбiku вручил газовый пистолет, показал, как им пользоваться, но заверил, что оружие тому вряд ли понадобиться — так только, для самоуспокоения.

Однако, сняв газовик с предохранителя, Бэбик вместо спокойствия ощущил еще больший страх. Но все таки нашел в себе силы поинтересоваться без дрожи в голосе. — Кто там стучит?

На крыльце наступила тишина. Пришелец чего-то выждал и только спустя пару секунд внятно произнес:

— Будиловский Эдуард Борисович здесь живет? Я правильно попал?

Бэбик подошел вплотную к двери веранды.

— Зачем он вам нужен?

— Поговорить надо, — прохрипели за дверью.

— А сколько вас? — спросил Бэбик и чуть не рассмеялся. Уж больно все это смахивало на старый анекдот. Страх начал рассеиваться.

— Да один я, один, — на крыльце явно нервничали, — в дом-то пустите, не бойтесь.

Бэбик отодвинул засов и чуть приоткрыл дверь. Незнакомое лицо гостя, довольно мрачно выглядевшее в сумраке веранды, тотчас заставило его пожалеть о поспешности, но отступать было некуда. Незнакомец успел просочиться в дом.

— Я к вам по важному делу. Сугубо конфиденциальному, — гость критически уставился на зажатый в руке хозяина газовик. — Только не стреляйте, позвольте хоть представиться. Иванов-Крамской Глеб Никодимович. Не возражаете, если мы в комнату пройдем?

Удивленный донельзя Бэбик отступил в сторону и жестом пригласил гостя пройти вперед. Пистолет сунул за пояс, но на предохранитель не поставил. Хотя Глеб Никодимович выглядел довольно безобидно, рисковать не стоило. Беседы о бдительности, проводимые Зубом с клиентом регулярно, дали положительный результат.

Однако гость прямо лучился доброжелательностью. Бэбик, сам того не ожидая, совершил поступок, совсем уже выходящий за рамки, — выставил на стол бутылку армянского коньяка, хранившегося на даче с незапамятных времен и предложил Глебу Никодимычу хлопнуть по рюмашке.

— Не откажусь, — коньяк был выпит с удовольствием и легким сожалением, что рюмочка несколько мелковата. Бэбик понял и налил по новой. Гость лихо опрокинул рюмку под пышные усы и заговорил о деле.

Спустя четверть часа Бэбик места себе не находил. Ночной визит вызвал в его затравленной душе целую гамму переживаний, причем, перепуталось все так, что не понять было — плакать ли, смеяться, расстреливать гостя из газовика или, вежливо выпроводив за двери, бежать сдаваться органам правопорядка. Однако Бэбик знал наверняка — соглашаться на предложенную сделку нельзя ни в коем случае. А предложили ему следующее.

Глеб Никодимович Иванов-Крамской явился по поручению организации Русское Национальное Единство. Даже не особо

интересовавшийся политикой Бэбик был наслышан о подвигах этой националистической профашистской партии — натуральные черносотенцы, в придачу, с чем-то, похожим на свастику, на эмблеме организации. Боевики РНЕ успели отличиться в октябре 1993 года, мучили воду в горячих точках, страшали по всей России лиц кавказской национальности, но особенно дышали ядом на вечно крайних евреев. Тем не менее, исключительные обстоятельства вынудили патриотов России обратиться к такому потенциальному врагу Родины, как Эдик Будиловский. Им тоже понадобился уран.

— Мы не хотим прибегать к крайним мерам, — убеждал Бэбика гость, — тем более, папа у вас славянин. И потом, скажу откровенно, нам необходим весь уран, который так называемый «коминтерн» намеревается переправить с вашей помощью Хусейну. Видите: — мы знаем все. О чем это говорит?

Бэбик угрюмо молчал. Все ясно, кто-то из «коминтерна» связан с фашистами, попал он между двух огней. Дальше голова соображать отказывалась. Видимо, его лицо отразило нечто ужасное; гость тотчас принял усилия успокаивать хозяина:

— Да не волнуйтесь вы, ничего непоправимого не произошло. Наоборот, для вас сплошные выгоды.

— Какие выгоды? — промычал вконец потерявшийся Бэбик.

— Сплошные, — повторил Глеб Никодимович, — если нам поможете. Надо передать нам уже полученный уран, и в дальнейшем поступать с контейнерами также. За каждый контейнер мы будем платить вам миллион долларов, — гость закатил глаза и с удовольствием повторил, — да, миллион долларов, вы не ослышались. И обеспечим вашу безопасность. Главное, не спешите вывозить груз на Запад, найдите причину для задержки — это нетрудно. Чтобы «коминтерн» ничего не заподозрил. А мы с вами здесь рассчитаемся. Документы новые сообразим, поможем потом уехать в любую страну. Когда все кончится. Сколько у вас урана в наличии?

Бэбик налил себе коньяка и залпом опорожнил рюмку. Мысли никак не желали упорядочиться, в затылке раздавались

глухие удары и нарастал колокольный перезвон. Так и не определившись, он ухватился за жалкую соломинку:

— Мне надо подумать. Как-то все это слишком неожиданно.

Гость ласково улыбнулся и потянулся к бутылке:

— Коньяк замечательный. А подумать? Подумать, конечно, надо, хотя ответ нас устроит лишь один. Полное согласие.

Часом позже Бэбик в одиночестве добивал вторую бутылку «Еревана». Иванов-Крамской сгинул в ночи так же неожиданно, как появился, оставив хозяина дачи наедине с невероятно трудной задачей. Пообещал прийти за ответом вечером наступившего уже дня. Как выкрутиться, Бэбик не знал. Но постепенно алкоголь пробудил в затуманенном мозгу давно забытое чувство собственного достоинства. И подсказал выход. Если уж предстоит выбирать из двух зол, так лучше обратиться за помощью к Валентину Петровичу. «Коминтерн» хоть к евреям нормально относится, не то, что эти Глебы Никодимычи. И подводить людей непорядочно, они-то ему верят.

Прикончив вторую, Бэбик откупорил третью бутылку, но осилить ее не сумел. Так и уснул, уткнув лоб в засыпанную пеплом столешницу, утонув в плотном алкогольном тумане. Снился ему маленький-маленький человечек, мечущийся среди огромных пустых домов незнакомого мрачного города. Со всех сторон человека подстерегала опасность: падали сверху железобетонные балки, с воем врезались в землю какие-то ржавые трубы, под ногами разверзались широкие трещины, извергавшие высокие языки оранжевого пламени. То слева, то справа слышался громкий издевательский хохот, человечек метался по улицам, зажав уши ладонями, и никак не мог оттуда выбраться. Неожиданно в черном холодном небе вспыхнула яркая звезда, ударная волна достигла земли одновременно с оглушительным грохотом, человека швырнуло на обледеневший тротуар, и он провалился в пустоту. Одновременно с ним провалился в небытие и Бэбик, рухнувший вместе со стулом на пол и растянувшийся на соломенном коврике, припав щекой к давно немытому плинтусу.

А в красном «опеле», скользившем по пустынному ночному проспекту Скорины, Зуб заканчивал обработку так напугавшего Бэбика гостя:

— Ты меня хорошо понял? Если пасть раскроешь — из-под земли достану.

— О чём разговор? — бывший актер Слава, обнаруженный Сэтом в пивной на Немиге, и неплохо, судя по отчетному докладу, сыгравший роль Иванова-Крамского, приложился к плоской фляжке «Смирновки», — меня ваши дела не интересуют. Заплатили и разбежались в разные стороны.

Сидевший за рулем Сэт все-таки посчитал нужным напомнить:

— Ты, Славик, учти. Я-то человек мирный, а вот он, — Сашка грозно сдвинул брови, — шуток не понимает. Поэтому тебе действительно о сегодняшнем спектакле лучше забыть. Но после второго акта.

— То есть? — не понял Слава.

— Вечером снова понадобишься. Будем тебя убивать, так сказать, немножко вешат, — передразнил Сэт карателей из фильмов о войне.

— Сто баксов, — быстро сказал актер, — за меньшее не согласен.

— Ты в натуре артист, — вмешался Зуб, — по нынешним временам тебя за пятерку без игры кончат. Получишь полсотни, как за первое выступление, а будешь вякать, я тебя бесплатно завалю. И валюту сэкономим и гарантию получим, что не проболтаешься.

— Ладно, согласен. Полета и литр водки, — легко согласился Слава, — а в остальном, будьте уверены. Мы тоже с понятием. Я когда-то в ТЮЗе Кибальчиша играл, тайну хранить умею.

* * *

К Бэбику Сашка отправился в восемь утра. Перепуганный клиент мог решиться на необдуманный поступок, и выпускать его из-под контроля было рискованно.

Как и ожидалось, Бэбик, как на духу, выложил «коминтерновцу» всю историю. И обрушил целый водопад упреков. Куда, мол, подпольщики смотрят, как допустили и т. д. и т. п.

Зуб внимательно выслушал пылкий монолог Бэбика, порадовался в душе мастерству алкоголика Славы и, придав лицу озабоченное выражение, приступил к делу.

— Так... Опишите мне этого фашиста, Эдуард. Только не волнуйтесь, — Бэбика колотило как с перепою, так и от возмущения, — безвыходных положений не бывает. Это они в Москве сильны, баркашовцы-черносотенцы. Здесь наша территория, в обиду вас не дадим. — В конце концов Бэбик немного успокоился и довольно серьезно передал подробности ночного разговора и описал внешность Глеба Никодимыча.

— Шрам на щеке, усы и бородавка, — почесал переносицу Сашка, — вроде бы знакомая личность. Сделаем так. Вы оставайтесь здесь. Я сейчас охрану вызову, присмотрят за дачей до вечера. Ребята грамотные, вы их и сами не заметите. Но они будут рядом. А вечером вернусь, попробуем вашего гостя на «вшивость» проверить, сдается, что он по собственной инициативе сюда нагрянул. Тогда проблемы нет. В общем, не грустите и ничего не бойтесь...

К вечеру Зуб приехал снова. Бэбик встретил «коминтерновца» более-менее успокоенным, неожиданностей день не принес, а обещанные «Валентином Петровичем» телохранители оказались и впрямь ловкими ребятами. Как ни пытался, засечь их месторасположение Бэбик не смог.

Вечер скоротали за очередной бутылкой коньяка. Дедов запас ей, правда, и исчерпывался, но для хорошего человека Бэбику не было жаль ничего. Сварили кофе и, попивая коньячок, смотрели телевизор. Баловать клиента задушевной беседой Сашке не хотелось. О чём с ним, малахольным, разговаривать, а о делах переговорили уже неоднократно.

Как и было задумано, Слава нагрянул около полуночи. Когда за окном заскрежетала щебенка. Зуб приложил палец к губам и метнулся к двери спальни. Бэбик, согласно инструкции, увеличил звук телевизора и отправился на веранду.

— А я вас даже заждался, — распахнул он дверь перед Славиным носом, — проходите в комнату, кофе как раз готов.

Гость прищурился, зачем-то втянул ноздрями воздух и поинтересовался: — А вы один?

— Конечно, один, — не в силах сдержаться, Бэбик хохотнул, но тут же опомнился, «Валентин Петрович» требовал максимальной серьезности.

— Мультфильм только что смотрел, про Тома и Джерри. Смешной очень.

— Смешной, говорите, — Иванов-Крамской резко распахнул дверь комнаты и внимательно обежал ее настороженным взглядом, — но я ведь к вам не мультфильмы обсуждать пришел. Что вы решили?

По указанию Зуба, Бэбик должен был любой ценой усадить гостя за стол, спиной к двери спальной комнаты. А тот, словно догадываясь о засаде, направился прямиком к дивану. Откуда Бэбику знать, что сценаристы решили хорошенъко потрепать ему нервишки, довести, так сказать, до нужной кондиции, дабы дальнейшие события развивались для него с ужасающей стремительностью.

— В-вы к столу присаживайтесь, — отодвинул Бэбик массивный стул, — К-кофейку, пожалуйста, выпейте.

— Благодарю, — отказался Слава, косясь на чуть приоткрытую Зубом дверь, — лучше сразу поговорим о деле.

Но у Бэбика в голове что-то перемкнуло. Ему вдруг показалось, что не усядься проклятый фашист за стол, все полетит в тартарары. С тоскливым упорством обреченного он продолжал бубнить: — Ну идите же к столу, Г-глеб Никодимович, кофе стынет. Вам же там неудобно.

— Да не хочу я кофе, — уже грубо огрызнулся обрадованный возможностью порезвиться актер. К тому же, очень скоро его должны были бить по голове. Хотя Зуб обещал

стукнуть только для понта, взвесив мысленно объемистые кулаки антрепренера, Слава решил момент соприкосновения с ними по возможности оттянуть. Потому и ерничал, наводя на Бэбика изжогу:

— Что-то не по душе мне, Эдуард Борисович, ваша настойчивость. Вы туда часом яда не сыпнули?

Бэбик хотел изобразить доброжелательную улыбку, но получилась такая злодейская гримаса, что Зуб наблюдавший за ним сквозь дверную щелку, едва не прыснул. А гость продолжал куражиться:

— Разве я к вам кофе распивать пришел? Что с ураном решили? — Сашка понял, еще немного и Бэбик умрет от разрыва сердца. Тихонько приоткрыв дверь, он скользнул в гостиную и застыл над обреченно напрягшимся Славой:
— Решать, Глеб Никодимович, буду я.

Актер попытался вскочить, но Зуб ткнул его в бок и, ухватив за волосы, швырнул на диван. Бэбик, как вкопанный, замер посреди комнаты, а Сашка, навалившись на Славу, старательно замолотил кулаком по мягкой диванной спинке. Звуки глухих ударов сопровождались таким повизгиванием и стонами, что со стороны казалось, будто фашиста и впрямь забивают до смерти. Наконец Зуб прекратил выколачивать из велюровой обивки пыль, отпрянул от жертвы и, искоса поглядывая на так и не шевельнувшегося Бэбика, оценил свою работу:

— К транспортировке готов.

— А что теперь? — перевел Бэбик взгляд с «коминтерновца» на истерзанного гостя. Слава успел раздавить под носом крохотный мешочек с томатным соусом и, безвольно свесив голову, выпускал изо рта «кровавые» пузыри.

— Как что? — удивился Зуб. — Допросим и ликвидируем. Не домой же его отпускать.

Дверь веранды хлопнула, и в гостиную ввалился ждавший своей очереди под окошком Сэт.

— Валентин Петрович, — он коротко кивнул Бэбiku и военному вытянулся перед Зубом, — накрыли их тепленьками. С ним, — ткнул Сэт пальцем в Славину сторону, — еще трое

были. Взяли всех тихо, без особых сложностей. Я распорядился, согласно вашего указания, о ликвидации.

— Забирай и этого. Выпотрошим хорошенъко, потом... Что с вами? Эдуард Борисович!?

Бэбик и так чувствовал себя неважно, а услыхав о хладнокровной ликвидации национал-патриотов, совсем расклеился. Ноги подкосились и, не подхвати его Сашка, запросто разбил бы себе лоб об угол стола — падал, как оловянный солдатик, сбитый щелчком разыгравшегося ребенка. Друзья захлопотали над клиентом, а Слава, вытирая томатные сопли, сполз с дивана и зарыскал по углам в поисках выпивки.

— Сдурел, — отвязался на него Сашка, — а ну, марш в машину! Чтобы как мышка сидел, алкаш чертов!

Когда Бэбик пришел в себя, в комнате оставался только Зуб. Сергей, прикинув, что обморок достаточно глубок, но не смертелен, отправился вслед за Славой к «опелю», припрятанному под забором соседней дачи.

— Да-а, нервы у вас ни к черту, — Сашка подал Бэбику чашечку подогретого кофе. — Но не беда. Кажется, никакой опасности они, — последовал кивок за окно — больше не представляют. Да вы кофе-то пейте, не расплескивайте.

— А где Глеб Никодимович? — Бэбик с трудом заставил себя глотнуть обжигающего напитка. — К-куда вы его?

— Куда остальных, туда и его, — ухмыльнулся Сашка. — Наша проблема, вам об этом знать не стоит. Одно скажу, теперь их бояться нечего.

— А если искать начнут?

— Не начнут... Действовала эта группа сама по себе, без прикрытия и санкции руководства. Забудьте обо всем, тем более, от них и запаха не осталось. Тут дело такое, — Сашка присел рядом с Бэбиком и приобнял того за плечи. — На подходе еще один контейнер. Я не хотел говорить, пока с этим делом, — покосился он на «окровавленный» диван, — не разберемся. Но теперь-то все в порядке. Прибывает основной груз — семь килограммов. Требуется четыреста тысяч

долларов, а потом все разом в Гамбург. Пойдете новым маршрутом, абсолютно безопасным.

— Но ведь у меня валюты...

— А драгоценности? А золото? Все равно их продавать придется, — напомнил Зуб, протягивая Бэбику сигарету. — Операция завершается, больше урана не будет. Да и в любом случае надо заканчивать. Вдруг еще какие-нибудь сорвиголовы появятся.

Разговор этот аферисты хотели отложить на завтра, но сейчас Бэбик находился в таком состоянии, что грех было не воспользоваться. Когда человек деморализован, легко убедить его в чем угодно, а убеждать Сашка умел. В пять минут он внушил Бэбику мысль о необходимости передачи драгоценностей «коминтерну», тот даже не упорствовал и, спустившись в подвал, выволок на свет Божий все три жестяные коробки.

Зуб обалдел. Подобное он видел лишь однажды, по счастливой случайности оказавшись в знаменитой «золотой» комнате Эрмитажа. Правда, шедевров ювелирного искусства здесь было поменьше, в основном преобладал ширпотреб начала века, но тем не менее... Даже приблизительно оценить бриллиантово-золотые россыпи возможным не представлялось. Может миллион, а может все пять. Естественно долларов.

С огромным трудом удержавшись от восторгов, Зуб равнодушно произнес:

— Я-то полагал, дед ваш отличался большим вкусом. Не знаю, потянет ли это на четыреста тысяч... Нет, от силы двести пятьдесят, ну триста.

— Как же так? — закручинился Бэбик, — столько всего.

— А толку? Поставщикам наличность нужна, а это, — Зуб обвел сокровища рукой, — еще реализовать надо. Напрямую придется с получателями связываться, без посредников. А это потеря во времени, причем значительная.

— Что же делать? — Бэбик переживал так искренне, что Сашке стало его чуточку жалко. — Ладно, как-нибудь

вывернемся. Я это забираю, вечером или завтра с утра привезу последний контейнер. А там, в дорогу.

Уложив коробки в старую хозяйственную сумку, Сашка еще раз напомнил, что волноваться не стоит, поскольку за дачей присматривают надежные ребята, рас прощался и растворился в ночной тиши.

«Опель» отыскал мигом. Заполучивший поощрительную бутылку водки, Слава успел ее опорожнить и развлекал Сэта свежими анекдотами. На их громкий хохот Сашка и сориентировался.

— Вот теперь, так точно все, — опустил онувесистую сумку на заднее сиденье, — поехали. — Значит все вытянули? — Сэт завел двигатель.

— Ну, квартира еще осталась, машина, гараж, дача. Так ведь мороки с недвижимостью сколько, — засмеялся Сашка, — пусть хоть крыша над головой у балбеса останется. А дачу продаст — с голодухи не помрет...

Часть третья

С высоты двадцать второго этажа открывался изумительный вид. Яркое апрельское солнце наполнило кристально-чистый воздух удивительным теплом скорого лета, Минск словно окунулся в бассейн, выложенный золотыми плитами и превратился вдруг в благополучную столицу нормального европейского государства, принарядившуюся к какому-то празднику.

Может быть, кто-то из западных бизнесменов или туристов, заполнивших в обеденное время ресторан под самой крышей отеля «Беларусь», считал, что так оно и есть, однако Валентин Петрович Черепцов, прекрасно информированный о положении дел в республике, все видел в несколько ином ракурсе. Воздух чист и прозрачен, значит заводы стоят или работают не в полную силу, транспорт парализован дороговизной энергоносителей. Улицы сверкают чистотой, так ведь окурок сейчас далеко не каждый мужик выбросит, бумажники не валяются, так она и стоит, бумага-то. Газету не каждый купить способен. Даже толпы минчан на центральных улицах только с высоты птичьего полета напоминают веселый праздничный люд, жаждущий развлечений. Безработица, безумные цены, задержки с выплатами пенсий и пособий — вот и мечутся горожане в поисках продуктов подешевле или хоть какого-то заработка. Лица-то совсем не праздничные, скорее пасмурные, несмотря на воистину прекрасный погожий день.

Валентин Петрович общих с народом тягот не испытывал, но тоже был хмур и сосредоточен. Как и трое его сотрудников, крепких ребят суровой наружности, специально приехавших из Москвы по приглашению подполковника.

Услуги приезжих стоили недешево. Но того стоили — все они были профессионалами своего нехорошего дела, заниматься которым самому Валентину-Петровичу, как офицеру республиканского КГБ, было не с руки. Собственную же группу, коллег залечивавшего раны и переломы Севы, Черепцов задействовать в предстоящей операции не спешил, отдав предпочтение специалистам со стороны.

Все началось с Севиной самодеятельности. Учゅявший некую странность в заурядном с виду хулиганском нападении на подчиненного, подполковник провел расследование и был приятно удивлен. Оказывается, один из нападавших представился свидетелю его, Черепцова, именем и званием, а подполковник отлично помнил, при каких обстоятельствах лишился удостоверения. Доложив руководству, что хулиганов установить не удалось, он занялся делом лично. В неделю расколол потерпевшего мордоворота, узнал о; Бэбике, понял, что судьба предоставила прекрасную возможность улучшить собственное финансовое положение. Спустя еще неделю Валентин Петрович знал почти все. О дедушке, ухитрившемся помереть не на тюремных нарах — с учетом нанесенного плановой экономике СССР ущерба, — а в собственной постели, о непутевом внukе. Пьяница Мишка тоже не остался без внимания. Кроме того, люди Черепцова отыскали в Сочи дипломата Казика, третью неделю блудившего в злачных местах черноморской жемчужины и доставили перепуганного курортника в Минск, где Валентин Петрович выжал из того все до капельки.

До поры подполковник никого из фигурантов не трогал, полагая, что в деле слишком много неясностей и торопиться не резон. Установил наблюдение за квартирой и дачей Будиловского, «пристегнул» двух топтунов к Мишке. К счастью для Сэта с Зубом, произошло это через день после изъятия у Бэбика остатков сокровищ, поэтому на их след гебешники не вышли. Бэбик преспокойно сидел на даче, изредка наведываясь в Минск за продуктами, а Мишка жил исключительно по законам Кир-Буха, наводя на наружное наблюдение ужас феноменальным количеством выпитого за день спиртного и вызывая у непьющих на работе тихарей черную зависть своимечно пьяным видом. К удивлению Черепцова, никакого присутствия Севиных обидчиков не наблюдалось, и он решил форсировать события. Три исполнителя — все бывшие офицеры спецназа, — сейчас специализировавшиеся именно на таких вот, щекотливых, заказах, должны были вытрясти из Бэбика дедушкины богатства и внести ясность — кто же разгуливает по городу с черепцовским удостовериением в кармане. Христианское всепрощение Валентину Петровичу не импонировало,

сказывалась многолетняя привычка все расставлять по своим местам. И приобретенная в органах склонность считать себя чуть ли не Богом — око за око и каждому аз воздам.

Угостив приезжих великолепным обедом, Черепцов предложил прогуляться по набережной Свислочи, где и ознакомил их с заданием. Тут же вручил собранные на Мишку и Бэбика досье, фотоработы Зуба и Сэта, ключи от «девятки» и поинтересовался: — Вопросы? — Вопрос один, — отзвался Стас, бывший у москвичей за старшего. — Оплата... Вы тариф знаете, тридцать процентов от стоимости изъятых ценностей.

— И двести баксов в день, если изымать будет нечего, — продолжил Гном, самый низкорослый из налетчиков. Черепцову они так и представились — Стас, Гном и Веня. То ли клички, то ли рабочие псевдонимы. Документы в отеле, разумеется, предъявили, но вряд ли подлинные. Впрочем, Черепцова это не интересовало. Главное, чтобы с делом справились.

— Кроме текущих расходов, — добавил Веня, провожая взглядом стройную девчонку в умопомрачительно короткой юбке, — отель и все такое оплачиваете вы.

Валентин Петрович перехватил Венин взгляд и рассмеялся: — Согласен, за исключением лекарств от гонореи, оплачу все счета. Когда приступаете?

— Уже, — Стас сплюнул в реку и посмотрел Черепцову в глаза, — и, как условились... Ваша крыша — наша работа.

* * *

Крохотное кафе на Комсомольской улице, неподалеку от стадиона «Динамо», не пустовало, хотя цены здесь не кусались даже — разили наповал. Тех, кто жил на, так называемую, среднестатистическую зарплату.

Заполнившие небольшой зал посетители, как говорят в Америке, из денег выскочили, рубли-доллары от получки до аванса не растягивали, потому и чувствовали себя достаточно независимо.

В основном здесь собирались молодые спортивные ребята, чем-то друг с другом схожие. Что и неудивительно, промышляли одним и тем же — частным сыском, рэкетом и охраной, чаще просто совмещая все эти занятия. Года четыре уж, как кафе на Комсомольской превратилось в своеобразный клуб таких вот джентльменов удачи. Здесь заключались договоры, чинились разборки, приобреталась необходимая информация, заодно ребята просто отдыхали в своем кругу. Случайная публика дальше дубовых дверей, охраняемых здоровенным вышибалой, не просачивалась, а кто и ухитрялся, быстро понимал, что попал не по адресу и старался поскорее ретироваться.

Зуб с Сэтом сидели за угловым столиком, тянули ледяной «Будвайзер» прямо из банок и ждали. Вот-вот должен был появиться Витя, водитель-дальнобойщик, взявшийся переправить в Карлсруэ добытые аферистами ценности и валюту.

Всю последнюю неделю друзья посвятили отъезду на Запад. Денег не жалели, время было дороже. Задерживаться в Минске Зуб не собирался. В конце концов почти все уладилось. Лене, подмазав кого надо, сделали паспорт с открытой германской визой, Сашке Сережин гравер тюкнул штемпель, позволяющий пересечь границу воюющей Югославии. Оставалось получить от Вити, не раз уже совершившего в Германию полосатые рейсы с контрабандой, подтверждение, что ценности благополучно лежат в Сэтовом сейфе банка и рас прощаться с многострадальной родиной.

Сперва решили втроем добраться до Карлсруэ, устроить там Лену и немного развеяться. Потом Сэт с Зубом нацеливались прокатиться по истерзанной междуусобицами Югославии, как-нибудь выкрутить Сашке тамошнее гражданство, а далее — по программе. Свадьба, получение права на жительство в ФРГ и спокойная жизнь в цивилизованном обществе. Сэт, правда, переезжать насовсем не собирался. После Сашкиного обустройства, решил покататься по Европе, слетать в Штаты — в общем, мир посмотреть и себя показать. Но с Минском не рвать. Сергей считал, что жить и умирать следует там, где родился. Сашка друга не отговаривал, понимал, что это бесполезно. А Лена...

Лена жила теперь только любовью к Сашке, доверились тому полностью и ни о чем не жалела. Все ей воспринималось сквозь призму этой любви, потому и переезд и даже урановую аферу считала делом вполне естественным. Угрывзений совести не испытывала, если Сашка говорит, что должно быть так — пусть так и будет. Квартиру на Калиновского она пообещала отдать Мишке, посоветовав тому сразу подарок не пропивать. Цены на недвижимость, мол, еще подскочат, а пока сдавай, дорогой, метры за валюту, на водку-селедку денег всегда хватит. Мишка от радости даже не поинтересовался, почему Лена уезжает не с Бэбиком, а с Зубом, да и Бэбик, окончательно, по его словам, испортившийся, стал Мишке безразличен. Сам же Бэбик так и сидел на даче, ожидая команды стартовать в Гамбург с контейнерами, и ни о чем не догадывался.

— Гутен таг, — Витя, худощавый блондинистый красавчик, больше похожий на рекламного плейбоя, нежели на водителя грузовика, возник словно бы ниоткуда.

— Наконец-то, — Сэт, показал на свободный стул. — Присаживайся и рассказывай. Как поездка?

— Все тип-топ... Твои дела в порядке, проблем не возникло. Вот ключик, — Витя протянул маленький никелированный ключ от сейфа, — кстати, с начала мая банк коды в хранилище меняет. Твой теперь «гросфатер».

— Дедушка, значит, — Сэт спрятал ключ в бумажник. — Держи, здесь десять штук, как договаривались. — Сумка с десятью тысячами долларов перекочевала Вите под ноги. Тот взглянул на часы и поднялся:

— Верю и не пересчитываю. Понадоблюсь — телефон знаешь, а сейчас, извини, спешу. — Водитель растворился в полумраке кафе.

— Серьезный парень, — похвалил курьера Зуб, — тайм ис мани, ничего лишнего.

— Зато надежный. Я с ним третий год дело имею, никаких сбоев, Сэт допил пиво и огляделся: — Давай по соточек, за удачу.

Заказали по сто граммов «Абсолюта», потом еще по сто. Уходить не хотелось, набегались за последние дни так, что оттянуться совсем не мешало. Тихая музыка и уютный полумрак к тому и располагал, Зуб взял у бармена бутылку «Тропикала» и заявил, что пока не усидит ее до дна, с места не сдвинется.

Бархатная занавеска у входа раздвинулась и в зал ввалилась целая компания, пять-шесть ребят и две девчонки. Парни с виду были абсолютно неразличимы — крутые плечи, короткие стрижки, надменные улыбки на мордатых физиономиях. Зато девицы Зуба заинтересовали:

— Серега, смотри, кто пришел. Триппер наш ненаглядный. Помнишь, в тот день, когда я освободился... — Присмотревшись повнимательнее к остальным членам компашки, Сашка помрачнел.

— И эти здесь.

— Кто? — прищурился Сергей.

— Да поцапался я тогда в кабаке, рассказывал же. Пошли-ка, лучше, отсюда. Не дай Бог, разборки начнутся, а МВД через дорогу.

Друзья поднялись, но побитые Зубом сутенеры, кажется, что-то учудили. Оторвавшись от стойки, они зашептались, поглядывая в угол зала, после чего трое двинулись туда, а двое блокировали выход.

— Какая встреча!.. — расплылся в улыбке детина, служивший в подвальчике на проспекте гардеробщиком. — А мы тебя по всему городу ищем. Должок вернуть хотим.

— Хрюня, в чем проблема? — из-за крайнего столика поднялись еще двое, судя по всему, приятели гардеробщика. Как-то получилось, что в кафе не оказалось никого из Сэтовых или Сашкиных друзей, зато у того таковых подсобралось ползала. Откуда-то сзади подвалили еще трое юниоров.

— Да вот, рецидивист наглеет, — еще шире улыбнулся Хрюня, — девочек пользует, а платить не хочет. Зуб мне выстегнул, — поковырял он толстым пальцем во рту.

Бархатные шторки вновь распахнулись и в зал, отодвинув Хрюниных дружков, сунулись трое новых посетителей. Те попытались оттеснить их в холл:

— Мужики, покурите, позже зайдете. Сандень.

Но троица как-то ловко обогнула преграду, пришельцы осмотрелись и уселись за свободный столик с самым нейтральным видом. Нас, дескать, ваши дела не касаются. Впрочем, особого внимания молодежь на них не обратила. Сашку с Сергеем обкладывали со всех сторон, чего там интересоваться вновь прибывшими.

— Стоп, братва, — Зуб попытался уладить дело миром, — с девчонками я рассчитался. А что подрались, так ты Хрюня, сам виноват, не я же первый начал.

— Он еще базарит, козел, — Хрюня совсем позабыл, что за козла однажды уже ответил. Зуб и напомнил, плонув на явный перевес противника. По его мнению, на свете еще оставались поступки, прощать которые нельзя при любых обстоятельствах.

Свора сорвалась, как с цепи. Хрюня, сметенный в угол мощным ударом ноги в подбородок, не успел даже долететь до стенки, а друзья уже прижались спина к спине, блокируя летящие отовсюду удары. Спасло их только то, что молодежь навалилась разом, нападавшие один одному больше мешали, чем помогали. Да и оборонялись аферисты грамотно, на слабенькие тычки не реагировали, отражая и пресекая в зародыше лишь наиболее опасные выпады. Потихоньку смещаясь к стойке, друзья ухитрились выстегнуть уже троих, но силы по-прежнему были неравными. Правда, добравшись до цели и ощущив за собой дубовый прилавок, пустили в ход тяжелые высокие табуреты, отчего противник временно отступил. Но уже появились в руках Хрюниных соратников короткие пластиковые дубинки, блеснул шипастый кастет, а двое выдернули из плечевых кобур газовые револьверы. Вышибала запер дверь на засов. Соседство МВД не позволяло выносить сор из избы, да и с Хрюней у него, похоже, отношения были неплохие.

Кстати, сам Хрюня уже оклемался и, протолкавшись сквозь толпу нападавших, возглавил атаку. Орудовал он

стальным стулом, отклоняя высокой спинкой раскрученные в воздухе табуреты, до поры позволившие друзьям одерживать натиск противника.

— Надо уходить, — Сэт ахнул по затылку зазевавшегося стриженного бугая, — затопчут, гады. — Сашка, больше действуя ногами, промолчал. Надо-то надо, а как? Обложили их, как пещерные люди обкладывали мамонта, не протолкнешься.

— Серега! — шум побоища перекрыл громкий возглас одного из нейтралов, до сих пор молча любовавшихся дракой из-за столика.

— Ты, что ли, молодеть тренируешь?

Сэт отвлекся, среагировав на смутно знакомый голос, и пропустил превосходный удар дубинкой в висок. Табурет с грохотом грянул на мраморный пол, но нанести второй удар обладатель дубинки не успел. Тот, кто окликнул Сэта, как-то по-змеиному выскоцил из-за стола, распластался в воздухе и коротким ударом в ухо заставил Серегиного обидчика таранить лбом стойку бара. Остальные пришельцы ринулись вслед за своим лидером и расстановка сил мгновенно изменилась. Трое нежданных помощников и воспрявший духом Зуб работали четко и слаженно, оторопевшая молодежь рассыпалась по углам, помышляя теперь лишь об обороне, но и оборониться толком им не позволяли. Точно выверенные удары заставляли то одного, то другого из Хрюниных корешей опуститься на пол и думать лишь о том, как преодолетьди кую парализующую боль. Визг, писк и хриплые стоны заглушили включенную барменом на полную громкость музыку, перевернутые столы и опрокинутые стулья время от времени взлетали к потолку, что-то орал, катаясь по полу, Хрюня, зажав рукой окровавленный затылок, но как-то враз все вдруг прекратилось. Кроме посетителей, благоразумно воздержавшихся от участия в потасовке, на ногах остались только три залетных богатыря и Сашка. Сэт сидел под стойкой, хлопая мутными глазами — злополучная дубинка таки отключила его минуты на две.

— Серега, — тот, кто первым пришел на помощь, подхватил Сэта под мышки и поставил на ноги. — Друзей начал забывать?

Сэт встряхнул головой, пытался избавиться от гула в ушах и изумился:

— Славка?! Овчинников! Ты откуда взялся?

Спустя десять минут все пятеро сидели в салоне «опеля», летевшего по проспекту в сторону площади Победы. Насколько понял Сашка, Сэт учился с лидером, подоспевшей на выручку троицы, в Рязанском училище. И в Афганистане они были вместе. Остальные двое тоже имели к спецназу какое-то отношение, вот и выились посиделки в негостеприимном кафе во встречу ветеранов, со всеми вытекающими из этого последствиями. Этих самых последствий вытекло из бутылок по пути к Сэту, пригласившему компанию к себе, изрядно. Посидели, покиляли, посмеялись над веселыми историями Станислава, оказавшегося прекрасным рассказчиком.

Друзья его, правда, больше отмалчивались, как и Сашка, которому очень не понравился изучающий взгляд одного из гостей, низкорослого крепыша Володи. Беседа крутилась в основном вокруг воспоминаний о прошлом, дней нынешних почти не касались. Станислав как-то ловко оставил вопрос Сергея о том, чем же он теперь занимается, без ответа, а сам Сэт естественно, о делах и планах сегодняшних не распространялся. Пробурчал что-то о вечных неувязках в бизнесе, в подробности не вдавался.

Около семи вечера гости засобирались. Сэт проводил их до стоянки такси, пообещал поддерживать со Станиславом связь и помахал рукой вслед увозившей троицу «Волге». Его однополчанин, сидевший рядом с водителем, махнул в ответ, обернулся к своим приятелям и поинтересовался: — Что ты, Гномик, имеешь доложить? Весь вечер, как спаниель, стойку держал...

— Посмотри-ка, Стас, — крепыш полез в карман и вытащил полученные от Черепцова фотороботы, — твой сослуживец не очень, а второй, Саша, сильно на фигуранта смахивает.

— В отель приедем, разберемся, — Стас покрутил снимки в руках и покосился на таксиста, — если они, то поздравляю.

Фактор случайности штука немаловажная, Везет с самого начала, значит и дальше все будет тик-так.

* * *

Бэбик радовался, как ребенок. Неделю убил, внимательно изучая в чердачное окно подходы к даче и наконец-то засек своих опекунов. Видимо, прежних невидимок сменили не такие уж ловкачи, а может сам он стал более зорким. Во всяком случае, углядел-таки двух типов, явно интересующихся его дачным участком и решил непременно похвастаться перед Валентином Петровичем — дескать, тоже парень не промах.

В будние дни соседские домики пустовали, дачники наведывались только по выходным. Около девяти вечера апрельское солнце скрылось за макушками сосен, вокруг сгостила мрачная прохладная тишина и, покурив на крылечке, Бэбик вернулся в дом. Полистал газету с программой передач, включил телевизор и уселся поудобнее, приготовившись посмотреть новую российскую комедию с Леонидом Ярмольником.

За окном взвизгнули тормоза подъехавшей машины, Бэбик быстро подскочил к подоконнику и уткнулся носом в стекло. Оставленный на веранде свет позволил разглядеть замершую на границе участка «девятку», что вызвало некоторое удивление. Бэбик как-то привык, что «коминтерновцы» приезжают то на «шестерке», то на красном «опеле». Однако волноваться не стоило. К выбравшемуся из салона «жигулей» водителю подошел один из телохранителей, прятавшийся до сих пор в кустах смородины — его-то Бэбик и засек еще днем, чем очень гордился, — последовал короткий разговор, после чего оба, водитель и охранник направились к дачному крылечку.

Хозяин встретил гостей в дверях. И, распахнув рот для приветствия, осекся, на ступенях стояли совершенно незнакомые парни.

— Будиловский? — скорее утвердительно произнес высокий светловолосый атлет в кожаной куртке. — Мы к вам по важному делу.

— А Валентин Петрович сам не успел подъехать?

Вопрос Бэбика ввел гостей в легкий транс, блондин вздрогнул, а сопровождавший его низкорослый крепыш даже рот распахнул от изумления. Но атлет в кожанке быстро оправился и поинтересовался:

— Он что, обещал приехать?

— Да как вам сказать, — Бэбик отступил вглубь веранды, приглашая гостей в дом, — Я вообще-то с ним связан. О ребятах ваших, что дом охраняют, он говорил, но нас, — Бэбик подмигнул еще шире развязившемуся недомерку, — друг другу не представлял. Если честно, я только сегодня заметил, где вы прячетесь, раньше не мог, хотя и старался.

Низенький «коминтерновец» хмыкнул, но блондин тут же оттеснил того за спину. — Он недавно заступил, еще не освоился... Так Черепцов сюда недавно приезжал?

Бэбик, довольный собственной прозорливостью, смущения гостей не заметил и весело пояснил:

— Не, подполковника вашего, Валентина Петровича, давненько не видно. Скажите, а драгоценности за сколько продали? Рассчитаться за уран хватило?

Низенький издал какой-то странный звук, блондин тоже слегка изменился лицом, тут-то Бэбик вдруг насторожился. Разом припомнил долгие беседы о бдительности, визит фашиста Глеба Никодимовича, а не придумал ничего лучшего, как поинтересоваться:

— А чего вы пароль не предъявляете? Где ваша половинка?

— Ах, голова садовая, — ненатурально ахнул блондин, — Гном, предъяви Эдуарду Борисовичу пароль.

Гном мягко шагнул вперед и коротко саданул Бэбика кулаком в солнечное сплетение. Тот даже отлететь не сумел, блондин ухватил хозяина дачи за волосы и, резко потянув голову вниз, ударил коленом в переносицу.

Очнулся Бэбик уже на диване. Гном стоял у окна, а блондин расхаживал по комнате, ожидая пока жертва придет в сознание.

— Привет, — услыхав слабый стон, блондин притормозил и присел перед Бэбиком на корточки. — Не ушибли мы вас?

— Кто вы такие? — выдохнул Бэбик, вжимаясь в продавленную спинку дивана. — За что бьете?

— Никто тебя не бьет, жидовская морда, — Гном пересек комнату, вытягивая из рукава узкую нейлоновую удавку, — Стас, объясни товарищу.

Стас положил руку на дрожащее колено неспособного сопротивляться Бэбика и подтвердил: — Бить не будем. Только допросим и все. Сам понимаешь, Эдик, от ответов зависит твоя судьба. Скажешь правду — живи, как жил. Начнешь выкручиваться, извини. Отдам тебя Гному, а он не только антисемит, но и садист впридачу. Если ты не мазохист, то удовольствия не получишь ни капли, а жизни лишишься запросто.

— Уходите сейчас же! — Бэбик попытался смахнуть сжавшую колено кисть, но Стас, не поднимаясь с корточек, ударил его свободной рукой в подбородок. Зубы лязгнули, прикушенный язык наполнил рот противным привкусом крови, но возмутиться во второй раз Бэбик не успел. Гном захлестнул его шею удавкой и, запрыгнув с ногами на диван, дернул концы в стороны. Ухмыляющаяся рожа блондина растворилась в хороводе, заплясавших перед глазами, ультрафиолетовых пятен и, Бэбик вновь потерял сознание.

— Ты так-то не усердствуй, — попенял Стас, пальцем ослабляя удавку. — Придушишь, голову оторву.

— Да я легонько, — Гном похлопал жертву по багровым щекам. — Эй, проснись, родимый. Мы ведь только начали...

Закончили через час. Замордованный Бэбик рассказал все, что знал. И о дедовом наследстве, и о «коминтерне» и об «убийстве» Иванова-Крамского. Единственное, о чем умолчал, так это о Лене. Не оттого, что не хотел ее впутывать — просто никто о ней не спрашивал, Стаса интересовали только валютно-урановые дела.

— Посмотри, — выложил он перед окончательно деморализованным Бэбиком фотороботы, — узнаешь?

— Это Валентин Петрович, — Бэбик хлюпнул разбитым носом и пододвинул поближе Зубову фотографию. — А второй? Похож на того, кто меня в Столбцах встретил, только не очень. Здесь он смуглый какой-то.

Стас с Гномом переглянулись, но от комментарии воздержались. Сперва решили дожать Бэбика до упора.

— Каким же образом они на тебя вышли? — Гном посвистел в воздухе уже ненужной удавкой. — Ты же объявление в газету не давал?

— При чем тут газета? Они же в КГБ работают, вот и узнали где-то о дедовых делах, — терпеливо пояснил Бэбик.

— Какой КГБ? — заржал Гном. — Видал кретина, Стас? Он до сих пор не понял, что на аферистов нарвался.

Вырытые из-под куста «контейнеры» стояли тут же, москвичи с первого взгляда определили, что к чему, а этот недоумок не сомневается в их подлинности. Посмеяться было над чем.

— Нет, Эдик, они не из КГБ, — ухмыльнулся Стас, — это мошенники. И ты должен помочь нам их отыскать. Скажи, с кем ты в последнее время общался? Кроме «коминтерновцев» этих?

Бэбик растерялся настолько, что совсем перестал что-либо понимать. Произошедшее казалось страшным сном, хотелось поскорее очнуться и позабыть обо всем этом кошмаре.

Он даже глаза прикрыл, в надежде, что неприятности тут же исчезнут, однако болезненный удар по почкам заставил отвечать на поставленный вопрос.

— Ни с кем. Нет, встречался, конечно, с разными знакомыми, но они к этому никакого отношения не имеют.

— С кем конкретно? — Стас впился взглядом в покрасневшие от набежавших слез глаза жертвы.

— Ну... Не помню, даже. С Мишкой, — вырвалось у Бэбика непроизвольно. Верного собутыльника впутывать он не хотел, само как-то получилось.

Стас вспомнил о досье на алкоголика Михаила, по словам Валентина Петровича, возможного соучастника нападения на Севу. Пару ударов и Бэбик подтвердил, что речь идет об одном и том же человеке.

— Еще с кем? Баба у тебя есть?

— Она не баба! — возмутился Бэбик и тут же пожалел о сказанном. Но остановиться не смог: — Невеста моя, мы расписаться собрались.

— Кто она? Где вы познакомились? — вопрос Гном и Стас задали одновременно. Как профессионалы, они прекрасно понимали, что в такой замечательной афере без женщины не обошлось.

— Да она не причем, — Бэбик даже заплакал от собственной беспомощности. — Я ее сто лет знаю. Еще когда Мишка на ней...

Напряженные взгляды мучителей заставили его умолкнуть. Бэбик как-то враз понял, что они и до Лены доберутся, ни перед чем не остановятся. А разве она в чем-то виновата? Только в том, что полюбила такого слaboхарактерного дурачка, как он.

На какие только подвиги не толкает человека великая сила любви. Бэбик и сам не понял, откуда что взялось, москвичи даже среагировать не успели, а он уже пулей пронесся через всю комнату, захлопнул за собой двери спальной и, метнувшись к кровати, вывернулся из-под подушки газовый пистолет.

Налетчики замешкались лишь на какую-то долю секунды, через мгновение ввалились следом, но Бэбик, дважды пальнув в их сторону, ногой высадил оконную раму и сиганул в холодную весеннюю ночь.

Веня, отиравшийся возле «девятки» на атасе, на выстрелы в доме среагировал безошибочно. Бэбик еще парил в воздухе, на лету сдирая с себя хлипкий оконный переплет, а он уже изготовился стреножить беглеца, отрезав тому единственный путь отхода.

Возникшая из темноты фигура заставила Бэбика вскинуть пистолет, и Веня рисковать не стал. Шпокнул глушитель

«люгера», на лбу опустившегося на колени Бэбика расцвел красный бутон, и беглец мягко ткнулся лицом в куст крыжовника, раскровянив задергавшееся в короткой агонии пальцы о влажные колючки растопыренных голых веток.

— Готов? — высунулся в исковерканный проем Стас.

— Естественно, — Веня присел и перевернул труп на спину. — Ха, так он с пердунком газовым в атаку ходил. Ну, герой.

Стас перемахнул подоконник и внимательно прислушался к тишине дачного поселка. На выстрелы никто не спешил.

— Гном, Веня. Ташите его в дом. Потом устройте капитальный шмон и поджигайте все к чертовой матери. Крыша-крышой, а следов оставлять нельзя.

Спустя час «девятка» растворилась в ночи, оставив позади полыхнувший с четырех углов дачный домик. Еще одна душа сгоревшего в пламени невиданной любви человека взметнулась в рай, что пассажиров машины, в общем-то, не волновало. Интересовали их дела иные, сугубо материального характера.

* * *

Уединившись в кабинете, Валентин Петрович с интересом прослушивал запись разговора, возникшего между москвичами в машине, на обратном пути с дачи Будиловского в Минск. Нет, не зря он распорядился вмонтировать в «девятку» радиомикрофоны и «маячок», доверять в таких делах можно только себе, да и то с оговорками. В принципе, действовали наемники правильно, но, судя по разговору в машине, контролировать следовало каждый их шаг.

Насколько Черепцов понял, москвичи вышли на таинственных хулиганов, измordовавших Севу. В придачу, те оказались аферистами и опередили конкурентов, изъяв у жиленка валюту и драгоценности. А сумма набежала изрядная — порывшись в архивах и кое с кем побеседовав, подполковник оценивал оставленное Львом Исааковичем Будиловским состояние в три-четыре миллиона долларов.

Счастье, еще, что москвичей интересовали не столько деньги, сколько знакомство Стаса с одним из. Как подтверждала запись, они решили не информировать заказчика о своем открытии, а сперва разобраться с этим самостоятельно. Особенно на этом настаивал Стас.

— Зачем спешить? Во-первых, если Серега и есть тот, кого мы ищем, на ура к нему не сунешься. Не подарок, да и дружок его судя по всему, та еще бестия. Опять же, поймите меня правильно. Я с ним пять лет в училище дружил, потом Афган. И должок за мной — Серега меня на руках из такого пекла вытянул...

— Так что же, теперь мы его в одно место целовать должны? — донесся из динамика голос Вени, — у меня таких друзей две дивизии. А у Гнома, вообще, весь тихоокеанский корпус морской пехоты.

— Разве я о том толкую, — перебил его Стас. — Просто аккуратно надо. Найдем этого Мишку, выясним, как Сергей на Будиловского вышел... Если, конечно, то его рук дело.

— А чье? — хохотнул Гном. — Такой же, как мы, специально обученный. Вот и решил подзаработать.

— Такой же, как мы, не уран продавал бы, а просто приехал и все, что есть в наличии, отобral. Нет, здесь чувствуется рука опытного мошенника, а Серега человек прямолинейный. Решим так. Шефу доложили о гибели Будиловского, пусть следствие куда-нибудь в сторону направит. И о поисках неизвестной пока невесты, через которую аферисты вышли на сокровища. Тряхнем этого алкоголика Мишу, а потом уже, с полной информацией, к Сергею наведаемся. Не могу я друга пытать, а поймет что проиграл — сам все отдаст. Он же профи, проигрывать умеет...

Валентин Петрович выключил магнитофоне посмотрел на часы. Москвичи отсыпались в отеле, он обещал навестить их к обеду. Интересно будет выслушать их версию, фантазии у ребят, похоже, не ахти. Придется, правда, усилить за ними наблюдение, пристегнуть пару-тройку машин со своими гавриками. Пусть наемники пока порезвиться, сам-то он на явный криминал идти права не имеет. Выйдут на аферистов, приволокут тех вместе с ценностями — так и быть, получат

вознаграждение и с миром вернутся в Москву. Нет — будут сурово наказаны. Черепцов пощелкал кнопками телефона и пригласил к себе командира антитеррористической группы КГБ, по совместительству, начальника личной своей гвардии. Молчаливый майор с лицом египетского сфинкса, выслушав задание, коротко кивнул и удалился. Оставалось только запастись терпением и постараться, чтобы обо всей этой мышиной возне не пронюхали истинные хозяева Валентина Петровича.

* * *

Ослепительный луч утреннего солнца проник в узкую щель между шторами и поразил развалившегося поперек расположенного дивана Мишку точно в левый глаз. Яркий свет заставил его оторвать голову от подушки и убедиться, что за ночь в квартире существенных изменений не произошло. Тот же спертый, прокуренный воздух, стол, заваленный банками и бутылками, щедро осыпанный сигаретным пеплом ковер на полу. Запой, как запой, судя по количеству пустой тары, достигший апогея.

Дошлепав до окна, Мишка раздвинул шторы и распахнул форточку. Теплый апрельский воздух наполнил легкие приятной свежестью, но воздух воздухом, а для поправки здоровья требовалось нечто более химически активное. Пошарив по углам глазами, Мишкаглядел под диваном непочатую бутылку водки и... Пол поменялся местами с потолком, по затылку, как дубиной, ахнули, резкая боль, зародившаяся в груди, вынудила безвольно опуститься на колени.

Очнулся Мишка, лежа на боку под столом, перед глазами переливалась радуга, а руки-ноги словно онемели и ни в какую не желали слушаться. Такое с ним случилось впервые. Знал, что организм не железный — сколько народу вот так вот передохло, теперь самому звоночек прозвенел. С огромным трудом Мишка дотянулся до бутылки, сгреб непослушными пальцами скользкое горлышко, зубами скрутил мягкую латунную пробку и, пересилив отвращение, сделал основательный глоток. Результат сказался через пару минут.

Боль отступила, сердце обдало приятным теплом, звон в ушах прекратился, и Мишка медленно поднялся на ноги. Рука поднесла к губам бутылку пива, но вдруг зависла в воздухе. В мозгу зажглась дикая, но удивительно ясная мысль — пора кончать. Причем, прямо сейчас, немедленно. Иначе — труба.

Мишка вытащил из истерзанной пачки сигарету, прикурил и снова подошел к столу. Внизу, на оборудованной посреди двора детской площадке, носилась непоседливая ребятня. Молодые мамы, рискнувшие завести детей даже в эти тяжкие времена, расселись по лавочкам со своими колясками, соседка, тетя Лида, развесивала на турничке ковровую дорожку, мужик из соседнего подъезда с головой зарылся в моторный отсек ржавого «Москвича» — обычная жизнь обыкновенного городского двора, такого же, как сотни дворов по соседству. И Мишке как-то вдруг остро захотелось, чтобы там, внизу, вопил на качелях и его отпрыск, так же вот висел на перекладине его половничок, а одна из раскачивающих коляски мам ласково поглядывала бы на окно его квартиры, стараясь уловить за сверкавшим на солнце стеклом взгляд любящего и любимого супруга.

— Какая только дурь с бодуна в голову не лезет, — пожаловался Мишка своему мутному отражению, отступив к зеркалу. — Это от водки, это пройдет, — как-то криво подмигнуло отражение в ответ. Но не проходило. Наоборот, захотелось скорее нырнуть в ванну, смыть липкий запойный пот, тщательно выбрать щеки и, одевшись во все свежее, бежать из затхлой проспиртованной берлоги куда глаза глядят. Хоть бы и к Игорю. Обещал же бывший однокашник взять к себе на фирму, уж бы он бы там развернулся. Столько идей, баран, в стакане утопил.

Мишка оживился, сбежал в ванную и включил воду, вернулся в комнату и, искоса взглянув на ополовиненную бутылку, окончательно осознал, что продолжать пытку не хочется. Это так его поразило, что затренькавший в прихожей звонок дребезжал минуты три, пока хозяин квартиры сумел почувствовать разницу между звоном в голове и в дверях.

Прямо в трусах он подлетел к двери и не интересуясь, кто же там ломится, отщелкнул собачку замка. На площадке только того и ждали, чей-то мощный удар заставил дверь

распахнуться и врезаться косяком в подбородок радушного хозяина. Мишка еще барражировал над так и не дождавшейся выбивалки пыльной дорожкой, а вдоль стенки прихожей уже скользили лихие гости. Низенький крепыш, видимо, двери и высадивший и высокий широкоплечий блондин, успевший дверь прикрыть и даже защелкнуть на замок.

Коротышка подхватил рухнувшего в угол Мишку за ворот майки, поставил на ноги и коротким ударом в подреберье отшвырнул в комнату. Зацепив стол, тот перевернулся в воздухе и больно ткнулся копчиком об угол батареи парового отопления. Боль и обозлила. Рука нашарила на полу пустую бутылку, замахнувшись Мишка еще успел, но запустить снаряд в лоб налетчику не удалось. Крепыш шустро пригнулся, а возникший за его спиной блондин огромным прыжком перекрыл полкомнаты и носком мягкого, но ребристого, ботинка вышиб бутылку из Мишкиного кулака. Отпрыгнув, он тем же носком приложился хозяину под сердце, отчего Мишка жалобно ойкнул и на пару секунд потерял сознание.

— Гном, давай его в ванную, — Стас услыхал шум включенной воды, — нечего тут задерживаться. Я этого алканавта в три минуты расколю. Но Мишке к водным процедурам было не привыкать. Не то, чтобы ему нравилось, как чья-то сильная рука топит его в родной ванне, словно помойного кота, совсем наоборот. Приятного в этом он не находил. Но и не испытывал ожидаемого мучителями ужаса, а все благодаря алкоголю, закалившему сосуды мозга. Однако в отличие от однажды проколовшегося на этой аномальности Севы, Стас разглядел в глазах трижды опущенного в воду пьяницы нечто непривычное и приказал:

— Погоди, может хватит. Начнем допрос.

Мишку перетащили в комнату и усадили на диван. Гном сгреб в кулак его мокрую шевелюру, оттянул голову назад и легонько ткнул большим пальцем под ребро. — Отвечай на вопросы, дружок. Не обижайся за профилактику — это чтобы легче было душу облегчить.

— Кто с тобой был у Министерства иностранных дел? — Стас застыл над диваном, сложив руки на груди. — Кто те двое?

— Какие двое? Какое министерство? — Мишка дернулся, но Гном так рванул его за волосы, что в глазах потемнело.

— Да пошел ты... — Мишке стало очень обидно. Приперлись, козлы, морду набили. И потом, что за моду взяли — в ванной полоскать. Чего-чего, а самолюбия у него хватало, хотя проявлялось оно не так часто, как хотелось бы. Но сейчас он решил стоять насмерть, пусть на кусочки режут, ничего не скажет. Просто так, из принципа. Согласно закона Кир-Буха.

В желудке взорвалась противотанковая граната. Во всяком случае так Мишке показалось. Дикая ослепляющая боль охватила все внутренности, глаза сами по себе закатились куда-то в область затылка и свет померк.

— Ты его не убил? — заволновался Гном, оценив последствия Стасова удара носком в солнечное сплетение. — Смотри, как бельма вытаращил.

— Ничего с ним не станется, — Стас достал из кармана французский баллончик с газом, оказывающим прямое воздействие на подсознание.

— Давай пакет полиэтиленовый и пару влажных полотенец.

Придя в сознание, Мишка обнаружил, что вновь находится в ванной комнате. Воду из ванны спустили, его усадили на дно, а на голову зачем-то натянули пластиковый мешок. Ничего хорошего это не предвещало, но деваться все равно было некуда. И потом, взялся за гуж...

— Ожил? — уловил Стас легкое движение жертвы. — Вот и славно, сейчас покайфуешь.

Лица мучителей были обмотаны полотенцами, Мишка успел усмехнуться их дурости — когда опомнились, что морды прятать надо — но мешок вдруг надвинули до подбородка, а под носом зашипела струя газа. В горло вонзились тысячи колючих иголок, глаза резануло так, что они едва не выскочили из орбит. Все застило пеленой кровавого душного тумана, легкие выворачивало наизнанку, щеки распирала взметнувшаяся из желудка горечь, но самое страшное заключалось в другом. Всеобъемлющий ужас, не осознанный,

а ставший неотделимой частью сознания, охватил каждую клеточку мозга, начисто подавив желание сопротивляться.

Стас сорвал с Мишкиной головы пакет, пару раз хлестнул того ладонью по щекам, вновь натянул вонючий полиэтилен на голову жертвы и поддал газку.

— Теперь созрел, — пробурчал он сквозь полотенце и подмигнул Гному. — Снимай мешочек.

Ошибку свою москвичи поняли слишком поздно. Мощный фонтан блевотины вылетел из широко распахнутого Мишкиного рта, облепил сперва Гнома, а потом и не успевшего отпрянуть Стаса с ног до головы, наполняя ванную комнату едкой противной вонью. Все съеденное и выпитое Мишкой накануне выплеснулось единым махом, организм пытался избавиться от мучений, подключив к желудку некий прежде не используемый компрессор.

— Убью гада! — Гном обрушил облепленный зеленою слизью кулак на макушку невменяемого «языка», отправляя того в глубокий нокаут. — Как теперь на улицу выйти?

— Затылок надо было прижимать, — зло прошипел Стас, протирая глаза. — Включай воду.

Выкинув Мишку из ванной, оба принялись лихорадочно отмываться и чиститься. Более-менее приведя себя в порядок, Стас решил:

— Ну его к бесу. Отвезем этого алкоголика к Сереге, устроим очную ставку. Руки-ноги переломаю, все расскажет. А Сергей профессионал, поймет, что проиграл — сам все отдаст. Смой с него гадость эту и тащи в машину. А то я за себя не ручаюсь, придушу еще ненароком.

* * *

Сэт возился с семейным архивом, перебирая старые документы и фотографии. Он так и не решил, как быть. Уехать отсюда навсегда, начав новую жизнь в какой-нибудь благополучной стране, или, накатавшись по миру до изжоги, вернуться и отыскать счастье на родине. И тот и другой

вариант были равнозначны, вот это-то и мешало определиться окончательно. Можно ведь жить нормально и здесь. Обзавестись семейством, благо кандидаток на роль жены более чем достаточно, купить дом в пригороде и жить там в свое удовольствие, занимаясь воспитанием детей и садоводством. С доходами теперь проблем нет, стоит только продать свою долю драгоценностей, вложить деньги в акции солидных западных компаний и получать дивиденды. Многое ему не требуется, семью обеспечить и ладно. Хотя точно также можно устроиться в той же Германии. Однако Сергей считал, что дети должны расти на родине предков и склонялся к варианту с возвращением. Сперва, конечно, стоит поболтаться по странам и континентам, но года полтора-два, не более того. Квартиру на это время он решил сдать приятелю, выручившему с «шестеркой», заодно и «жигуленок» ему вернуть.

Сергей посмотрел на часы и принялся складывать документы в чемодан. Сашка с Леной поехали в кассы аэропорта за давно обещанными билетами на завтрашний франкфуртский рейс. Вернутся — он забросит чемодан с семейными бумагами к тетке, отгонит «шестерку» Вадиму и договорится насчет присмотра за квартирой. Прощальный вечер в Троицком, где Зуб заказал столик на четверых — Сэт намеревался пригласить Ирину, одну из своих наиболее перспективных невест, и завтра с утра пораньше в путь. Сашка с Леной самолетом, он на «опеле» — добираться до Карлсруэ решили именно так.

В прихожей раздался длинный звонок. Сашке возвращаться было рановато, Сергей на мгновение задумался, кого бы это могло принести, сунул чемодан под батарею и отправился открывать.

— Кто? — осторожность никогда не бывает излишней, но веселый голос недавно объявившегося сослуживца Станислава, заставил хозяина бездумно распахнуть дверь.

— А мы к тебе, — Стас шагнул в прихожую, оттирая Сергея к стене. Следом протиснулся Веня, почему-то притормозивший рядом со Стасом. Сэт почуял неладное, но поздно. В бок уткнулся навинченный на ствол «люгера»

глушитель, а на пороге вырос измочаленный Мишка, подталкиваемый сзади весело оскалившимся Гномом.

— Узнал друга? — Стас кивком велел Гному отвести Мишку в комнату и захлопнул дверь. — Пойдем, потолкуем. Сам понимаешь — дело неотложное.

Сэт действительно понял все, во всяком случае почти все. Но торопиться в таких случаях — самоубийство, даже в экстремальной ситуации его научили сперва объективно оценивать обстановку, после уже действовать, с максимальной эффективностью используя подмеченные просчеты противника. Пока же многое оставалось неясным, вдобавок, ствол под ребром подсказал, что шутить здесь никто не собирается, как и ошибаться. И Сэт, чуть вскинув руки, дабы продемонстрировать полное согласие подчиниться силе, покинут прихожую.

Прекрасно знавший Сэта Стас ошибок не делал. Мишку усадили в угол, прямо на пол, что тому было, в общем-то, безразлично. Мутный взгляд и безвольно отвисшая челюсть подсказывали, что ни сил, ни желания продолжать борьбу у него уже нет. Сэт опустился в кресло рядом с журнальным столиком, Веня застыл за его спиной, уперев «люгер» в затылок. Гном остался в дверях, а Стас походил по квартире, убедился в отсутствии посторонних и включил телевизор.

— Знаешь, Серега, дом у тебя капитальный, но осторожность не помешает. Вот теперь можно и поговорить, — установил он регулятор громкости на достаточном уровне и присел на угол дивана.

— О чем? — Сэт расслабился, но Стас тут же завелся: — Э, нет. Заложи-ка ногу за ногу. И руки на груди скрести... Так оно спокойнее, Сережа. Я твои штучки знаю. — Да брось ты, — рассмеялся Сэт, но приказ выполнил. Артачиться не стоило, по крайней мере, до поры. — Так что тебя интересует?

— Старина, ты меня знаешь. Тем более, понимаешь, что я не сволочь последняя и хорошее не забываю. Но Афган Афганом, а жизнь продолжается, и я не виноват, что свела она нас при таких вот, Стас обвел комнату рукой, — дурацких обстоятельствах. Мы знаем, что вы с Сашей рванули знатный куш, но вроде как на чужой огород залезли. Поэтому давай по-

хорошему. Ты отдаешь все, что у жидка выдурили и живешь, как жил. Никаких последствий не будет, ручаюсь. Это я беру на себя.

— А с ним что? — Сэт кивнул на маленько очухавшегося Мишку.

— Господи, при чем он-то? Тебе что до этого урода?

— Тогда зачем вы его сюда привезли?

— Хм... Привезли и правильно сделали. Тебе сразу стало все ясно. Я не прав?

— Прав-прав, — успокоил Стаса Сергей. — Ты у нас всегда был прав, даже когда раненых с вертушки добивал.

— По-твоему, лучше, чтобы душманы им уши с яйцами живым пообрзали?! — вскипел Стас. — Нашел, что вспомнить!

Этого Сэт и добивался, — противник всегда должен нервничать. Выведи врага из себя — он твой. Однако, кроме Стаса оставались еще Гном и невозмутимо сопевший над головой Веня, с ними-то как сладить? В любом случае, прежде чем попытаться что-то сделать, требуется усыпить бдительность противников. Пусть думают, что согласился с расстановкой сил и принял поражение.

— Что ж, все правильно, — Сэт посмотрел на Мишку и перевел взгляд на Стаса, — он вам все рассказал, отрицать бессмысленно.

— Ничего я им не рассказывал, — взъярился Мишка, — они меня особо и не спрашивали. Чуть не утопили, потом газом травили, сволочи. Гном со Стасом заржали, только Веня по-прежнему хмурился, прижимая ствол к Сережиному затылку. И Сэт окончательно понял — пока бояться нечего. Пришли-то ребятки за ценностями и добраться до них намерены любой ценой. Зато Мишка явно выпадал в осадок — живым его не оставят. И Сашка с Леной вот-вот должны вернуться.

— Водички принеси, — обратился он к Гному, — в горле чего-то пересохло.

Тот посмотрел на Стаса, пожал плечами и скрылся в дверях кухни. Стас, что-то почуяв, вытащил из-под мышки «беретту» и предупредил:

— Сергей, без фокусов. Я рисковать не буду.

— Будешь, как миленький, — подумал Сэт, чуть наклоняя голову, — жаден ты, Славик, ой жаден.

Но Веня легонько ткнул стволом в затылок, давая понять, что дергаться не стоит.

Гном ворвался в комнату почему-то с пустыми руками и уставился на Стаса:

— Ты знал, что мы под контролем?

— Чего? — изумился тот, — Что я знал?

— Во дворе пикап стоит. Нас слушают через направленный микрофон. Не веришь — иди, убедись.

Стас метнулся на кухню, Гном, чуть помявшись, шагнул следом и Сэт понял, что это единственный шанс. Мишка, осознавший всю сложность своего положения, тоже оживился и с надеждой посмотрел Сэту в глаза. Тот подмигнул и указал подбородком на закатившийся в угол, прямо к Мишкиным ногам, теннисный мячик, которым иногда разминал пальцы. Достаточно метнуть мячик в сторону Вени, отвлечь того на долю секунды, а там... Сэт засомневался, поймет ли Мишка, но тот как ни странно, понял.

Мячик метнулся Вене в лоб, уловив, что ствол на миг отклонился, Сэт резко качнулся назад, наугад выбрасывая ногу за голову и попал. Веня отлетел в сторону, но в самом начале падения успел нажать на курок и произошло непоправимое. Веско хлопнул глушитель, уже привставшего Мишку отшвырнуло к стене, и Сэт, перекатившись по полу и оттолкнувшись на руках, носком поражая Веню в пах, увидел, как на месте левой Мишкиной глазницы вырастает блестящий красный пузырь.

Веня присел на корточки, хватая изумленно распахнутым ртом воздух, и Сэт, не мешкая, с разворота впечатал пятку ему в ухо и нагнулся, выдрав из судорожно сжатых пальцев пистолет. И вовремя. В дверях кухни появился Гном, первым

вылетевший на хлопок выстрела. Поспешность в таких делах наказуема. Неладно было у морских пехотинцев с тактикой, привыкли рвать тельняшки и с криком «полундра» бросаться очертя голову в атаку — это Гнома и подвело. Пока он лапал куртку, пытаясь ухватить рукоять пистолета, Сэт навскидку выстрелил противнику в грудь. Пуля рванула плащевую ткань и уткнулась в кевлар бронежилета, отбрасывая Гнома назад в дверной проем, прямо на руки Стасу. В общем-то, это Сэта и спасло, бывший однополчанин уже держал его лоб на прицеле, но таранивший бригадира Гном помешал и пуля ударила в потолок, рикошетом вышибая оконное стекло. Зато Сэт оказался поудачливее. Гном дернулся, пораженный сперва в низ живота, а следом, уже насмерть, в висок. Стас нырнул в кухню, чудом избежав ранения в плечо, а Сэт, прикинув, что Мишке уже не поможешь, двумя выстрелами добил начавшего оживать Веню. Теперь его мозг работал в одном направлении — надо предупредить Сашку. Если налетчики удивились, узнав о наружном наблюдении, значит кто-то, скорее всего тот, кто их нанял, блокировал все ходы-выходы. Вернее, почти все. Станислав на ура не попрет, пара секунд в запасе имеется, и Сэт бросился в спальню комнату. Дверь на задвижку, платяной шкаф для надежности к двери, двумя ударами ноги вышибить раму и вот она — пожарная лестница.

В невероятном прыжке преодолев трехметровое пространство — все-таки лестница была не очень-то и близко. — Сэт устремился вверх, к сверкающим на солнце оцинкованным водостокам, растянувшимся вдоль ограждения островерхой крыши дома. Когда уже забрался на карниз, увидел, как Стас повторяет смертельный трюк.

— Серега! — крик преследователя согнал с края крыши целую стаю сомлевших на солнце голубей, — Сергей, погоди, я с тобой!

— С ума сошел, что ли? — мелькнуло у Стаса в голове, но вдруг он понял, что положение у Стаса и впрямь незавидное. Три трупа, крайних и искать не надо, а народные мстители — вон они, у подъезда мечутся.

Во дворе действительно сутились Черепцовские оперативники. Подполковнику о выходе ситуации из-под контроля только что доложили, определиться тот пока не

успел, и чекисты не знали, как быть. То ли снайперским огнем снимать обоих каскадеров с крыши, то ли помогать Стасу охотиться за Сэтом.

Стас перемахнул через ограждение, не успев выхватить из-за пояса «беретту». Сэт облокотился на навес чердачного окна и, вскинув «люгер» на уровне глаз, с любопытством поинтересовался:

— Что ты орал, братишка?

— То и орал, — Стас скосил глаза во двор. — Да убери ты ствол, уходить надо. Мы теперь одной веревкой...

— Ну нет, — улыбнулся Сергей, — нам не по пути. Медленно, двумя пальцами достань пистолет и брось его мне под ноги. А сам чеши на все четыре стороны... Если сумеешь уйти.

Стас понял, что убеждать противника бесполезно. Следовательно, надо отрабатывать назад, лепить Серегу живым и сдавать Черепцову. Тогда еще останется шанс выжить.

Осторожно вытянув пистолет, он швырнул его под ноги Сэту и тотчас, оттолкнувшись изо всех сил, прыгнул вперед. Как и рассчитывал, пуля чуть замедлила бросок. Следующая ушла в поднебесную высь. Стас успел кулаком отбросить Серегину руку вверх, однако закрепить успех ему не удалось. Сэт, стоявший на покатой крыше значительно выше противника, коленом угодил тому в челюсть, и Стас покатился к ограждению, пытаясь замедлить движение растопыренными ладонями.

Спас его холостой щелчок «люгера», обойма была пуста. Сэт дотянулся до «беретты» и тут чердачное окно брызнуло сотней ослепительных осколков. Второй выстрел облокотившегося на крышу пикапа снайпера расщепил основание телевизионной антенны прямо за Серегиной спиной. Сэт понял, что ловить на крыше нечего, бывают разрывными И на поражение.

— Не стрелять! — заорал Стас, перегнувшись через ограждение, и бросился вслед за Сэтом, нырнувшим в черный проем слухового окна...

— Блокировать чердак и подъезды, опергруппу в квартиру. — Черепцов уже успел принять руководство операцией на себя. Правда, находился он в кабинете управления, но прямая связь со старшим группы захвата обеспечивала полную и мгновенную информацию о происходящем.

— Второй, — подполковник знал, что все сейчас сказанное, записывается, но вынужден был рисковать. — Под пули людей не посыпай. Пусть снайпер этих бандитов стреножит. По конечностям бить, понял? Только по конечностям! Как понял?

Голова тоже конечность, и тот, кто был на связи, понял все, как надо. Живыми не брать, иначе стрельба в центре города приведет к непредсказуемым последствиям. В первую очередь для него и для шефа, затеявшего весь этот кровавый фарс.

Оказавшись в темноте, Сергей на секунду прикрыл глаза, как того требовала перемена освещения. Когда освоился, чердак перестал казаться непроглядным, тусклый белесый свет проникал через слуховые окна и ориентироваться можно было достаточно уверенно. Тем более, общее представление о чердачной географии Сэт имел, хотя не наведывался сюда лет двадцать с хвостиком.

По крыше грохотали шаги Стаса, и дожидаться, пока тот сунется следом, Сергей не стал. Судя по всему, дом обложили конкретно, кончать будут обоих, и жаль, что москвич этого не допонимает. За Сашку волноваться теперь не стоило. Не слепой, разберется, что к чему, и к тигру в пасть не полезет. Оставалось позаботиться о себе.

Выход подсказала память о годах бесшабашного детства. В дальнем углу чердака таилась маленькая железная дверь, ведущая в вентиляционный подъезд, не подъезд даже — узкую шахту со стальной лестницей: по которой можно было спуститься в подвал. О ней и из жильцов-то мало кто знал, поэтому засады там не будет, в этом Сэт был уверен. Только бы с замком справиться, жэковский слесарь вечно жаловался на одолевшую малолетнюю шпану и понатыкал везде и всюду запоров собственной конструкции. Правда, благодаря этому, и

преследователям попасть на чердак не удастся, разве что гранатами люки посыпают.

Сергей прибежал уже половину чердака, когда позади раздался грохот и матюги. Внедрившийся в окно Стас на местности ориентировался слабо, сражался теперь с наваленной повсюду старой мебелью. В унисон его ударам по оставам древних комодов раздались глухие удары по стальной обшивке люка, ведущего на лестничную площадку. Затевать в такой обстановке войну под крышами не стоило, Сэт перешел на шаг и, неслышно ступая, добрался до заветной дверцы.

Слесарюга постарался на славу — таким запором мог гордиться любой банк мира. Стальные пластины особой закалки соединялись дужкой — какой там дужкой, дужищей! — почти дюймовой толщины. Сам замок, увесистая болванка невероятных размеров, даже скважины не имел. Как его открыть, знал только слесарь, да и то, вряд ли. Дверцей не пользовались лет десять, и конструктор вполне мог забыть о своей уникальной разработке.

Однако иного выхода не имелось, и Сэт вытащил из-за пояса трофейную «беретту». Свинтил глушитель, снижающий скорость пули на выходе из канала ствола, нащупал зазор в месте соприкосновения дуги с замком и, плюнув на возможный рикошет, трижды даванул на курок. Девятимиллиметровые пули со стальным сердечником, прошибающие с пяти метров армейский бронежилет, никакого вреда творению жэковского умельца не принесли. Сэт изменил тактику, попытался отстрелить болванку от дужки, целясь в середину замка под прямым углом. Каждый выстрел отдавался в напряженной руке болью, но толку не было. Упрямый замок нагло перекрыл путь к спасению, последний патрон перепрыгнул из обоймы в казенник, «беретта» выплюнула латунную гильзу и сухим щелчком ударного механизма оповестила о превосходстве русских слесарей-самоучек над хвалеными итальянскими оружейниками.

— Дурак ты, Серега, — Стас вырос из темноты, поигрывая никелированным кастетом. — Куда бежал? Говорил я тебе...

Устраивать полемику Сэт не стал. Смысла не было. Поэтому вложил в удар ногой всю злость, накопившуюся в

битве с запором, к тому же, помноженную на зародившуюся в душе ненависть к бывшему другу. Но ненависть не лучший помощник в поединке, и Стас сумел уйти, слегка мазнув острыми шипами кастета по Серегиной лодыжке.

— Давай без фокусов, — снова перешел он к уговорам, отступая вглубь чердака, — гарантирую жизнь.

Какие гарантии! Сэт чуть не задохнулся от возмущений, но вдруг в противоположном конце чердака раздался взрыв и стало ясно, что все кончено. Хотя... Шестой этаж, не так уж высоко, если использовать Стаса, как амортизатор.

Обернувшись на грохот взрыва, Стас среагировать не успел. Сэт взметнулся в воздух, рукояткой «беретты» поразил того в висок и, подхватив обмякшее разом тело, подтащил его к чердачному окну. По потолку засверкали отблески фонарей группы захвата, в запасе оставались секунды. Сергей вытолкнул полуживого Стаса на крышу, выбрался следом и, подтащив противника к ограждению, в обнимку с ним кувыркнулся вниз. Мелькнуло в сознании что-то давно забытое, прыжок с парашютом со сверхмалой на лес, что ли, но реакция стала уже не та. Только и успел выбросить ноги вверх, аж позвоночник ойкнул, изо всех сил отжимая от себя и удерживая неповоротливую тушу внизу. Серый бетон козырька над крайним подъездом первым таранил Стас, Сергей разжал пальцы и, описав в воздухе невероятную дугу, врезался спиной в толстый дворовый тополь.

* * *

Сашка с Леной возвращались на площадь Победы в прекрасном настроении. С билетами все уладилось великолепно, сработанный гравером паспорт не подгулял, и два голубоватых длинных листка гарантировали, что завтра в это время они уже будут в Германии.

Возле цирка снова перекрыли движение, регулировщик разгонял транспортный поток с проспекта в оба конца улицы Янки Купалы, и Сашка, чертыхнувшись, свернул направо. К Серегиному дому пришлось подъезжать со стороны парка

Горького, изрядно покрутив по Войсковым-Броневым и прочим переулкам с милитаристскими названиями.

Обогнув угол дома, «шестерка» сунулась во двор, Сашка переключил скорость и тут что-то непонятное мелькнуло прямо перед лобовым стеклом, а слева, у крайнего подъезда, послышался глухой тяжелый удар. Неопознанный летающий объект врезался в нависший над проездом тополь, и Лена охнула:

— Саша, смотри... Ой, это же, — но Сашка и сам узнал Сэта, судорожно дергавшего конечностями под деревом. И ничего не понял.

— Что это?! — Лена смотрела в противоположную сторону, на колотившееся на ступеньках подъезда в агонии тело здоровенного парня в кожаной куртке. — Откуда они свалились?

Гадать Сашка не стал, выскочил из машины и побежал к Сергею. Тот был в сознании, хотя расшибся основательно. Одна нога уже точно сломана, неестественно вывернута правая рука, а что копчик и хребет затронуты, так тут и сомневаться нечего. Но в глазах горела не боль, скорее тревога.

— Уходите, — Сэт скривился и, с трудом ворочая шеей, зачем-то попытался повернуть голову в сторону своего подъезда. — Обложили, вон их сколько.

Сашка быстро глянул вглубь двора и оторопел. В их направлении бежало человек восемь, все с оружием в руках. Кто в цивильном, кто в спецкомбинезоне и закрывающей часть лица полусфере.

— Не двигаться! — усиленный матюгальником голос раздавался из серой «Волги», чуть дальше зеленел «москвичевский» пикап, на капот которого облокотился детина со снайперской винтовкой Драгунова.

— Еще что, — пробурчал Сашка и подхватил Сэта под мышки, — Ленка, пересядь на заднее сиденье!

Лена выскочила из машины вслед за Зубом, но все происходящее настолько оглушило, что, как замерла столбиком, так и не могла сдвинуться с места. Сашка

подтащил Сергея к задней дверце, мгновенно сориентировался и выдал любимой две увесистые пощечины:

— Очнись, уходить надо!

Подействовало. Лена метнулась в салон и помогла втащить Сэта на заднее сиденье. Сашка перемахнул на водительское место и врубил обратку. «Шестерка» с ревом понеслась назад, матюгальник выплюнул короткую команду, преследователи вскинули оружие и обрушили на ускользавшие «жигули» свинцовый ливень. Лобовуху вынесло напрочь, от заднего стекла остались лишь воспоминания, повспарывало спинки сидений, но из пассажиров пуля отыскала одного Зуба, ощутимо толкнув того в левое плечо. Однако машина продолжала пятиться, набирая скорость. Слева мелькнула арка, Сашка затормозил и, переключив скорость, вжал педаль газа в пол. Уже на повороте несколько пуль прошли заднюю дверцу, Сэт застонал, но «шестерка» успела вырваться со двора и, наводя ужас на прохожих, понеслась прямо по тротуару к колоннаде парка Горького.

Чудом разминувшись с осветительной мачтой на углу Фрунзе, Зуб погнал машину вдоль чугунной ограды парка, на одно лишь надеясь — успеть оторваться, пока те, во дворе, не опомнились. Встречный ветер пронизывал салон нас kvозь, вокруг скрежетали осколки стекол, но скорости не снижал, наоборот, выжимал из движка все соки. К счастью, движения в этом респектабельном районе города почти не было, тихие переулки только удивленно хлопали глазницами окон и челюстями парадных, но на перехват никого не выставляли.

Вырвавшись к началу улицы Карла Маркса, Сашка притормозил. В деловой части города появляться на изувеченной пулями тачке никак не светило, и надо было что-то решать.

— Он ранен, — Лена прикоснулась к Серегиной груди и показала Сашке окровавленную кисть. — Ой, Сашенька! Он же умирает!

Но Сэт пока держался.

— Уходите, — скрипнув зубами, он полез под рубашку. — Вот ключ от сейфа, код «гросфатер», банк и номер ячейки ты

знаешь... — никелированный ключик на серебряной цепочке упал на пол салона, звякнув об осколки заднего стекла, и Сэт потерял сознание. Сашка решился. Проклиная всех и вся, выжал сцепление до отказа и погнал «шестерку» под «кирпич», вверх по брусчатой мостовой. Плевать, что там здание парламента, омон, толпы тиха рей в штатском, гаишник на каждом шагу — главное вытащить друга.

Наглость — второе счастье, и бросок удался. Спустя две минуты «шестерка» свернула на улицу Ленина и понеслась вниз, к «клумбовской» клинике. Никто из сновавших вокруг парламента секстотов так и не понял, что за машина промелькнула у них под носом. А кто и повелся, не успел среагировать — меньше ста двадцати Зуб не выжимал.

Во дворе больницы царили тишина и покой. Редкие врачи и медсестры, пробегавшие по своим делам, никакого внимания на осторожно въехавшую в ворота машину без лобового стекла не обращали — мало ли, кто и зачем сюда приезжает. Четвертый год шла реконструкция и персонал привык, что территория клиники превратилась в проходной двор.

Сашка загнал «шестерку» в щель между какими-то салями и обернулся к Лене:

— Ну как он?

— Ой, Сашенька, я не знаю, — Лена крутила в руках автомобильную аптечку, но действительно не знала, что делать. — Кровь прямо ручьем.

Сэт вдруг открыл глаза и, как-то очень спокойно и уверенно, заявил:

— Все, ребята. Я приехал... Саня, бумажник возьми, там деньги. Пригодятся тебе... Попробуйте связаться с Шабукевичем, в записной визитка с его реквизитами. Поможет вам уйти.

— Вместе уйдем, — Сашка перегнулся через спинку и пощупал пульс.

— Ленка, делай перевязку. Будь что будет, но пусть его здесь штопают. Или я этих врачей передавлю.

— Не суетись, старина. Береги Лену, — Сэт сглотнул и улыбнулся, — она отличная девчонка. Родит тебе па... — судорожная волна пробежала по его лицу, ресницы чуть дернулись, замерли.

— Сергей? — Сашка приподнял веко вверх и понял, что Сэт кончился. И еще понял, что главное теперь спасти Лену.

* * *

Сообщение о том, что «шестерка» растворилась в неизвестном направлении, Черепцова взбесило. Все рухнуло, ситуация вышла из-под контроля, а отвечать придется только ему. И за стрельбу в центре города, и за привлечение к операции наемников, оказавшихся не такими уж «профи», шефам вряд ли понравится его закулисная игра в казаки-разбойники с уголовниками, тут уже погонами не отделаешься. Но не напрасно Валентин Петрович полжизни просидел в окопах невидимого фронта — чего-чего, а прятать концы в воду умел. Главное — никаких свидетелей, все можно вывернуть наизнанку и представить, как не совсем удачную операцию против террористической группировки. Похвалить не похвалят, но и не казнят, а там видно будет, как быть.

Действовать Черепцов начал по всем направлениям. Руководство комитета получило официальный рапорт. Дескать, из агентурных источников поступила информация о приезде в Минск трех киллеров-профессионалов, нанятых одной крайне правой организацией. Решили — ни много, ни мало — расстрелять Президента Беларуси в момент возложения венков к памятнику Победы 9 мая, подготовку начали загодя. При попытке задержания все трое убиты на базовой квартире организации. Там же обнаружен труп их минского контактера, бывшего инженера-электронщика, убитого почему-то самими террористами.

Спустя два часа во дворе третьей клиники в автомашине «Жигули» шестой модели обнаружен труп бывшего офицера спецвойск — хозяина вышеупомянутой квартиры. Идет активный розыск оставившего в машине и квартире отпечатки пальцев последнего из террористов, некоего Александра

Зубенко, особо опасного рецидивиста, два месяца назад освободившегося из мест лишения свободы и каким-то образом ввязавшегося в политику. С ним может находиться неизвестная пока молодая женщина, явно не посторонняя в этой преступной компании.

Настоящим своим шефам, тайным руководителям республики, подполковник сообщил, то же самое, но с некоторыми дополнениями. Москвичи, мол, прислали убийц не только по президентову душу, кой-кому из них тоже предназначалось по пуле. Поэтому он и задействовал свою спецгруппу, хотел сперва выпотрошить наемников, узнать кто конкретно на прицеле, но не получилось. Но он обязуется отыскать последнего из террористов, Зубенко, в двадцать четыре часа и впредь не ошибаться.

Сообщение Черепцова дошло до администрации президента и вызвало соответствующую реакцию. Город взорвался телефонными звонками, на ноги подняли все силовые структуры. Такого розыска в Минске еще не проводилось. К вечеру Сашкины фотографии имели тысячи высыпавших на улицы гебешников и милиционеров, снабдили ими и вооруженные армейские патрули, привлеченные к невиданной охоте на человека. Оперативники тормошили свою внештатную агентуру, сотни стукачей, кое-кто из которых совсем недавно делил с Зубом место на нарах, забегали-зашустрили по блатхатам и прочим злачным местам, отыскивая срочно понадобившегося «папам» рецидивиста. Сашкину фотографию периодически показывали по республиканскому и коммерческим каналам ТВ, его и Ленины приметы сообщали по радиотрансляционной городской сети — в общем, шансов, по мнению Черепцова, у Зуба не оставалось. Единственное, что теперь волновало подполковника — не допустить, чтобы рецидивиста с подругой взяли живыми. Черт с ними, с ценностями покойного еврея, своя шкура дороже. Всем участникам розыска категорически было объявлено — преступник вооружен и особо опасен при задержании, поэтому оружие следует применять едва ли не в обязательном порядке.

Здесь таился тонкий расчет. Если фигурант нарвется на обычный милицейский, а еще лучше армейский патруль, те

откроют огонь сразу, на силовое задержание не пойдут. А достанут того специально обученные оперативники — тоже не беда. Всем отдан приказ — террориста доставить в управление КГБ к подполковнику Черепцову. Попытка сопротивления и пуля в затылок — помощников Валентин Петрович проинструктировал лично и за последствия теперь почти не переживал. Одно оставалось загадкой — Зуб, как в воде растворился. Время подошло к восьми вечера, с момента перестрелки в районе площади Победы минуло почти девять часов, а на след никто из розыскников так и не вышел.

* * *

Пропахший кошками, кухонным чадом, почти не освещенный, подъезд был не самым лучшим местом, чтобы укрыться от преследователей, но приведя сюда Лену, Сашка знал, что делал. Закрывая глаза погибшего друга, он твердо понял — ни его, ни Лену живыми не оставят, следовательно, ошибок допускать нельзя.

Шальная пуля зацепила-таки левое плечо, но рука сохранила способность двигаться, а кровотечение остановила наложенная Леной повязка. Сэт так и остался в искореженной машине, ничего не поделаешь, мертвому не поможешь. Не сидеть же рядом с убитым другом, ожидая, пока убийцы нагрянут и по твою душу.

С территории больницы они уходили окольными путями. Пришлось перемахнуть пару заборов и с трудом протискиваться в грязную щель между гаражами, но Лена держалась молодцом. Не стонала, не охала, только лицо ее сделалось каким-то задумчивым. Но вопросов не задавала, доверившись Сашке полностью.

Выбравшись к ГУМу, они смешались с оживленной толпой прохожих и отправились на международный переговорный пункт. Сэт подсказал хорошую мысль — связаться с Шабукевичем. В Сережиной записной оказалась визитная карточка с телефоном Ивана Степановича, ворочавшего сапропельными делами в столице ОАЭ, и Сашка решил, что в помощи тот не откажет. Тем более, сам себя должником

посчитал, вот пусть и вернет должок, подскажет, к кому обратиться.

Звонок обошелся в сумасшедшую сумму — Зуб потребовал незамедлительного соединения — но деньги, к счастью, были. Своих триста долларов и в Сэтовом бумажнике почти тысяча, не считаю полутора миллионов родимых «зайчиков». Тот, кто поднял трубку на далеком аравийском полуострове, ответил по-английски, и Сашке пришлось битый час втолковывать секретарю, что босса срочно вызывает Родина.

— Шабукевич слушает, — секретарь в конце концов сдался, и в трубке зазвучал тенорок Ивана Степановича, — кто говорит?

— Здравствуйте, — Сашка на секунду замялся, — это Саша звонит. Помните, на даче в Ждановичах с Сергеем вам помогли?

— Хм... да, а в чем, собственно, дело? — осторожно поинтересовался Шабукевич.

— Горе у нас, — Сашка помолчал и бухнул, — Сергей умер... Не сам, понимаете? А мне теперь надо срочно уехать из Минска. С женой. Но нас не хотят отпускать, как и вас тогда.

Шабукевич тоже помолчал, но сообразил быстро: — Те же люди не отпускают? Я вас правильно понял?

— Совершенно верно, но уехать можно. Как и вы тогда уехали.

— Ты адрес, по которому мы ночью заезжали, не забыл? — деловито произнесла трубка. — Я позвоню, он поможет. Квиты?

— Спасибо, теперь я ваш должник... — но Шабукевич отключился.

До Республиканской добрались без приключений. Сашка взломал дверь лифтовой и до вечера они с Леной просидели в этой крохотной, наполненной визгом лебедки и подвыванием электромотора, комнатухе. Лена пристроилась на полу, положив голову на Сашкины колени, и прикрыла глаза. Может, и не спала, но ничего не говорила. Зуб тоже не донимал

подругу разговорами. О чем говорить, когда и так все ясно. Периодически он спускался к дверям квартиры аэропортовского майора, но тот все не появлялся.

Наступил вечер. Лифт перестал терроризировать беглецов непрерывным лязганьем, заерзal по шахте все реже и реже и, отправившись на разведку в очередной раз, Сашка нашел, что искал. Когда он осторожно выглянул из-за ствола мусоропровода, майор стоял у двери и тыкал ключом в замочную скважину. Щелчок замка совпал с Сашкиным прыжком. Толкнув хозяина в дверной проем. Зуб прижал того к стене прихожей и ногой захлопнул входную дверь. Майор дернулся, но точный удар по печени заставил его осесть на пол.

В квартире не раздалось ни звука, Сашка нашарил в темноте выключатель, и прихожую залил зеленоватый свет.

— Ой, дурень, — майор оказался совсем не подарком. Извлеченный из плечевой кобуры «Макаров» смотрел Сашке точно в лоб, — По-людски подойти не мог... Твоё счастье, что шеф позвонил, предупредил о твоем горе.

Зуб помог хозяину подняться и извинился.

— Да что мне твои извинения, — отмахнулся тот, — ты хоть знаешь в каком ты деръме?

Относительно деръма Сашка не сомневался, но услышать подробности оказалось нeliшним. Масштабы розыска произвели впечатление, однако про себя он отметил, что о Лене толком ничего неизвестно, да и его разыскивают под настоящей фамилией. Паспорт на имя А.А. Рябцева в ориентировках не фигурировал.

— Короче, веди свою жену, где ты ее там прячешь, и поговорим, — особой радости майор не испытывал, но просьба Шабукевича, похоже, была для него законом. Сашка сбежал за Леной, обрадовал ее, что неприятности, кажется, подходят к концу и привел в квартиру майора.

— Утро вечера мудренее, — рассудил тот, оглядев измученную Лену с ног до головы, — примите ванну, поужинаем и спать. А утром все уладим.

Когда Лена скрылась в ванной комнате, майор утянул Сашку на кухню и заявил:

— В общем, так. У вас когда рейс? В десять сорок на Франкфурт? Она улетит, обещаю. Тебе же, Зубенко Александр Васильевич, придется самому из города выбираться. Я в жизни такого розыска не видел, все, под контролем. Даже если в багажнике тебя вывезу, в порту не убережешься. Как бы я ни хотел помочь, из-за тебя голову на плаху положу. А девушку отправлю, будь уверен.

Сашка помолчал и кивнул:

— Лады. Это лучший вариант, главное, она уйдет. Вы утром в аэропорт, а я как-нибудь сам.

Майор постелил им в гостиной на диване. Когда он, пожелав приятных сновидений — какие уж тут приятности? — скрылся в спальной комнате, Лена, за ужином узнавшая, что лететь ей придется одной, разрыдалась. Сашка успокаивал подругу, как мог, она и сама понимала, что выбора нет, но унять слезы была ни в силах. Совсем не истеричка, нет, скорее сознание полной безысходности и горечь из-за невозможности что-либо изменить.

— Господи, ну почему все так получается, — захлебываясь от рыданий, шептала она, уткнувшись носом в Сашкину руку. — Что же это за жизнь такая паскудная? Сережку убили, Мишку. Это я во всем виновата — неожиданный вывод заставил ее успокоиться.

— Да ты-то причем? — Сашка осторожно погладил ее мягкие шелковистые волосы. — Знаешь, я о другом сейчас думаю. Доберусь до Карлсруэ, тебя отыщу, все наладится, и заживем мы, как нормальные люди. А это забудется, как кошмарный сон, не было ничего, понимаешь? Время любую рану залечит.

Говорил и прекрасно понимал, что не забудется. И за Сэта до гроба себя будет казнить и за эти вот Ленкины слезы. Счет, выставленный жизнью, оплачивать, кроме него, некому. Но это потом, когда все закончится, теперь же и думать ни о чем не хотелось. И, освобождая голову от ненужных мыслей, Сашка склонился к Лениному лицу, нежно прикоснулся к

вздрагивающей щеке губами и зашептал самые ласковые слова, какие знал, прижался к податливому телу грудью, утонул в распахнувшихся объятиях, и окружающий мир, объявиивший им войну, исчез. Оба даже не пытались понять, что происходит — прощаются ли навсегда, хотят ли просто укрыться от кошмара в океане безумной страсти. Время остановилось, теплая весенняя ночь дышала в распахнутую форточку легким сквознячком, начиная уже розоветь на востоке, а Сашка с Леной все тонули и тонули в гибельных для кого-то, но спасительных для них волнах великой удивительной любви, то сливаясь в единое целое, то, отпрянув, с изумлением оглядывая друг друга, словно впервые увидев, и не было сейчас на свете силы, способной заставить их остановиться и вернуться на бренную землю.

Под утро Сашка все-таки уснул, а Лена, прижавшись щекой к его груди, смотрела на струившийся в окно солнечный свет и шептала молитву. В Бога она сроду не верила, но сейчас это не имело ровным счетом никакого значения. Молилась искренне, даже исступленно, умоляя уберечь любимого от беды и помочь им встретиться вновь. Она и слово не подбирала, обращаясь к Все вышнему, слова находились сами по себе и были в них вера, надежда и любовь — остальное Спасителю без надобности...

В дверь гостиной легонько стукнули, и на пороге появился хозяин квартиры.

— Ребятки, подъем, — он скрылся в ванной, на ходу подтягивая тренировочные штаны. Сашка проснулся мгновенно, сел, перехватил напряженный взгляд Лены и улыбнулся:

— О-о, солнышко. Значит день будет удачным.

За наскоро приготовленным Леной завтраком, Зуб обратился к майору с просьбой:

— Кстати, нельзя ли у вас стволом разжиться?

— А из чего ты на Круглой целый взвод уложил? — поразился хозяин, уверенный, что гость таскает с собой, как минимум, ручной пулемет.

— Потерял, — туманно пояснил Сашка. — Так поможете?

— Дожился, майор милиции, — вздохнул майор. — Деньги-то у тебя есть?

— А что?

— Ствол денег стоит. Шеф просил, но чтобы вооружать тебя, разговора не было. Короче, пятьсот баксов и получишь пистолет. Правда, всего одна обойма, но машинка хорошая. «Чешская зброевка» калибра семь шестьдесят пять. Бьет, как «тетешник», даже лучше.

Сашка достал из куртки бумажник и отсчитал пять зеленых стольников. Майор спрятал деньги в карман, слазил в платяной шкаф, извлек из старой обувной коробки черный длинноствольный пистолет и, тщательно протерев носовым платком, передал его Зубу.

Убедившись, что оружие в идеальном состоянии, Сашка заткнул пистолет за пояс и сразу почувствовал себя увереннее.

— Пора, — майор допил кофе и встал из-за стола, приглашая гостей в прихожую.

Прощались в подъезде. Майор прогревал двигатель своей «восьмерки», а Сашка с Леной прижались друг к другу и никак не могли разъединиться. Наконец майору надоело ждать, и с улицы донесся нетерпеливый короткий сигнал.

— Код не забудь. И ключ не потеряй. — Сашка понимал, что говорит совсем не то, но никакие слова не смогли бы передать его состояние. Лена, судя по всему, держалась из последних сил и готова была вновь разрыдаться.

— Не вздумай плакать, — Сашка легонько отодвинул ее от себя. — Иди. Я тебя отыщу...

По ярко освещенной солнцем улице недавно проснувшегося большого города шел человек. Шел, сжимая в кармане взвешенный пистолет, готовый к любой неожиданности, спокойный и уверенный в себе. Ему объявили войну, поставили все закона, что же, он тоже объявляет войну, а законы? Законы, принятые государством, а значит и теми, кому понадобилась его жизнь, он нарушал всегда. Придерживался иных законов, простых, общечеловеческих, в первую очередь подразумевающих порядочность по

отношению к себе подобным. Необходимую, как он считал, даже проходимцу и мошеннику.

Теперь его пытались сделать негодяем, пытались те, кто сами-то в жизни не соблюли ни одного закона, те, кто не имеет ни морали, ни совести. Что произойдет через час или через минуту он не знал. Зато точно знал, что ни поселившаяся в сердце решимость разомкнуть стальной круг облавы, ни закипавшая звериная ярость, душу его не затронут. Кем-кем, а негодяем ему не стать никогда.

март-апрель 1995 года, г. Глубокое